

Казанский социально-гуманитарный вестник

Информационный научно-аналитический журнал

2026, № 2 (73)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Минзарипов Рияз Гатауллович, доктор социологических наук, профессор. Президент Казанского (Приволжского) федерального университета, зав. кафедрой общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ. Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Российская Федерация, г. Казань

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Липатова Анна Вячеславовна – кандидат политических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ, Российская Федерация, г. Казань

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляев Владимир Александрович, доктор политических наук, профессор. Заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента Института инженерной экономики и предпринимательства Казанского национального исследовательского университета им. А.Н. Туполева – КАИ, г. Казань, Россия
Большаков Андрей Георгиевич, доктор политических наук, доцент. Заведующий кафедрой международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

Дадаева Татьяна Михайловна, доктор социологических наук, доцент. Заведующая кафедрой социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия
Досанова Гулим Мендыгалиевна, PhD по социологии. Старший преподаватель кафедры социологии Высшей школы журналистики и социальных наук Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

Ершов Андрей Николаевич, доктор социологических наук, профессор. Профессор кафедры регионоведения и цифровой гуманитаристики Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

Ефлова Мария Юрьевна, доктор социологических наук, профессор. Директор Института социально-философских наук массовых коммуникаций Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор. Заведующий кафедрой политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

Морозова Галина Викторовна, доктор экономических наук, профессор. Заведующая кафедрой связей с общественностью Института социально-философских наук массовых коммуникаций Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

Николаева Евгения Михайловна, доктор философских наук, профессор. Профессор кафедры общей философии Института социально-философских наук массовых коммуникаций Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

Певная Мария Владимировна, доктор социологических наук, доцент. Заведующая кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Савельева Жанна Владимировна, доктор социологических наук, доцент. Профессор кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

Судьин Сергей Александрович, доктор социологических наук, профессор. Заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Шатунова Татьяна Михайловна, доктор философских наук, профессор. Профессор кафедры социальной философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

Щелкунов Михаил Дмитриевич, доктор философских наук, профессор. Заведующий кафедрой общей философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

Журнал включен в перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК (Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Урал-пресс» № 11899.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ №ФС77-75726 от 08 мая 2019 г.

Цена свободная

Компьютерная верстка, оформление обложки:
А.И. Галиулина

Адрес редакции: РТ, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35, каб. 1609
Тел. редакции: (843) 233-76-19

Адрес в сети Интернет: <https://kasogve.elpub.ru/jour>
E-mail: kazvestnik@mail.ru

Подписано в печать 30.06.2026. Дата выхода в свет 30.06.2026. Формат 70*108 1/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Печ. л. 6,62. Тираж 300 экз. Заказ № 29/6.

Отпечатано в типографии Издательства Казанского университета

Адрес издателя и типографии: 420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37 тел. (843) 206-52-14 (доп. 1705), 206-52-14 (доп. 1704)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

Гарипова Р.Р., Пинигина А.С. Искусственный интеллект в системе высшего образования: практики использования студентами.....4

Игонин Д.И. Новая концепция государственной миграционной политики России на 2026–2030 годы в дискурсе федеральных СМИ..... 13

Павлова Л.Л., Хайруллина Н.Г. Модели многодетного материнства в конструируемых СМИ нарративах известных российских женщин 24

Хамитов Д.Д. Платформенная урбанизация: как цифровые платформы (Авито, Яндекс, Wildberries) реструктурируют пространство городских агломераций 36

Хурамшин И.Г., Хурамшина А.З. Школьные спортивные клубы Татарстана: представления и повседневные практики обучающихся.....47

ФИЛОСОФИЯ

Балантаев Е.Д., Фазлеева Р.Р. Идейное содержание текста движения царебожников «Краткое исповедание грехов против царской власти» 57

Дьяконова Т.И. Учение о бессмертии души в системе «трансцендентального монизма» В.Д. Кудрявцева-Платонова 68

Захарова Л.И., Абовян Е.Н. Историческая миссия России в концепции общеевропейской цивилизации Ф.И. Тютчева: анализ идей в свете современной геополитической ситуации..... 76

Сафонов А.С. Прогресс в философии: возможность крайнего оптимизма 84

Хузиахметов В.А. От «простого» к явлению: феноменология «прихода» и событие языка..... 96

Штайнбух Томас. Структура Ницше: биология переоценки и ее порождающая логика 103

CONTENTS

SOCIOLOGY

Garipova R.R., Pinigina A.S. Artificial Intelligence in Higher Education: Student Use Practices.....	4
Igonin D.I. The New Concept of Russia's State Migration Policy for 2026–2030 in the Discourse of Federal Media.....	13
Pavlova L.L., Khairullina N.G. Models of Motherhood with Many Children in Media-Constructed Narratives of Famous Russian Women.....	24
Khamitov D.D. Platform Urbanization: How Digital Platforms (Avito, Yandex, Wildberries) Restructure the Space of Urban Agglomerations.....	36
I.G. Khuramshin, A.Z. Khuramshina. School Sports Clubs of Tatarstan: Perceptions and Everyday Practices of Students	47

PHILOSOPHY

Baltantaev E.D., Fazleeva R.R. The Ideological Content of the Tsarebozhniki Movement's Text "A Brief Confession of Sins Against Royal Authority"	57
Dyakonova T.I. The Doctrine of the Immortality of the Soul in the System of "Transcendental Monism" by V. D. Kudryavtsev-Platonov	68
Zakharova L.I., Abovyan E.N. The Historical Mission of Russia in the Concept of Fyodor Tyutchev's Pan-European Civilization: Analysis of Ideas in the Light of the Current Geopolitical Situation	76
Safonov A.S. Progress in Philosophy: The Possibility of Extreme Optimism	84
Khuziakhmetov V.A. From the "Simple" to the Phenomenon: The Phenomenology of the "Coming" and the Event of Language	96
Steinbuch Thomas. The Structure of Nietzsche: The Biology of the Revaluation and Its Generative Logic	103

Научная статья

Research article

УДК 316.74

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.2.4-12>

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Искусственный интеллект в системе высшего образования: практики использования студентами

Гарипова Р.Р., Пинигина А.С.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Интенсивная интеграция искусственного интеллекта в социальную жизнь становится драйвером институциональных изменений в обществе, в том числе и в сфере высшего образования. Практики применения технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе оказываются в условиях нормативного вакуума, что влияет на трансформацию представлений студентов о границах академической честности. Целью настоящего исследования является выявление этических границ и поведенческих паттернов использования искусственного интеллекта студентами вузов г. Казани. На основе результатов исследования были разработаны композиционные индексы, выделены этические профили студентов, классифицированы сценарии использования искусственного интеллекта в границах их допустимости в оценках студентов. Результаты исследования могут быть применены при разработке образовательных модулей и локальных нормативных документов университетов или их отдельных подразделений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, генеративные нейронные сети, академическая честность, система высшего образования, цифровая трансформация образования

Для цитирования: Гарипова Р.Р., Пинигина А.С. Искусственный интеллект в системе высшего образования: практики использования студентами. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2026;(2(73)):4–12.

Artificial Intelligence in Higher Education: Student Use Practices

Garipova R.R., Pinigina A.S.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. The intensive integration of artificial intelligence into social life is driving institutional change in society, including higher education. The application of artificial intelligence technologies in the educational process is experiencing a regulatory vacuum, which is affecting the transformation of students' perceptions of the boundaries of academic integrity. The aim of this study is to identify the ethical boundaries and behavioral patterns of artificial intelligence use by Kazan students. The study was conducted using a quantitative

data collection method: a questionnaire survey. Based on the results of the empirical study, composite indices were developed, student ethical profiles were identified, and AI use scenarios were classified based on their acceptability in student assessments. The results of the study can be applied in the development of educational modules and local regulatory documents for universities or their individual departments.

Keywords: artificial intelligence, generative neural networks, academic integrity, higher education system, artificial intelligence in education, digital transformation of education

For citation: Garipova R.R., Pinigina A.S. Artificial Intelligence in Higher Education: Student Use Practices. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;(2(73)):4–12 (In Russ.)

Введение

В процессе цифровизации общества система образования претерпевает значительные изменения – например, появился тренд на применение дистанционных и интерактивных форм обучения. Вместе с тем по мере того, как активно развиваются технологии искусственного интеллекта (ИИ) и генеративные нейронные сети (нейросети), появляются новые модели и повышается уровень их доступности, они активно интегрируются в образовательную среду и трансформируют ее. В зарубежных исследованиях значимую роль играют концепции «digital ethics» («цифровая этика») и «AI literacy» («ИИ-компетентность»), связанные с ответственным и этическим использованием цифровых технологий, в том числе искусственного интеллекта («AI ethics» – «ИИ-этика») [1]. Проводимые исследования демонстрируют, что при интенсивном обучении «AI ethics» систематическая оценка изменений поведенческих практик еще не показала свою эффективность [2].

Теоретической базой данного исследования стали работы в области социологии науки и техники (STS). В рамках этого направления искусственный интеллект определяется как социотехническая система, влияющая на различные сферы общественной жизни и порождающая новые исследовательские проблемы. Важно отметить значимость акторно-сетевой теории

Б. Латура, с позиций которой ИИ рассматривается исследователями как один из участников сети, который также оказывает влияние на нее и других участников [3]. В этой логике Ш. Джасанофф и С.Ю. Ким предлагают концепцию социотехнических воображаемых, которая в контексте настоящего исследования позволяет рассматривать представления студентов о допустимости искусственного интеллекта как коллективное «виденье желаемого будущего» [4].

Для дальнейшего анализа была использована концепция, предложенная Л. Сачмен. В работе «Реконфигурация взаимоотношений человек-машина» исследователь демонстрирует непрекращающуюся модификацию отношений между пользователем и технологией в различных условиях ее применения [5]. Л. Сачмен предлагает рассматривать применение технологий в контексте исследования – искусственного интеллекта – с позиций «планов», то есть нормативных ожиданий его использования со стороны социальных институтов, и «ситуативных действий», под которыми понимаются непосредственные практики интеграции технологий в академической повседневности студентов.

В российском контексте исследовательский фокус направлен на выявление практик использования ИИ в повседневной жизни и форм самообразования посредством интеллекту-

альных технологий [6; 7]. В контексте системы образования рассматриваются способы взаимодействия студентов с генеративными нейросетями и вытекающие из этого проблемы академической нечестности [8], а также отношение преподавательского сообщества к новым технологиям и их уровню цифровой грамотности [9]. Так, П.В. Сысоев на выборке из 426 преподавателей из 18 вузов показал, что многие педагоги обладают сегментарными знаниями о возможностях применения технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе, вследствие чего автор приходит к выводу, что интеграция ИИ в современную систему образования находится на начальной стадии [10]. Еще один отечественный исследователь С.Е. Шишов демонстрирует, что в условиях цифровизации общества цели образования должны претерпеть переориентацию, где важным аспектом будет развитие метакогнитивных навыков у студентов и их способность к самообучению [11].

Исследование Л.П. Костиковой было направлено на установление студенческих практик использования искусственного интеллекта [12]. Результаты исследования показали, что применение технологий нейросетей происходит стихийно и бессистемно, а стратегии студентов авторы интерпретируют как осторожные. Таким образом, на сегодняшний день существует противоречие между распространенностью ИИ-инструментов в повседневных практиках студентов, с одной стороны, и нормативно-ценностными установками в сфере высшего образования, с другой стороны.

Материалы и методы

Для исследования практик применения искусственного интеллекта в образовательном процессе мы использовали метод анкетного опроса. Объектом исследования выступили студенты пяти вузов г. Казани (КФУ, КГЭУ,

КНИТУ-КАИ, КНИТУ-КХТИ, КГМУ), отобранных в рамках квотной выборки ($n=453$) с контролем состава респондентов по полу и возрасту. Опрос осуществлялся на базе онлайн-платформы Yandex Forms, что позволило обеспечить быстрый доступ к целевой аудитории и снизить организационные и временные издержки. Сбор данных проводился в марте 2026 года.

Обработка и анализ данных выполнены с применением машинного обучения в среде Python с использованием библиотек Pandas, NumPy, SciPy, Scikit-learn. Процедура включала: очистку и стандартизацию массива; дескриптивную статистику и кросстабляционный анализ; корреляционный анализ установок; логистическую регрессию и кластерный анализ методом K-Means, дополненный методом главных компонент (PCA) для выделения этических профилей студентов.

Результаты и обсуждение

Согласно результатам исследования, студенты казанских университетов широко используют искусственный интеллект для решения учебных задач: 71,9% всех опрошенных оценивают свой уровень знаний об искусственном интеллекте как хороший, и только 1,9% ничего не знают о данных технологиях. При этом активными ИИ-пользователями являются 83,1% респондентов, то есть те, кто пользуется интеллектуальными системами ежедневно или несколько раз в неделю. Наиболее распространенными практиками использования генеративных нейросетей стали сценарии, в которых технологии выступают вспомогательным и поддерживающим инструментом: поиск и обобщение информации (73,8%), подготовка к экзаменам и зачетам (55,9%), редактирование авторского текста (55,7%), но отмечается также значимая доля практик, потенциально связанная с подменной авторства: написание академиче-

ских текстов (43,8%) и генерация идей для исследований (40%).

Для определения этических границ допустимости использования искусственного интеллекта в образовании респонденты оценивали степень своего согласия с рядом утверждений. Для детализации структуры установок был проведен корреляционный анализ. Наиболее сильная положительная связь ($r = 0.59, p < 0.001$) зафиксирована между утверждениями «Умение работать с ИИ – важный навык» и «Вузы должны учить студентов грамотно использовать ИИ» (Рис. 1). Данная корреляция показывает, что запрос на легализацию и обучение работе с ИИ-технологиями исходит от тех, кто осознает важность искусственного интеллекта для своей будущей карьеры. Именно эти студенты острее всего чувствуют неопределенность институциональных норм и дефицит навыков профессиональной работы с этими инструментами.

На основе анализа практик применения студентами искусственного ин-

теллекта в образовательном процессе и их убеждений относительно роли технологий генеративных нейронных сетей была выстроена иерархия допустимости сценариев использования искусственного интеллекта («Лестница допустимости»). Визуализация данных позволяет выделить три четко дифференцированные зоны, выделенные по порогам консенсуса: зону допустимости, зону нормативной неопределенности и зону недопустимости (Рис. 2). В зону допустимости вошли сценарии, в которых ИИ выступает в роли ассистента, выполняющего формальные и рутинные задачи, среди которых перевод источников, поиск и обобщение информации, подготовка к экзамену и редактирование собственного текста. Недопустимыми оказались практики, связанные с полной или частичной заменой авторства, написание работы целиком (эссе, реферат) и написание выпускной квалификационной работы. При этом стоит отметить, что сценарии, которые студенты относят к зоне

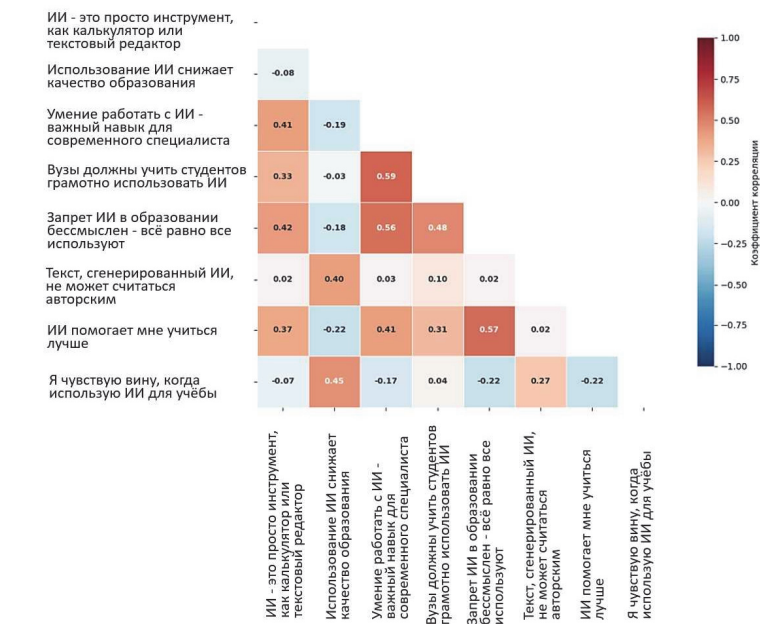

Рис. 1. Корреляционная матрица утверждений (коэффициент корреляции Спирмена)
Источник: составлено авторами на основе авторского исследования

недопустимости, в скором времени могут перейти в зону нормативной неопределенности, куда вошло написание программного кода и решение математических или инженерных задач.

Таким образом, граница допустимого использования ИИ-технологий в представлениях студентов проходит по линии замещения авторского вклада. Кластерный анализ убеждений свидетельствует об амбивалентности: студенты одновременно стремятся к легализации и инструментализации технологии, но на когнитивном уровне осознают риски снижения качества образования при полном замещении собственной аналитической работы. Это создаёт напряжение между эффективностью инструмента и нормативными ограничениями, что формирует внутренний конфликт, в котором находится современный студент.

Анализ стратегий декларирования применения искусственного интеллекта в академических работах показал, что студенты демонстрируют стратегию сокрытия применения нейросетей.

Среди активных пользователей 58% респондентов не указывают использование ИИ-технологий при сдаче работ. Барьерами легализации искусственного интеллекта в образовании респонденты отмечают: отсутствие чётких правил (54,5%), негативное отношение преподавателей (50,4%), запреты и ограничения со стороны вуза (44,6%). С помощью регрессионного анализа, в котором целевой переменной было указание факта применения искусственного интеллекта при выполнении работы, выявлены факторы, влияющие на честное использование интеллектуальных технологий. Самым значимым фактором является «страх последствий», под которым понимается снижение оценки за работу, отказ преподавателя принять работу и другие санкции. Студенты, которые уже сталкивались с негативной реакцией преподавателей, в 2,5 раза чаще указывают использование ИИ, в то время как чувство вины работает в обратную сторону, заставляя студентов скрывать использование искусственного интеллекта.

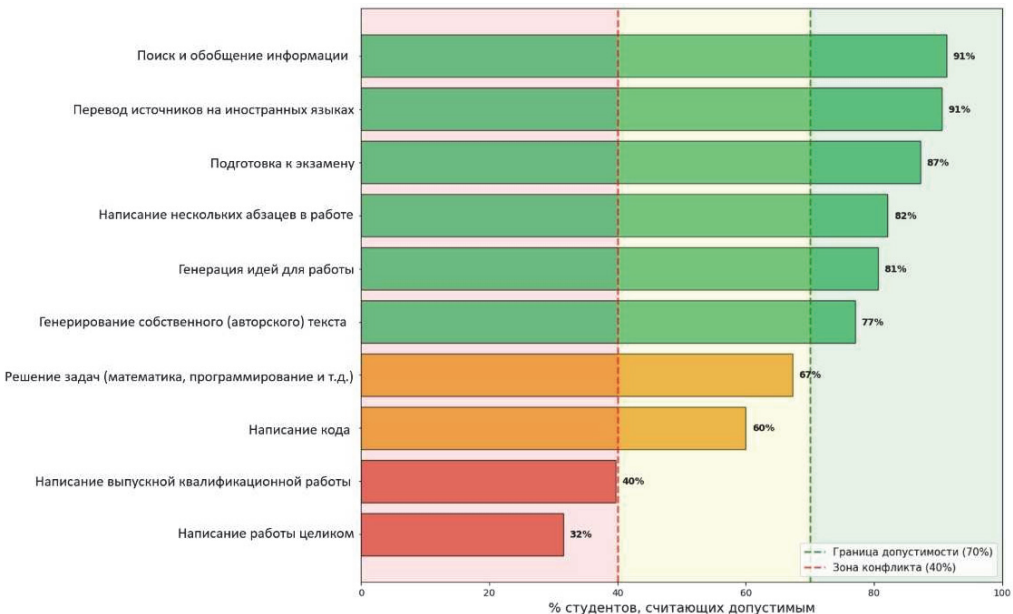

Рис. 2. Визуализация «Лестницы допустимости» использования ИИ (границы академической честности)

Источник: составлено авторами на основе авторского исследования

Дескриптивная статистика этих данных позволила разработать композиционные индексы, которые представляют собой единые числовые показатели, выведенные из нескольких переменных и стандартизированные в одну шкалу. Было составлено четыре основных индекса: индекс интенсивности, позволяющий определить активность использования ИИ-технологий; индекс допустимости для установления этических границ; индекс академического риска, демонстрирующий поведение студента с точки зрения академической честности; индекс нормативной неопределенности, показывающий уровень осведомленности о правилах использования искусственного интеллекта в университете.

Рассматривая значения индексов в разрезе университетов, стоит отметить, что студенты КФУ демонстрируют минимальные значения практически по каждому индексу, что может говорить о консервативной позиции университета в отношении возможности применения искусственного интеллекта в учебе (Табл. 1). Индекс нормативной определенности находится на относительно низком уровне у всех университетов и в среднем составляет 38,7%, что свидетельствует о нормативном вакууме как одном из ключевых проявлений современной образовательной среды.

Исходя из этого, была предложена типология этических профилей студентов. Применяя метод кластеризации K-Means ($k=3$, определено методом локтя) по четырем стандартизированным переменным, стало возможным выделить трех устойчивых этических профилей. Для визуализации многомерных данных был применен метод главных компонент (РСА), который позволил перевести 4-мерное пространство используемых метрик в 3D-пространство, сохраняя при этом 90% исходной информации (Рис. 3).

«Этичные пользователи», составляющие 39,7% от числа всех опрошенных, демонстрируют низкую допустимость академических нарушений, высокую прозрачность при указании использования искусственного интеллекта при сдаче работ и высокий уровень рефлексии. «Прагматики», к которым относятся 22,5% респондентов, характеризуются ситуативным поведением, то есть их готовность декларировать использование ИИ-технологии зависит от воспринимаемой позиции преподавателя и потенциальных последствий. У «рисковых пользователей» (37,8%) отмечается высокий уровень допустимости написания работ целиком, низкая прозрачность использования интеллектуальных систем и отсутствие чувства вины.

Таблица 1

Средние значения композитных индексов по университетам, %

Университет	Индекс интенсивности	Индекс допустимости	Индекс академического риска	Индекс нормативной определенности
КНИТУ-КАИ	67,9	73	53,4	43
КГЭУ	62,1	71,7	54,3	40,3
КГМУ	61,9	69,5	57	36,2
КНИТУ-КХТИ	59,9	68,6	48,9	39,3
КФУ	51,5	63,2	49,5	36,4
<i>Среднее значение</i>	<i>59,2</i>	<i>68,4</i>	<i>52,1</i>	<i>38,7</i>

Источник: составлено авторами на основе авторского исследования

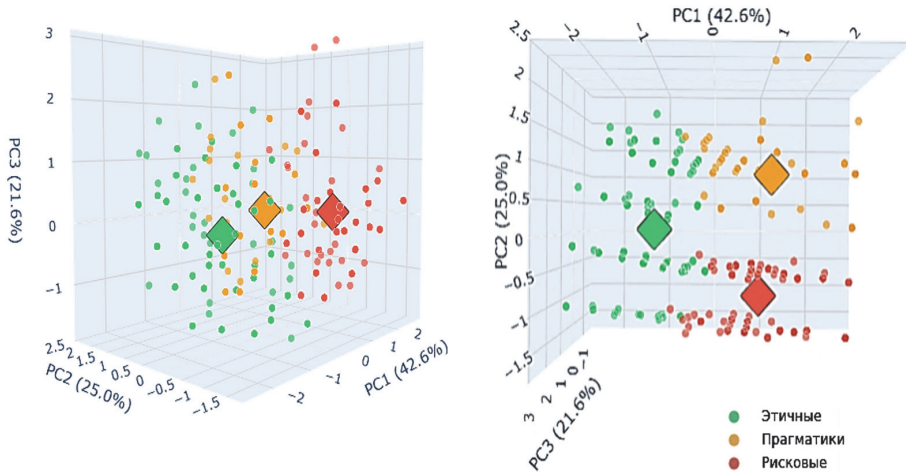

Рис. 3. 3D PCA-графика: распределение нормализованных средних значений по кластерам

Источник: составлено авторами на основе авторского исследования

Заклучение

Полученные нами результаты исследования подтверждают наличие нормативного вакуума образовательной системы, что отражает низкий индекс нормативной определенности во всех обследуемых университетах. Отсутствие институциональных рамок формирует феномен сокрытия использования искусственного интеллекта и создает условия, в которых студенты формируют собственные этические границы допустимости. Разработанная модель «Лестница допустимости» демонстрирует, что вспомогательные сценарии становятся фактически легитимными на уровне повседневной нормы, а граница честности проходит по степени замещения авторства.

При этом студенческое сообщество не является гомогенным, студенты не отказываются от использования интеллектуальных систем, но выбирают различные стратегии допустимости и декларирования этого применения. Выявленное в представлениях студентов разграничение ИИ-технологий как «помощника» и «заместителя» может стать основой для разработки дифференцированных правил регулирования применения искусственного интеллекта при выполнении учебных задач. Перспективой дальнейшего исследования является проведение серий экспертных интервью для определения институциональных способов нормализации и интеграции искусственного интеллекта в систему высшего образования.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Список литературы / References

1. Воробьев Р.Р., Краснов А.С. Эпистемология интеллекта: основания разграничения естественного и машинного мышления. *Казанский социально-гумани-*

тарный вестник. 2025;(3(70)):46-53. DOI 10.26907/2079-5912.2025.3.46-53.

Vorobev R.R., Krasnov A.S. Epistemology of intelligence: methodology of distin-

- guishing natural and machine thinking. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(3(70)):46–53. DOI 10.26907/2079-5912.2025.3.46–53. (In Russ.)
2. Wiese L.J., Patil I., Schiff D.S., Magana A.J. AI ethics education: A systematic literature review. *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 2025;8(3):100405. DOI 10.1016/j.caeai.2025.100405.
3. Латур Б. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow: HSE Publishing House, 2014. 384 p. (In Russ.)
4. Jasanoff S., Kim S.-H. *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power*. Chicago: University of Chicago Press, 2015. 364 p.
5. Suchman L.A. *Human-Machine Reconfigurations: Plans and Situated Actions*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 314 p.
6. Авдонин В.С., Силаева В.Л. Нейросети нового поколения в контексте технологий искусственного интеллекта, философии и социально-политических наук. *Политическая наука*. 2023;(4):127–154. DOI 10.31249/poln/2023.04.05.
Avdonin V.S., Silaeva V.L. New generation neural networks in the context of artificial intelligence technologies, philosophy and socio-political sciences. *Political Science*. 2023;(4):127–154. DOI 10.31249/poln/2023.04.05. (In Russ.)
7. Корбут А.М. Одомашнивание искусственного интеллекта: умные колонки и трансформация повседневной жизни. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021;(1):193–216. DOI 10.14515/monitoring.2021.1.1808.
Korbut A.M. Domestication of Artificial Intelligence: Smart Speakers and Transformation of Everyday Life. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021;(1):193–216. DOI 10.14515/monitoring.2021.1.1808. (In Russ.)
8. Субботина М.В. Искусственный интеллект и высшее образование — враги или союзники? *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2024. Т. 24, № 1. С. 176–183. DOI 10.22363/2313-2272-2024-24-1-176-183.
Subbotina M.V. Artificial intelligence and higher education – enemies or allies? *RUDN Journal. Series: Sociology*. 2024;24(1):176–183. DOI 10.22363/2313-2272-2024-24-1-176-183. (In Russ.)
9. Сысоев П.В., Филатов Е.М. ChatGPT в исследовательской работе студентов: запрещать или обучать? *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023;28(2):276–301. DOI 10.20310/1810-0201-2023-28-2-276-301.
Sysoyev P.V., Filatov E.M. ChatGPT in students' research: to forbid or to teach? *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2023;28(2):276–301. DOI 10.20310/1810-0201-2023-28-2-276-301. (In Russ.)
10. Сысоев П.В. Искусственный интеллект в образовании: осведомлённость, готовность и практика применения преподавателями высшей школы. *Высшее образование в России*. 2023;32(10):9–33. DOI 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33.
Sysoyev P.V. Artificial Intelligence in Education: Awareness, Readiness and Practice of Using Artificial Intelligence Technologies in Professional Activities by University Faculty. *Higher Education in Russia*. 2023;32(10):9–33. DOI 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33. (In Russ.)
11. Шишов С.Е. Трансформация целей высшего образования в цифровую эпоху «искусственного интеллекта». *Ценности и смыслы*. 2025;(4(98)):31–43. DOI 10.24412/2071-6427-2025-4-31-43.
Shishov S.E. Transformation of higher educational goals in the digital age of "artificial intelligence". *Values and Meanings*. 2025;(4(98)):31–43. DOI 10.24412/2071-6427-2025-4-31-43. (In Russ.)
12. Костикова Л.П., Есенина Н.Е., Ольков А.С. Искусственный интеллект в образовательном процессе современного университета: результаты опроса студентов. *Концепт*. 2025;(2):93–109. DOI 10.24412/2304-120X-2025-11022.
Kostikova L.P., Yesenina N.Ye., Olkov A.S. Artificial intelligence in the educational environment of the modern university: the results of the student survey. *Koncept*. 2025;(2):93–109. DOI 10.24412/2304-120X-2025-11022. (In Russ.)

Информация об авторах

Гарипова Регина Рафисовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. Author ID 786602, ORCID ID 0000-0002-0888-0909; e-mail: nir_soc@mail.ru

Пинигина Алина Сергеевна, студент 4 курса (бакалавриат) кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. ORCID ID 0009-0009-5781-3129; e-mail: piniginalina@mail.ru

Поступила в редакцию 20.04.2026
Принята после рецензирования 01.06.2026
Принята к публикации 20.06.2026

Information about the authors

Regina R. Garipova, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Department of General and Ethnic Sociology, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University. Author ID 786602, ORCID ID 0000-0002-0888-0909; e-mail: nir_soc@mail.ru

Alina S. Pinigina, fourth-year student (bachelor), Department of general and ethnic Sociology of the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University. ORCID ID 0009-0009-5781-3129; e-mail: piniginalina@mail.ru

Received April 20, 2026
Revised June 01, 2026
Accepted June 20, 2026

УДК 325.14

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.2.13-23>

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Новая концепция государственной миграционной политики России на 2026–2030 годы в дискурсе федеральных СМИ

Игонин Д.И.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18 корп. 1, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу содержания и дискурсивной направленности публикаций интернет-СМИ и прочих периодических изданий относительно новой Концепции миграционной политики Российской Федерации на период 2026–2030 гг. В ходе исследования с помощью метода контент-анализа получены данные об относительной частоте упоминаний новой Концепции миграционной политики в средствах массовой информации; определен политический тон публикаций, затрагивающих тематику новой миграционной политики в РФ; выявлено соотношение положительных, нейтральных и критических по направленности материалов. Анализ дискурсивных тенденций в СМИ в отношении выделенных приоритетных направлений концепции государственной миграционной политики указывает на преобладание рестриктивного дискурса над аккомодационным. Согласно отражению дискурсов в СМИ, новая российская миграционная политика обобщает обеспечение безопасности национальных интересов и социальную интеграцию посредством привлечения квалифицированных рабочих кадров из числа мигрантов и релокантов.

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, концепция государственной миграционной политики РФ, СМИ, дискурс

Для цитирования: Игонин Д.И. Новая концепция государственной миграционной политики России на 2026–2030 годы в дискурсе федеральных СМИ. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2026;(2(73)):13–23.

The New Concept of Russia's State Migration Policy for 2026–2030 in the Discourse of Federal Media

Igonin D.I.

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. The article analyzes the content of publications in online media and other periodicals regarding the concept of migration policy of the Russian Federation for the period 2026–2030. The study determined the

relative frequency of mentions of the new concept of migration policy in the media. The political tone of publications concerning the new migration policy in the Russian Federation has been determined, and the ratio of positive, neutral, and critical materials has been revealed. The analysis of discursive trends in the media in relation to the identified priority areas of the concept of state migration policy shows the predominance of restrictive discourse over accommodative. According to media reports, the new Russian migration policy summarizes ensuring the security of national interests and social integration by attracting skilled workers from among migrants and migrants.

Keywords: migration, migration policy, the concept of the state migration policy of the Russian Federation, mass media, discourse

For citation: Igonin D.I. The New Concept of Russia's State Migration Policy for 2026–2030 in the Discourse of Federal Media. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;2(73):13–23 (In Russ.)

Введение

Усиление миграционной политики, вызванное объективными обстоятельствами политической обстановки в современной России за последние несколько лет, вызвало противоречивые оценки в средствах массовой информации и породило дискурс о сущности миграции в контексте социально-демографических и социально-экономических процессов государства. Разделенность представлений о миграции «полезной» и о «несущей потенциальную опасность» российскому социуму определяет необходимость обращения к анализу нарративов, представленных как в самих информационных источниках, так и в комментариях к публикациям, затрагивающим эту тему в СМИ. Концепция миграционной политики, принятая в 2018 году, завершила свое действие и была заменена новой, рассчитанной на период до 2030 года, содержащей в себе принципы и положения, позволяющие говорить об ужесточении мер по отношению к мигрантам. Если ранее государственная политика была выстроена вокруг ряда действий, нацеленных на упрощение возможности получения иностранными лицами всех необходимых документов для пребывания на территории России, то новая Концепция открывает возможности госу-

дарству более жестко контролировать и регулировать миграционные потоки [1]. Не претендуя на полный сравнительный анализ предыдущей и новой концепций миграционной политики, отметим, что ключевые различия между ними заключаются в появлении цифрового контроля за законностью пребывания мигрантов, их адаптации в российском обществе, способствующей строгому соблюдению ими правовых и социокультурных норм российского государства. Опасные прецеденты с зарубежными террористами (в частности, в марте 2024 года в Москве в «Крокус Сити Холле») привели к активизации действий силовых структур по усилению надзора за пребывающими в страну мигрантами. С начала 2025 года создан особый реестр контролируемых лиц, а с 30 июня 2025 года всем приезжим из безвизовых стран было дано предписание об обязательной сдаче биометрических данных в приложении ruID. Новая концепция миграционной политики направлена на то, чтобы миграционные процессы оставались контролируемыми, прозрачными и экономически обоснованными для рынка труда.

Обсуждение реакций общественности на уже предпринятые и планируемые меры в рамках новой Концепции в популярных источниках представляет собой значительный интерес для

анализа информационной среды в отношении миграционной политики и должно уточнять прогноз эффективности исполнения законодательной воли в данном вопросе. Российские специалисты в области миграции считают, что «концепция является творческим документом, содержащим последовательное изложение политического замысла и системы взглядов на решение значимой общественной проблемы» [2], значит, обладает потенциалом общественного обсуждения и трансформации.

Материалы и методы

В работе применяются методы контент-анализа и дискурс-анализа материалов российских СМИ федерального уровня, опубликованных в период с октября 2025 года по январь 2026 года. Началом анализируемого периода принято считать момент публикации Указа Президента РФ, согласно которому в России была утверждена новая Концепция миграционной политики на последующие пять лет (Указ-1). Методом целевой выборки было отобрано 193 публикации сайтов федеральных информационных агентств и периодических изданий, по статистике Медиалогии входящих в десятку наиболее популярных СМИ России: информационных агентств РИА Новости, ТАСС, Интерфакс, РБК (РосБизнесКонсалтинг), а также газет «Комсомольская правда», «Известия.Ru», «Газета.ru», «Коммерсант», «Московский комсомолец» и сайт международной телевизионной сети RT на русском языке (russian.rt.com) (Медиалогия). Данные СМИ имеют большие масштабы охвата читательской аудитории, а также высокие показатели узнаваемости, цитируемости в медиа, социальных сетях.

В рамках исследования был проведен метод количественно-качественного контент-анализа как прием прикладного исследования в изучении миграционной политики России. Такой подход предусматривает не толь-

ко измерение количественных данных элементов всего информационного пространства, но и связь их между собой в количественном и качественном отношениях [3].

Исследование содержания публикаций в СМИ, посвященных новой концепции государственной миграционной политики Российской Федерации до 2030 года, было связано с решением следующих задач: определение частоты и тональности упоминания указанной Концепции в публикациях федеральных СМИ (выделение доли поддерживающих, нейтральных и критических по отношению к Концепции миграционной политики материалов), их классификация по установленным нами ранее вариантам дискурсивных подходов, включающих аккомодационный (качественный отбор и адаптация мигрантов), рестриктивный (жесткая ограничительность и запрет) и промотивный (либеральный подход, свобода и открытость в отношении миграционных потоков) векторы [3].

Результаты и обсуждение

В октябре 2025 года президентом РФ Владимиром Путиным был подписан указ, согласно которому в стране была утверждена новая Концепция миграционной политики на 2026–2030 годы (далее – Концепция). На предыдущем этапе государственная политика в области миграции характеризовалась умеренно-жестким подходом, была направлена на упрощение процедур получения мигрантами патентов и других документов в основном за счет широкого использования IT-технологий. Теперь актуализированы другие приоритеты: рост числа иностранцев в стране, разделяющих традиционные ценности российского общества, противодействие формированию этнических анклавов и ускорение перехода работодателей к целевому найму трудовых мигрантов [4; 5]. Правительству РФ предписано в кратчайшие

сроки установить конкретный набор мероприятий, обеспечивающих безопасность российских граждан и способствующих сохранению культурной и национальной идентичности.

Заявленная основная цель Концепции – обеспечение баланса между потребностями экономики в трудовых ресурсах, защитой национальной безопасности и социальной стабильностью [3]. Опорными элементами разработанной Концепции стали: введение нового порядка пребывания трудовых мигрантов в РФ; неоспоримая важность усиления контроля за пребыванием мигрантов на территории России и соблюдение ими государственного законодательства; создание благоприятной обстановки для миграции в Россию как соотечественников, так и иностранных граждан, разделяющих традиционные ценности российского общества.

Наращение усиления контролируемых мер происходило постепенно в течение 2024–2025 годов. Так, Указом президента от 30 декабря 2024 года «иностранцы и лица без гражданства,

находящиеся в России незаконно, обязывались или самостоятельно покинуть страну, или легализоваться до 30 апреля 2025 года» (Регнум). Политические обозреватели отмечают поляризацию общественного отношения относительно принятия новой Концепции, выражая мнение, что это показало «полный разрыв с прежней политической линией, ориентированной на решение социально-экономических проблем путем неограниченного по объему приема мигрантов из окружающих Россию безвизовых стран» [6] и установление жесткого подхода к контролю за миграционными потоками. Столкновение патриотически настроенного и либерального ориентированного сообществ вылилось в дискуссии о возможных политических, демографических, экономических последствиях принятия Концепции.

На первом этапе исследования был определен объем публикации по данной теме в анализируемых источниках. Основная масса публикаций в популярных российских СМИ приходилась на интернет-издания РИА Новости,

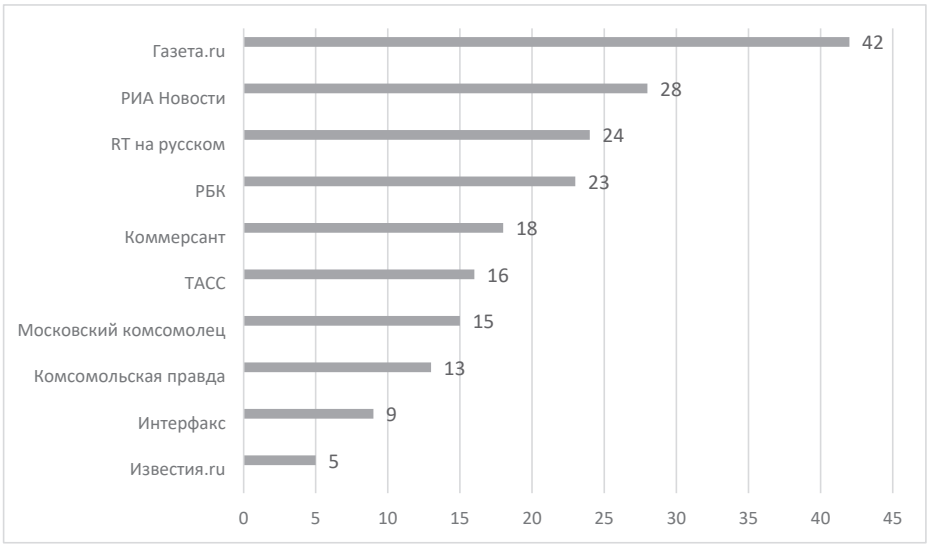

Рис. 1. Количество публикаций, посвященных теме Концепции миграционной политики на 2026–2030 годы в ведущих информационных изданиях РФ, %
Источник: составлено автором на основе авторского исследования

РБК, а также на газеты «Газета.ru», «Московский комсомолец», «Коммерсант» (рис. 1).

Наибольшая доля публикаций в объеме материалов по теме миграции (45%) пришлась на октябрь 2025 года. Перемены в российском миграционном законодательстве, отраженные в новой Концепции, вызвали высокую медийную активность в момент ее опубликования. В течение трех месяцев отмечено постепенное снижение количества публикаций по данной теме, но необходимо отметить качественную трансформацию публикаций – их переход из преимущественно новостного поля в политико-аналитическое (рис. 2).

Далее были выделены группы публикаций позитивно-поддерживающей, информационно-нейтральной и критикующей направленности в отношении Концепции, и проведен их количественный и качественный анализ. Половина публикаций (48%) имеет информационно-нейтральный харак-

тер, что связано с фактом относительно недавнего принятия руководящего документа в миграционной политике и недостаточным к настоящему моменту опытом действий в рамках новой Концепции. Важно отметить, что достаточное количество публикаций имело положительную, поддерживающую Концепцию тональность (39%). Особенно приветствовались в публикациях экономические меры, которые способны сделать рынок труда менее уязвимым, содействуют отходу бизнеса от серых схем и посредников и установлению системного контроля в сфере производства. В конце года важные нововведения утвердило правительство постановлением от 5 декабря 2025 года, в котором была учтена региональная специфика. Пересматривается допустимая доля трудовых мигрантов по отраслям, что обязывает работодателя привести в соответствие численность персонала с принятыми региональными и отраслевыми ограничениями (ПостРФ). В данных обстоя-

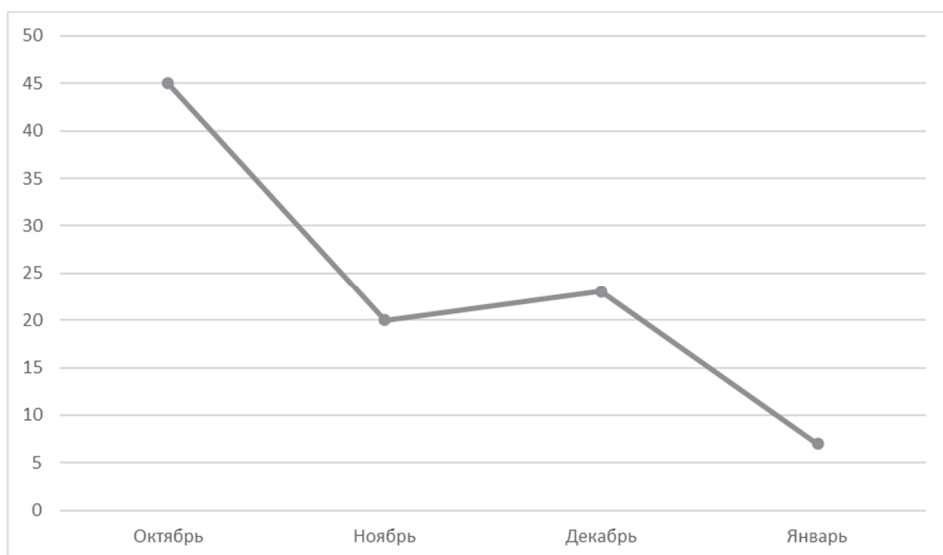

Рис. 2. Динамика изменения доли публикаций, посвященных теме концепции миграционной политики на 2026–2030 годы в ведущих информационных изданиях РФ с момента опубликования (от общего объема материалов по теме миграции)

Источник: составлено автором на основе авторского исследования

тельствах такие меры рассматриваются как способ установления приоритета занятости россиян перед иностранцами и снижения зависимости отраслей от дешёвой рабочей силы.

Вместе с тем выделена часть публикаций, в которых встречаются аспекты критики отдельных положений Концепции (13%). Чаще всего критические замечания касаются ограничений на прием в школы детей иностранцев, которые не прошли тесты по русскому языку, и предусмотренное Концепцией ограничение пребывания таких детей и их родителей в России (ГазетаRu-1, КП, РитмЕвразии). Также критику вызывает проблема дефицита кадров в отдельных бизнес-отраслях, которую, по мнению экспертов, усугубил новый подход к миграционной политике, в частности, опрашиваемые в интервью эксперты ссылались на ожидание сложностей в сфере строительства, гостинично-ресторанного бизнеса и пр.

В рамках последнего – третьего – этапа исследование строилось на выделении трех разных по направлению дискурсов: «аккомодационного», «рестриктивного» и «промотивного». Это обусловлено тем, что в СМИ значительная доля публикаций имеет описательный характер, отсутствуют полярные и оценочные суждения относительно новой Концепции миграционной политики [3]. В целом, в федеральных СМИ наступившие изменения в Концепции оцениваются как необходимые и назревшие.

Большинство публикаций поддерживают выраженный рестриктивный дискурс в обсуждении принятой Концепции. Значительная часть заголовков статей привлекает аудиторию к теме миграционной политики, исходя из необходимости актуализации контроля за мигрантами в целях безопасности коренного населения страны («В России предложили штрафовать за нарушение порядка медосмотра мигрантов» (ГазетаRu-2), «Россия будет

противодействовать созданию этнических анклавов» (РИА-1), «Медведев заявил, что трудовой мигрант должен немедленно покинуть РФ после выполнения своих задач» (Интерфакс), «В ЛДПР призвали запретить мигрантам иметь более одной банковской карты» (ГазетаRu-3) и пр.).

Так называемый аккомодационный дискурс применительно к обсуждению темы новой Концепции обозначает активно принятие миграционных процессов и демонстрирует открытость в вопросе привлечения мигрантов в страну. По мнению одного из наиболее авторитетных авторов в анализе политического дискурса Т.А. Ван Дейка, дискурс представляет собой сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста также и экстралингвистические факторы (установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста [7].

Существенной особенностью Концепции миграционной политики на 2026–2030 годы является то, что ее главная цель – привлечение лиц, разделяющих духовно-нравственные ценности российского государства [8]. На практике это касается тех, кто в силу обстоятельств оказался за границей, но хочет вернуться на родину, а также иностранных граждан, не принимающих принципы западного неолиберализма. В декабре вышел отдельный Указ Президента России о поддержке переселения в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, представляющих интерес для России, и об особенностях их правового положения в стране (Указ-2). Впервые в официальном документе речь идет о тех индивидуальных достижениях иностранных граждан, которые могут соответствовать интересам государства и запросам российского общества и давать им особые права на релокацию.

Нами был произведен анализ публикационного материала и по от-

ношению к основным приоритетам Концепции государственной миграционной политики РФ (таблица 1).

Как показала статистика, наиболее часто обсуждаемым аспектом Концепции являлся институциональный, касающийся законодательной практики – это прослеживается в 56% публикаций. Законодательство РФ определяет единые принципы миграционной политики, устанавливает административные процедуры. Они находят свое отражение в указах президента, постановлениях правительства и ведомственных распоряжениях [8]. Также высока частота упоминания темы развития систем учёта и контроля за пребыванием иностранцев и усиления мер против нелегальной занятости (36%).

Около четверти проанализированных публикаций затрагивает проблему эффективности программ адаптации приезжающих в страну специалистов. В основном адаптацию связывают с освоением законодательно-норматив-

ных основ государства, грамматики и лексики государственного (русского) языка, а также с принятием духовных и нравственных оснований российской культуры. В оценке тональности отношения к приоритетным направлениям Концепции отмечается следующая тенденция – преобладание нейтральных по тону публикаций в целом, что свидетельствует о взвешенном подходе СМИ к освещению потенциально дискуссионной и рискованной темы.

В оценке направленности материалов по отдельным приоритетам миграционной политики отмечается явное преобладание материалов рестриктивного характера. Особенно это касается проблемы развития систем учёта и контроля за пребыванием иностранцев в России, что обусловлено сложившейся социально-политической обстановкой. Рестриктивная позиция государства в ключевых направлениях миграционной политики оценена в медиа в основном либо нейтрально,

Таблица 1

Тональность и дискурсивная направленность материалов СМИ по теме отношения к приоритетным направлениям Концепции государственной миграционной политики РФ (n=193, в % от общего числа публикаций и натуральных показателях)

	Совершенствование законодательства	Развитие систем учёта и контроля за пребыванием иностранцев и ужесточение мер против нелегальной занятости	Повышение эффективности адаптационных программ
Количество публикаций	56% (108 ед.)	36% (69 ед.)	8% (16 ед.)
Общая тональность (ед.)			
положительная	42	31	7
критикующая	14	6	1
нейтральная	52	32	8
Направленность материалов (ед.)			
рестриктивная	61	47	6
аккомодационная	29	9	7
промотивная	18	12	3

Источник: составлено автором на основе авторского исследования

либо положительно, так как она поддерживает основную идею изменения политического курса России – в сторону обеспечения национальных интересов в сфере безопасности (таблица 2).

Стоит отметить, что в России воспринимается как внезапное ужесточение мер миграционного контроля, является, скорее, запаздывающими мерами относительно большинства европейских стран, которые уже давно осуществляют цифровой и многоохватный процесс контроля миграционных потоков [9]. В частности, можно привести пример существования в Германии Центрального реестра иностранных граждан (нем. «Ausländerzentralregister») – электронной системы хранения персональных данных об иностранцах, сформированной на основании закона о повышении качества информационного обмена для противодействия международному терроризму еще в 2016 году [10].

Говоря об аккомодационной направленности дискурса новой Концепции миграционной политики, напротив, в СМИ отмечается преобладание критикующей позиции (35%) над положительной, поддерживающей (22%). В данном аспекте СМИ отражают общественную тревогу относительно того, что массовый допуск мигрантов в страну может нанести ущерб правам и экономическим интересам коренного населения. Большая часть публикаций с аккомодационной на-

правленностью связана с темой оказания поддержки при адаптации иностранных граждан, способствующей успешному освоению ими русского языка и усвоению общепризнанных в российском обществе норм поведения (РИА-2). Как отмечали отдельные специалисты еще в 2022 году, регулированию процессов трудовой миграции должно было способствовать внедрение эффективной модели по привлечению лиц из-за рубежа для выполнения квалифицированной работы, которая необходима для дальнейшего стратегического развития страны [6]. Аккомодационно-промотивный дискурс отражает вектор миграционной политики государства на создание благоприятного режима для добровольного переселения лиц, в том числе и покинувших страну, способных органично включиться в систему позитивных социальных связей и стать полноправными членами российского общества.

Заключение

Проведенный анализ имеющихся к настоящему моменту материалов федеральных средств массовой информации приводит к следующим выводам:

1) За последние три месяца произошло качественное изменение публикаций по теме миграционной политики в рамках новой Концепции – переход от новостей к политическому и аналитическому обсуждению.

Таблица 2

Распределение тональности публикаций СМИ по направлениям дискурса по вопросам совершенствования законодательства в рамках Концепции государственной миграционной политики РФ (n=193, в % от общего числа публикаций)

Направленность дискурса	Положительная тональность	Нейтральная тональность	Критикующая тональность
Рестриктивная	43%	50%	7%
Аккомодационная	22%	43%	35%
Промотивная	31%	46%	23%

Источник: составлено автором на основе авторского исследования

2) В средствах массовой информации пока преобладает нейтральное и положительное отношение к Концепции новой государственной миграционной политики, акцентирующее внимание на экономических преимуществах для государства, стабилизации рынка труда, повышении внутригосударственной безопасности. Критика Концепции в СМИ немногочисленна и осторожна, чаще всего связана с частными вопросами несовершенства подходов к школьному образованию детей-мигрантов и с возможными трудностями в трудоустройстве отдельных специалистов.

3) Анализ дискурсивных тенденций в отношении выделенных приоритетных направлений концепции свидетельствует о преобладании рестриктивного дискурса, особенно заметного в вопросах контроля за пребыванием

мигрантов и нелегального трудоустройства. Аккомодационный дискурс представлен существенно меньше, но связан с промотивным в аспекте инициатив по улучшению миграционной обстановки – через выделение ресурсов на адаптационные меры для мигрантов и релокантов.

Несмотря на отсутствие немедленных ощутимых результатов, значительная часть публикаций отражает положительное восприятие реформ, направленных на упорядочивание миграционных потоков и улучшение условий жизни мигрантов. В отражении СМИ российская миграционная политика продолжает эволюционировать, ориентируясь на обеспечение безопасности и соблюдение национальных интересов, одновременно решая задачи социальной интеграции и привлечения квалифицированных мигрантов.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

Указ-1 – Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы». URL: <https://base.garant.ru/412850335> (дата обращения: 16.10.2025).

Медиалогия – Мониторинг СМИ и соцсетей: инструмент оценки эффективности коммуникаций. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/> (дата обращения: 02.02.2026).

Регнум – Забелин Г. Отсекать чужих, звать своих: как в 2025 изменилась миграционная политика. ИА Регнум. 17 декабря 2025 г. URL: <https://regnum.ru/article/4007594> (дата обращения: 17.12.2025).

ПостРФ - Постановление Правительства Российской Федерации от 05.12.2025 № 1995 «Об установлении на 2026 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими

субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512120034>, (дата обращения: 12.12.2025).

ГазетаRu-1 – Архипов Д. В ГД предложили освободить от экзамена по русскому языку некоторых детей мигрантов. Газета.Ru. 28 октября 2025 г. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/10/28/27054434.shtml> (дата обращения: 28.10.2025).

КП – Ворсоби́н В. Русские дети переехали в Россию и не могут сдать экзамен на знание языка: в чем причина бардака, из-за которого страдают школьники. Комсомольская правда. 10 февраля 2026 г. URL: <https://www.kp.ru/daily/27759/5207610> (дата обращения: 10.02.2026).

РитмЕвразии – Шустов А. Кому и почему не нравится новая концепция миграционной политики Рос-

сии. *Ритм Евразии*. 27 октября 2026 г. URL: <https://www.ritmeurasia.ru/news-2025-10-27--komu-i-pochemu-ne-nravitsja-novaja-koncepcija-migracionnoj-politiki-rossii-83632>, (дата обращения: 27.10.2025).

ГазетаRu-2 – Корзун Н. В России предложили штрафовать за нарушение порядка медосмотра мигрантов. *Газета.Ru*. 16 января 2026 г. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2026/01/16/27635293.shtml>, (дата обращения: 07.02.2026).

РИА-1 – Россия будет противодействовать созданию этнических анклавов // *РИА Новости*. 15 октября 2025 г. URL: <https://ria.ru/20251015/rossiya-2048502220.html> (дата обращения: 15.10.2025).

Интерфакс – Медведев заявил, что трудовой мигрант должен немедленно покидать РФ после выполнения своих задач. *Интерфакс*. 23 октября 2025 г. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1054384> (дата обращения: 23.10.2025).

ГазетаRu-3 – Дубровская А. В ЛДПР призвали запретить мигрантам иметь более одной банковской карты. *Газета.Ru*. 17 декабря 2025 г. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/12/17/27433051.shtml> (дата обращения: 17.12.2025).

Указ-2 – Указ Президента Российской Федерации от 02.12.2025 № 883 «О поддержке переселения в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, представляющих интерес для Российской Федерации, и об особенностях их правового положения в Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512020025> (дата обращения: 02.12.2025).

РИА-2 – Россия будет содействовать переезду разделяющих ценности страны иностранцев. *РИА Новости*. 15 октября 2025 г. URL: <https://ria.ru/20251015/putin-2048501764.html> (дата обращения: 18.10.2025).

Список литературы / References

1. Бытко С.Ю., Пугачев Ю.Е. Концепция миграционной политики 2026–2030: характеристика и сравнительный анализ с концепцией 2019–2025. *Научный журнал*. 2025;(4 (75)):10–15.

Bytko S.Yu., Pugachev Yu.E. The concept of migration policy 2026–2030: characteristics and comparative analysis with the concept 2019–2025. *Scientific Journal*. 2025;(4 (75)):10–15. (In Russ.)

2. Попова С.М., Яник А.А., Карпова С.Ф. Трансформация миграционной политики России: этапы, особенности, проблемы (1989–2023). *Административное и муниципальное право*. 2023;(4):24–51. DOI: 10.7256/2454-0595.2023.4.43666.

Popova S.M., Yanik A.A., Karpova S.F. Transformation of migration policy in Russia: stages, features, problems (1989–2023). *Administrative and municipal law*. 2023;(4):24–51. DOI: 10.7256/2454-0595.2023.4.43666. (In Russ.)

3. Игонин Д.И. Миграционная ситуация в Республике Татарстан в отражении СМИ. *Ценности личности и общества*

в условиях геополитической турбулентности и постглобализационного мира: традиции и новации. I Международный конгресс социально-политических исследователей тюркского мира: сборник научных трудов. Казань. Издательство Казанского университета, 2023:146–150.

Igonin D.I. Migration situation in the Republic of Tatarstan in the media. *Values of personality and society in the context of geopolitical turbulence and the post-globalization world: traditions and innovations*. I International Congress of Socio-political Researchers of the Turkic World: collection of scientific papers. Kazan. Kazan University Press, 2023:146–150. (In Russ.)

4. Яковлева В.М. Новая концепция миграционной политики России: жесткий контроль, цифровизация и защита традиционных ценностей. *Закон*. 2026;(3):141–145. DOI: 10.37239/0869-4400-2026-23-3-141-145.

Yakovleva V.M. A new concept of migration policy in Russia: strict control,

digitalization and protection of traditional values. *Law*. 2026;(3):141–145. DOI: 10.37239/0869-4400-2026-23-3-141-145. (In Russ.)

5. Распопова Л.В. Новая концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: баланс между экономическими потребностями и национальной идентичностью с учетом цифровизации. *Экономика и социум*. 2025;(11-2(138)):891–895.

Raspopova L.V. A new concept of the state migration policy of the Russian Federation for 2026–2030: a balance between economic needs and national identity, taking into account digitalization. *Economics and society*. 2025;(11-2(138)):891–895. (In Russ.)

6. Федорова И.В., Ушаков М.А., Гудикян А.А., Клюкова Д.С. Миграционная политика Российской Федерации: проблемы, тенденции, перспективы развития. *Вестник Московского университета МВД*. 2022;(1): 304–307. DOI: 10.24412/2073-0454-2022-1-3-304-308.

Fedorova I.V., Ushakov M.A., Gudikyan A.A., Klyukova D.S. Migration policy of the Russian Federation: problems, trends, development prospects. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs*. 2022;(1):304–307. DOI: 10.24412/2073-0454-2022-1-3-304-308. (In Russ.)

Информация об авторе

Игонин Денис Иванович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Scopus Author ID 57192371459, ORCID ID 0000-0002-8316-6916, SPIN-код 2607-3453; e-mail: igonindenis1983@yandex.ru

7. Van Dijk T.A., Kintsch W. *Strategies of Discourse Comprehension*. New York: Academic Press; 1983. 423 p. 16

8. Фалалеева К.Н., Чистяков С.А. Управление трудовой миграцией в муниципальном образовании. *Сборник научных статей 5-й Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы развития современного общества»*. Курск. Юго-Западный государственный университет, 2020;(2):238–241.

Falaleeva K.N., Chistyakov S.A. Labor migration management in a municipality. *Collection of scientific articles of the 5th All-Russian Scientific and practical Conference "Problems of development of modern society"*. Kursk. Southwestern State University, 2020;(2):238–241. (In Russ.)

9. Tran A.H., Thi Minh N.L., Ushakov D. Evaluating the Efficiency of Migration Regimes and Their Role in the Progress of Common European Labor Market. *International Journal of Recent Technology and Engineering*. 2019;(8): 3883–3888. DOI: 10.35940/ijrte.B1516.0982S1119.

10. Надеждин А.Е. Современные тенденции в сфере регулирования миграции. Опыт Германии. *Международная жизнь*. 2024;(6):50–61.

Nadezhdin A.E. Modern trends in migration regulation. The German experience. *International life*. 2024;(6):50–61. (In Russ.)

Information about the author

Denis I. Igonin, Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Science, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University. Scopus Author ID 57192371459, ORCID ID 0000-0002-8316-6916, SPIN-code 2607-3453; e-mail: igonindenis1983@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.03.2026
Принята после рецензирования 28.04.2026
Принята к публикации 20.05.2026

Received March 3, 2026
Revised April 28, 2026
Accepted May 20, 2026

Научная статья

Research article

УДК 316.37

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.2.24-35>

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Модели многодетного материнства в конструируемых СМИ нарративах известных российских женщин

Павлова Л.Л., Хайруллина Н.Г.

*Тюменский индустриальный университет,
625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д.38, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируются модели многодетного материнства, репрезентированные в публичных нарративах известных российских женщин (М. Симоньян, Т. Ким, М. Ситтель, М. Порошиной, Е. Климовой, Н. Водяновой, М. Шукшиной). Эмпирическую базу составили интервью и публичные выступления медийных женщин (n=13), рассмотренные через призму 7 социологических типов моделей многодетности. С помощью методов текстовой аналитики сервиса PolyAnalyst автоматизированным способом выделены основные модели многодетности, показана кластеризация ключевых лексем в публичных выступлениях женщин. Результаты выборки эмпирических данных соотнесены с типологиями многодетности С.Н. Костиной, О.Н. Борисовой, И.В. Павлуткина и др. («традиционной», «осознанной», «спонтанной», «высокоресурсной» и «трансформирующей» и др.). Показано, что публичные фигуры конструируют «престижный» образ многодетности, сочетая ценности традиционной семьи с установками на карьерную самореализацию. Формулируется вывод о роли медийных персон в качестве агентов трансформации общественных стереотипов в пользу многодетных семей в современной России.

Ключевые слова: многодетная мать, модели многодетности, медийные персоны, нарративный анализ, PolyAnalyst

Для цитирования: Павлова Л.Л., Хайруллина Н.Г. Модели многодетного материнства в конструируемых СМИ нарративах известных российских женщин. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2026;2(73):24–35.

Models of Motherhood with Many Children in Media-Constructed Narratives of Famous Russian Women

Pavlova L.L., Khairullina N.G.

Tyumen Industrial University, 38 Volodarskogo str., Tyumen, 625000, Russia

Abstract. The article analyzes the models of motherhood with many children, represented in the public narratives of famous Russian women (M. Simonyan, T. Kim, M. Sittel, M. Poroshina, E. Klimova, N. Vodianova, M. Shukshina). The empirical base consisted of interviews and public speeches of media women (n=13), examined through the prism of sociological types of 7 models of having many children. Using the methods of text analytics of the PolyAnalyst service,

the main models of large families are identified in an automated way, and clustering of key lexemes in women's public speeches is shown. The results of the empirical data sampling are correlated with the typologies of large families by S.N. Kostina, O.N. Borisova, I.V. Pavlyutkin, and others. ("traditional", "conscious", "spontaneous", "high-resource" and "transforming", etc.). It is shown that public figures construct a "prestigious" image of having many children, combining the values of a traditional family with attitudes towards career self-realization. The author makes a conclusion about the role of media personalities as agents of transformation of social stereotypes in favor of large families in modern Russia.

Keywords: mother of many children, models of large-family parenthood, media personalities, narrative analysis, PolyAnalyst

For citation: Pavlova L.L., Khairullina N.G. Models of Motherhood with Many Children in Media-Constructed Narratives of Famous Russian Women. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;(2(73)):24–35 (In Russ.)

Введение

В России сегодня проживает 3 млн многодетных семей, в них воспитываются 9,5 млн детей. Регионами-лидерами по семьям с тремя и более детьми являются Москва (243,1 тыс. многодетных семей), Краснодарский край (93,7 тыс.), Башкортостан (73,4 тыс.), Татарстан (58,8 тыс.). Отметим, что с 2013 года Республика Татарстан сохраняет лидерство в Приволжском федеральном округе по общему коэффициенту рождаемости, а в 2020 году в республике зафиксировано абсолютное число рождений [1] (Объясняем. РФ). Российская медиасфера репрезентирует многодетность через создание социальных образов и освещение мер государственной семейной поддержки. Образ многодетности транслируется в социальных сетях, реалити-шоу, в кино, рекламе, а также в рамках всероссийских проектов и конкурсов (например, Всероссийский проект «Многодетная Россия»¹, 2026 г., демонстрирующий успешные модели поддержки многодетности).

В медиасфере практически не поднимается вопрос об ограниченности времени детородного возраста, о том какое число детей женщина может родить гипотетически. По мнению академика РАН, заместителя президента

Российской академии образования Г. Онищенко: «...сколько рожать – это зависит от здоровья и возможностей семьи, женщины, ее "настроек". Это ничем не ограничено, вот в пределах детородного возраста 15–40 лет – сколько успеет, если есть здоровье, если она нормально живет» (LENTA). Нарратив о том, что женщина ограничена во времени репродуктивным возрастом и что нужно успеть стать матерью, не откладывая деторождение на более поздние периоды жизни, требует, по мнению авторов, широкого освещения.

Особую роль в медийной трансляции позитивного образа многодетности играют известные персоны – российские женщины, имеющие троих и более детей, успешно совмещающие карьеру и материнство. Их публичные нарративы становятся не только способом самопрезентации, но и инструментом конструирования новых социальных норм. Вопрос о том, как модели многодетности репрезентируются в элитарном дискурсе и как публичные личности транслируют ценности многодетности в медиапространстве, остается малоизученным.

Цель статьи – выявить и типологизировать модели многодетного материнства, представленные в конструируемых в СМИ медианарративах известных в публичном пространстве российских женщин, а также опреде-

¹ <https://многодетные-семьи.рф/>

лить роль данных нарративов в трансформации общественных представлений о многодетной семье.

Материалы и методы

Эмпирическим материалом исследования стали публичные нарративы известных многодетных женщин, сконструированные в СМИ. Конструктивистский подход к исследованию медиареальности базируется на идее, что СМИ не всегда отражают реальную действительность, а лишь конструируют ее образ за счет специфических вербальных и аудиовизуальных средств. Сформированная таким образом «медиареальность» – это особая система смыслов, интерпретаций и образов, которая затем воспринимается обществом как данность [2, с. 28]. Первичными источниками данных о конструировании образа (моделей) многодетности в нашем исследовании стали электронные СМИ: «Комсомольская правда», Банки.ру, Стархит.ру, «7 Дней», «Аргументы и факты», Woman.ru и др. Период сбора первичных данных: февраль-март 2026 г. (n=13), метод выборки – целевая. Выявленные первичные данные позволили определить конструируемые СМИ нарративы о многодетности:

М.С. Симоньян, Т.В. Ким, М.Э. Ситтель, М.М. Порошиной, Е.А. Климовой, Н.М. Водяновой, М.В. Шукшиной.

Анализ текстов выполнен с использованием платформы текстовой аналитики PolyAnalyst, в которой автоматически проведена кластеризация ключевых лексем, характеризующих многодетность; выявлены доминантные термины и построена графовая модель многодетности. Рабочая область сервиса PolyAnalyst показана на Рис. 1.

Результаты и обсуждение

Для выработки собственного подхода к типологизации многодетности проанализируем имеющиеся типологии, представленные в работах российских ученых. С.Н. Костина, Е.В. Зайцева выявили сценарии прихода к многодетности [3, с. 96]. Их итоговая модель многодетности сконструирована на основе двух пар дихотомий: «высокие начальные репродуктивные установки – низкие начальные репродуктивные установки» и «планируемая многодетность – не планируемая многодетность», сочетание которых позволило выделить четыре модели многодетности: «традиционную», «спонтанную», «трансформирующуюся» и «осознанную» [3, с. 97].

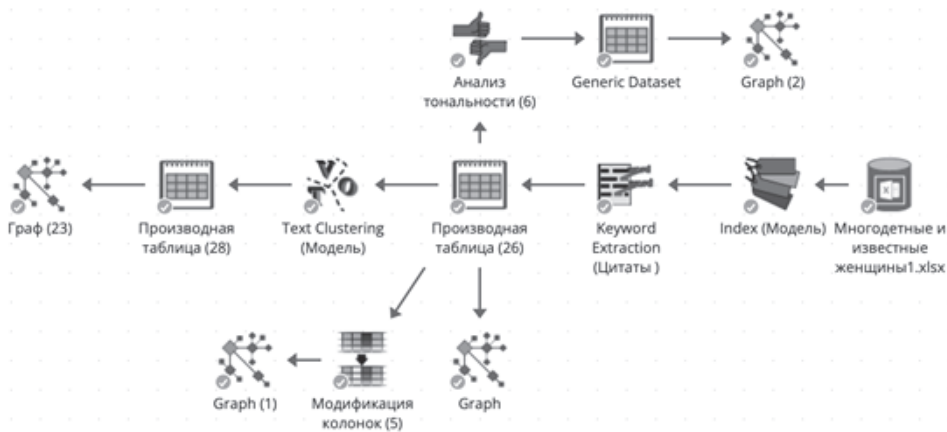

Рис. 1. Рабочая область сервиса PolyAnalyst²

² Информационно-аналитическая платформа PolyAnalyst для BI, ETL, Big Data и AI-аналитики. URL: <https://www.megaputer.ru/>.

И.В. Павлюткин, О.Н. Борисова [4, с. 136-144], изучив-внутреннюю гетерогенность семей, пришли к выводу, что многодетные семьи различаются в категориях родства, по структуре семейных отношений, количеству детей, интервалу рождений и стабильности брака. На основе данных опроса 502 многодетных семей нескольких российских регионов было предложено пять устойчивых моделей многодетных семей: планирующая, традиционная, новая религиозная, формальная и многодетность в повторном браке [5, с. 196-211].

Т.К. Ростовская, О.В. Кучмаева, Е.Н. Васильева [6, с. 14-21] выявили тенденции трансформации структуры российской семьи, охарактеризовали мотивы репродуктивного поведения в многодетных семьях, определили условия и ресурсы, необходимые в многодетных семьях для формирования и поддержания благополучия, зафиксировали увеличение доли многодетных семей под влиянием мер демографической государственной политики.

С.Ю. Сивоплясова выявила репродуктивные установки современной молодежи на многодетность: оптимистичные репродуктивные планы при улучшении условий жизни, ориентация на рождение большого числа детей, при этом многодетная семья не представляется в качестве идеальной модели. Одновременно выявлена региональная дифференциация по планируемому, желаемому и идеальному числу детей, а также «копирование» репродуктивного поведения [7, с. 228].

Анализ популярных Интернет-ресурсов позволил Г.А. Банных, Е.В. Зайцевой и др. представить образ многодетной матери [8, с. 42] в негативном и позитивном аспектах. При этом им не удалось показать процент негативного и позитивного образа многодетной матери в общей структуре интернет-контента [9, с. 11].

З.Е. Дорофеева отмечает трансформацию семейных ролей, которая наиболее ярко проявилась среди молодых, образованных и более обеспеченных слоев населения, среди которых многодетные семьи. Образованные многодетные семьи со средним и выше уровнем дохода автор называет «высокоресурсными многодетными семьями» [10, с. 73].

Базируясь на представленных подходах и типологиях, выделим модели многодетности в конструируемых СМИ нарративах известных российских женщин.

Рассуждая о характеристиках хорошей семьи, М.С. Симоньян³ говорит о том, что патриотизм выступает абсолютным приоритетом: «Если мои дети не смогут создать хорошую семью, расстроюсь, но не фиаско, не катастрофа. Но если мои дети не вырастут патриотами своей страны, я пойму, что я вообще прожила свою жизнь зря. Я не знаю, смогу ли пережить такое». О роли расширенной семьи и поддержке (КП-1): «Он [муж] считал, что никто не уживется. А ей уже было сильно за 70... Я говорю: "Вообще нет ни одного шанса, что она будет жить одна. Как она будет с этим жить? А вдруг она просто пойдет по кухне, споткнется и упадет... Как ты будешь с этим жить? И я, понимаешь, не смогу"» (КП-1): О муже как об «отце-празднике»: «Тигран – папа-праздник. Утром дети приходят в его кабинет, он ставит им песенки, которые мама не разрешает. А они кричат: "Шухер, мама идет!" и замирают, будто ничего не было». О семейных традициях в трудные времена, о том, как дети переживают болезнь отца: «Они знают, что папа в коме, но верят, что он вернется. Знают, что надо молиться, мы все молимся. Вот ходили на Пасху в нашу церковь в Адлере: ставили свечи, молились вместе» (КП-1).

³ Симоньян Маргарита Симоновна, главный редактор государственного телеканала «RT», международного информационного агентства «Россия сегодня» и информационного агентства «Sputnik», имеет троих детей.

Нарратив М.С. Симоньян репрезентирует модель «традиционной многодетности» с высокой идеологической нагрузкой. Семья для М.С. Симоньян – это пространство трансляции базовых ценностей, где патриотизм выступает абсолютным приоритетом, фактически сакрализуется («*прожить жизнь зря*», «*не смогу пережить*»). Традиционные ценности в ее нарративе выходят за пределы расширенной семьи до уровня государства и нации. Решение о совместном проживании со свекровью мотивировано глубоким личным неприятием возможности оставить пожилого человека одного («*я не смогу*»). Забота о свекрови столь же естественна, как и забота о детях.

О материнстве и подходе к воспитанию Т.В. Ким⁴ говорит как об управлении: «Я к воспитанию детей подхожу как управленец. Я строю им треки, показываю цели, говорю: "Идем туда". При этом свобода все равно есть. Мне в принципе не сильно важно, чтобы они учились на одни пятерки. Мне нужно, чтобы они ответственно подходили к заданиям, которые они на себя берут, занимались спортом, много читали» (Банки). О любви как о главном связующем звене: «Надо просто любить своих детей, стараться уделить им время, присутствовать не только физически, но и ментально (Ulys/Media). О балансе семьи и карьеры, о помощи мамы и нянь: «...когда начало получаться, я, конечно, попросила свою маму помочь с воспитанием детей. И первых четырех детей мама мне успешно помогала воспитывать. А со следующими тремя помогает няня» (Умная страна). О совмещении работы и общения с детьми: «В последнее время я взяла за правило брать с собой детей в командировки. Я очень много езжу по стране, так как у нас строятся большие объекты... Таким образом я стараюсь совмещать приятное с полезным – и рабочие во-

просы решаю, и с детьми время провожу. А для них это своего рода приключение» (Фонтанка).

Нарратив Т.В. Ким репрезентирует модель «осознанной ресурсной многодетности», которая органично сочетает высокие репродуктивные установки, стратегическое планирование и активное использование внешних ресурсов (расширенная семья, наемный персонал) для совмещения карьеры и воспитания семерых детей. Ее модель соответствует «осознанной многодетности» и «планируемой многодетности».

М.Э. Ситтель⁵, рассуждая о многодетности, отмечает: «Знаете, чем больше детей, тем больше Господь дает тебе сил. С одним сложно, с четырьмя легко – вот такой парадокс» (7 Дней-1). О реальных пособиях и мотивации к многодетности на форуме «Сообщество» в Общественной палате М.Э. Ситтель продемонстрировала СМС о зачислении пособий: «292 рубля, 1462 и два раза по 1681 рублю. Я, если честно, даже не знаю, за что, куда и как...». На реплику из зала «На мороженое» добавила: «Никогда это меня не отворачивало. Раньше, мне кажется, было еще меньше» (Woman). О материнстве как о труде: «Сколько бы детей ни было, став мамой, ты уже не сможешь весь вечер просто посидеть с книгой или телевизор смотреть. С рождением ребенка меняется вся твоя жизнь, и нужно быть к этому готовой. Любовь всегда требует жертв, и очень часто в жертву нужно приносить время. <...> А вы попробуйте всех сразу по два раза в день собрать на улицу, и у вас не будет ни одной лишней калории!» (Woman). О карьере и материнстве: «Я хочу сказать всем женщинам, которые боятся рожать из-за карьеры: поверьте, большинство людей

⁴ Ким Татьяна Владимировна, основательница Wildberries, мать семерых детей.

⁵ Ситтель Мария Эдуардовна, телеведущая информационной программы «Вести» на телеканале «Россия», лауреат премии «ТЭФИ», с 12 марта 2025 года председатель Общероссийской общественно-государственной организации Союз женщин России, имеет пятерых детей.

с пониманием относятся к вашему желанию стать мамой. Так что рожайте – с детьми в жизни появляется смысл!» (Woman).

В отношении традиционных ценностей позиция М.Э. Ситтель двойственна: с одной стороны, она транслирует идею материнства как служения и труда («любовь требует жертв»), с другой – демонстрирует ироничное отношение к государственной поддержке («никогда это меня не отворачивало»). Наблюдается публичный призыв «рожать, не боясь за карьеру». Сконструированную в СМИ модель многодетности М.Э. Ситтель можно соотнести с «новым религиозным» типом (по Павлюткину).

М.М. Порошина⁶ признается, что «всегда мечтала о детях. По свидетельству взрослых, еще маленькой говорила: "У меня будет пятеро". Может, где-то услышала, что семья – это семь "я". Ну и запомнила. Такая модель заложена в моих генах. Известные мне предки имели большие семьи» (7 Дней-2). О роли многодетной матери в семье: «Когда дел так много, иногда ощущаю себя "мамой-осьминожкой", которой не хватает девятого щупальца, чтобы подхватить споткнувшегося ребенка. Но если сильно концентрироваться на трудностях, они будут только нарастать. Проблемы надо решать по мере поступления и с радостью выполнять любое, даже самое сложное дело» (7 Дней-2). О балансе работы и семьи: «Работающая женщина с детьми – это уже давно норма, просто у меня детей немножко побольше, чем у других женщин. Не буду лукавить – конечно же, у меня есть няня... Совместить работу и семью непросто, но это возможно». О чуде материнства: «Ребенок никогда не бывает вовремя, но это такое счастье!» (7 Дней-3).

Нарратив М.М. Порошиной, конструируемый в СМИ, представляет собой классический пример моде-

ли «традиционной многодетности», где многодетность заложена в генах («предки имели большие семьи») и в детской мечте. Это образ многодетности как судьбы и естественной нормы, укорененной в родовой памяти.

Е.А. Климова⁷ признается, что случайно стала многодетной матерью: «Если честно, никогда не мечтала стать многодетной мамой, скорее наоборот. Но просто так случилось. Наверное, где-то в космосе произошла ошибка, потому что дети и семья никогда не были моей целью» (StarHit). О дефиците времени на семью: «Это дефицит, постоянные компромиссы и время, которое мы проводим вместе» (StarHit). Екатерина подчеркивает важность планирования совместного семейного общения: «Когда мы говорим об общении, то это всегда надо планировать: какие-то походы в ресторан, в какие-то места, где можно пообщаться, посидеть. Я это очень люблю, я тот человек, который всю семью собирает за одним столом, для меня это важно и мне это нравится, когда все «под крылом» (StarHit). О воспитании: «Я не понимаю, что такое мама-друг. Есть вещи, которые ребенок никогда не должен делать в присутствии родителей. <...> Ругаюсь я, наверное, только от какого-то бессилия, могу повысить голос. Но вообще всегда хочется договариваться с ребенком. Бить дома тарелки я не буду – этого и в кино предостаточно. А дети уже все прекрасно понимают без слов, когда у меня появляется определенный взгляд и определенный тон» (Экспресс газета).

Нарратив Е.А. Климовой репрезентирует модель «спонтанной многодетности» (по С.Н. Костиной и Е.В. Зайцевой) или «формальной многодетности» (по О.Н. Борисовой и И.В. Павлюткину), где изначальные репродуктивные установки были низкими («никогда

⁶ Порошина Мария Михайловна, актриса театра, кино, телевидения, мать пятерых детей.

⁷ Климова Екатерина Александровна, актриса театра, кино, телевидения и дубляжа, мать четверых детей.

не мечтала», «не было целью»), а многодетность осмысливается как «ошибка в космосе» – стечение обстоятельств, а не результат планирования.

Н.М. Водянова⁸ создала рождественскую семейную традицию дарения елочных игрушек своим детям: «Я обожаю рождественские украшения. На самом деле, уже лет 14 каждый год я дарю каждому члену семьи, особенно детям, елочные шары и пишу на них год. Я хочу, чтобы, когда у них появятся семьи, это стало для них своего рода стартовым набором. <...> Декабрь – это мое время для семьи. Особенно сейчас, когда старшие дети уже не всегда рядом. Это самое ценное, что у меня есть, поэтому я стараюсь наслаждаться каждым моментом, быть внимательной и находить время для важных разговоров, чтобы понимать, что происходит в их жизни». О публичности и семье: «Как публичный человек, я чувствую огромную ответственность. Я делаю всё, что в моих силах. Но в этой ответственности должен быть баланс, иначе мне нечего будет дать своей семье» (КП-2).

Нарратив Н.М. Водяновой представляет модель «осознанной многодетности». Традиция дарения елочных игрушек с датами – это осознанное конструирование семейной истории и трансляция культурного кода следующим поколениям. Традиционные ценности здесь выражены не в патриархальном ключе, а через категории «качества времени» и «осознанного присутствия». Выделение специального времени (декабрь) для семьи при глобальной занятости – это способ сохранения традиции в условиях современного ритма жизни.

М.В. Шукшина⁹ говорит о ключевой роли фигуры отца как образца для

подражания: «...Я стремлюсь быть похожей на папу. И чем старше я становлюсь, тем больше я хочу быть на него похожей. Он правдолюб, волевой человек, талантливый. У меня есть образец для подражания, и я очень хочу быть папиной дочкой». О воспитании и современном контенте: «Мне очень жалко это поколение. Они матом не ругаются, они им разговаривают... Создатели фильмов не думают о последствиях. Да, сделано качественно, спору нет, но о последствиях надо думать» (АиФ).

Нарратив М.В. Шукшиной, конструируемый в СМИ, строится вокруг модели «копирования», где ключевую роль играет фигура отца как образца для подражания. Критика современного контента («матом разговаривают») и жалость к поколению, растущему на таком контенте, позиционируют ее как защитницу культурных норм.

На рис. 3 показан объединенный граф моделей многодетности в публичных нарративах известных российских женщин, построенный автоматически по исходным текстовым данным в сервисе PolyAnalyst. На графе показаны конструируемая в СМИ модель многодетности каждой из проанализированных женщин и их отдельные цитаты.

В ходе кластеризации ключевых слов в сконструированных в СМИ публичных высказываниях известных женщин с использованием сервиса PolyAnalyst было выделено несколько кластеров (Рис. 2).

Первый кластер с поддержкой 11 представлен такими лексемами, как «семья», «современный», «стратегический», «параллельный», «внешний», «проектный», «интенсивный», «наемный». Семья видится женщинами как «современный стратегический проект», описываемый как «расширенный», «ресурсный» и пр., а услуги нянь отражаются через слово «наемный».

⁸ Водянова Наталья Михайловна, российская и мировая супермодель и филантроп, мать пятиранных детей.

⁹ Шукшина Мария Васильевна, советская и российская актриса кино, телевидения и дубляжа, телеведущая, переводчица и ютубер, заслуженная артистка РФ, мать четверых детей

#	Cluster #	Cluster name	Support
1	#1	семья, современный, стратегический, параллельный, ресурсный, внешний, расширенный, проектный, интенсивный, наёмный	11
2	#2	публичный, практический, религиозный, многодетный, лёгкий, парадоксальный, социально, дать, базироваться, родить	9
3	#3	забота, гендерный, идеологический, межпоколенческий, столяр, муж, принцип, солидарность, папа-праздник, распределение	8
4	#4	категория, ценность, следующий, патриархальный, эмоциональный, глобальный, переосмыслиться, интеллект, поколение, код	7
5	#5	низкий, формальный, спонтанный, изначальный, педагогический, достаточно, понять, позиция, родитель, иерархия	6
6	#6	высокоресурсный, большой, детский, родовой, средний, укоренить, мечта, группа, ген	6
7	#7	многопоколенный, ключевой, играть, уйти, фигура, подражание, нравственность, защитница, отец, стража	3

Рис. 2. Кластеризация ключевых слов в публичных высказываниях известных многодетных российских женщин, конструируемых в СМИ
Источник: составлено авторами по результатам анализа в PolyAnalist

Второй кластер (поддержка 9) отражает лексемы: «публичный», «практический», «религиозный», «многодетный», «родить», что показывает «парадоксальность» многодетности, в то же время присутствуют слова, относящиеся к религии и вере в Бога.

В третьем кластере (поддержка 8) фигурируют словосочетания «папа-праздник», «муж», «межпоколенческая», «забота», что показывает традиционную модель многодетности, расширенную модель и активное участие отца в воспитании детей.

Четвертый кластер (поддержка 7) содержит слова «категория», «ценность», «патриархальный», «интеллект», «поколение», «код», что указывает на приоритет традиционных семейных ценностей и патриархальность семьи.

Пятый кластер (поддержка 6) показан следующими лексемами: «низкий», «формальный», «спонтанный», что отражает нарратив «непланируемой», «спонтанной» модели многодетности.

Шестой кластер (поддержка 6) отражает выражения «высокоресурсный», «большой», «детский», «родовой», «мечта». Это говорит о том, что женщины нечасто описывают семью, используя такие термины, редко говорят о большой семье как о мечте.

Седьмой кластер включает слова, редко затрагиваемые женщинами (поддержка 3): «многопоколенный», «ключевой», «играть», «фигура», «подражание», «нравственность», «защитница», «стража».

Таким образом, модели многодетности, конструируемые российскими

СМИ на примере известных многодетных женщин, имеют многоуровневую сложную экосистему.

Заключение

Проведенный анализ публичных нарративов, конструируемых в СМИ на основе образов известных многодетных женщин России, позволяет сделать ряд выводов относительно специфики репрезентации моделей многодетного материнства в медийном пространстве. В публичном дискурсе представлены все основные модели многодетности, выделенные в научной литературе. При этом «осознанная» и «традиционная» модели доминируют, что свидетельствует о возможности успешной интеграции традиционных семейных ценностей с современными карьерными стратегиями. «Спонтанная» и «трансформирующаяся» модели репрезентированы слабее, но демонстрируют вариативность жизненных сценариев. Не выявлено конструкций «негативного» типа многодетной матери (по типологии Банных, Зайцевой), слабо представлен образ «копирования» репродуктивного поведения (по классификации С.Ю. Сивоплясовой). Все представленные модели многодетности относятся к высокоресурсному типу многодетности (по Дорфеевой).

Женщины демонстрируют помощь расширенной семье (бабушек, дедушек) или наемного персонала (нянь). Муж и отец детей предстает не просто добытчиком, а показан значимой фигурой в ландшафте семьи («папа-праздник»).

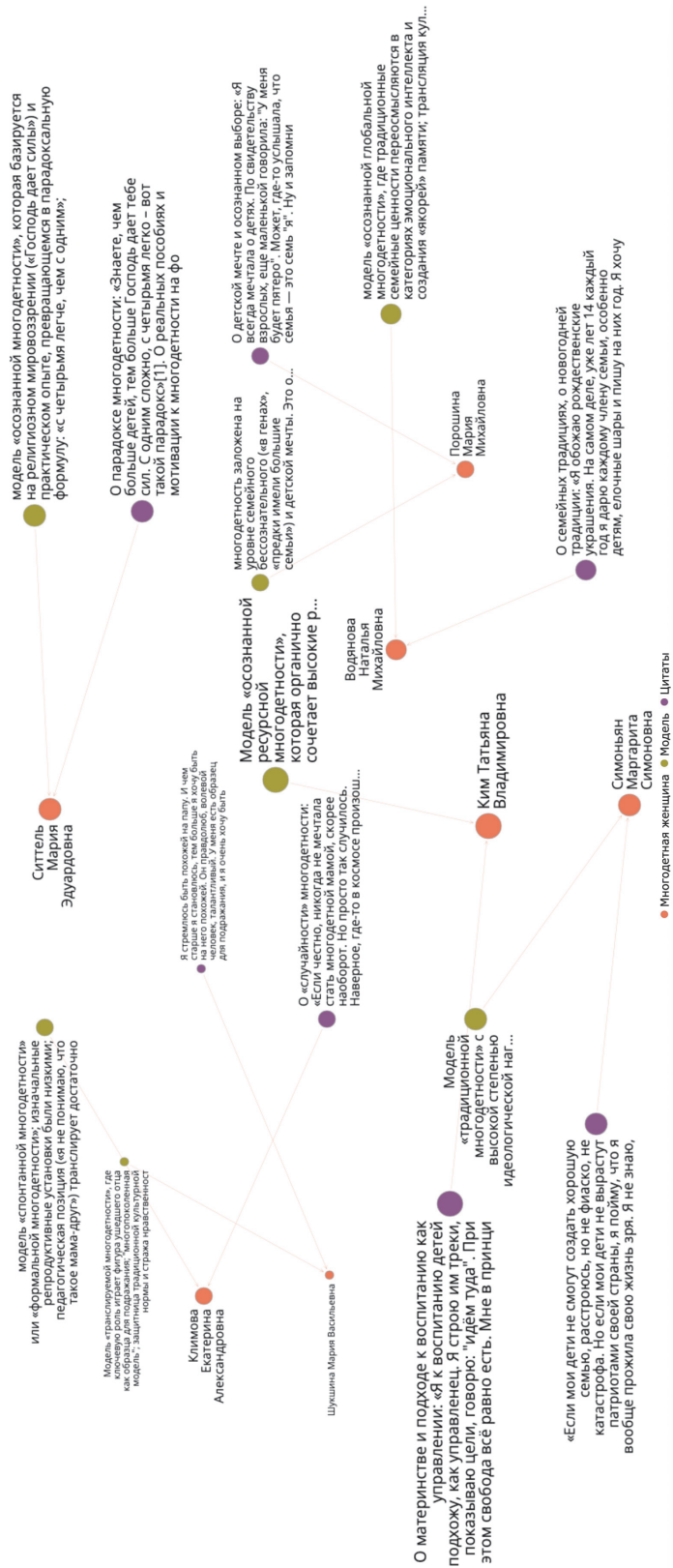

Рис. 3. Граф моделей многодетности в публичных нарративах известных российских женщин, сконструированных в СМИ
Источник: составлено авторами на базе кластерного анализа нарративов

Многодетность перестает ассоциироваться с трудностями, а конструируется в контексте жизненного успеха. Женщины активно используют лексику менеджмента («проект», «стратегия», «треки»), подчеркивая, что воспитание детей – это такая же сфера профессиональной реализации, как и карьера.

Таким образом, нарративы знаменитостей не просто отражают суще-

ствующие типы многодетности, но и активно участвуют в создании нового социального стандарта – «многодетность как достижение». Дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнительный анализ репрезентации многодетности в российских и западных медиа, а также на изучение восприятия этих образов массовой аудиторией.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflict of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Источники

Объясняем РФ – В Соцфонде сообщили, какие регионы лидируют по числу многодетных семей в стране. *Объясняем.РФ*. 13 апреля 2026 г. URL: <https://объясняем.рф/articles/news/v-sotsfonde-soobshchili-kakie-regiony-lidiruyut-po-chislu-mnogodetnykh-semey-v-strane/> (дата обращения: 01.05.2026).

LENTA – В России высказались о возможности женщин рожать неограниченное число детей. *LENTA.RU*. 29 марта 2026. URL: <https://lenta.ru/news/2026/03/29/v-rossii-vyskazalis-o-vozmozhnosti-zhenschin-rozhat-neogranichennoe-chislo-detey/> (дата обращения: 01.05.2026).

КП-1 – Маргарита Симоньян: Если мои дети не вырастут патриотами, я этого не переживу. *Комсомольская правда*. 6 мая 2025 г. URL: <https://www.kp.ru/online/news/6362005/> (дата обращения: 01.03.2026).

Банки – Бакальчук рассказала, как из многодетной мамы превратилась в успешного предпринимателя. *Банки.ру*. URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=11006404> (дата обращения: 01.03.2026).

Умная страна – Татьяна Бакальчук о том, почему нельзя навязывать идею «сначала замуж и дети, а потом карьера». Самая богатая женщина России уверена, что современная экономика позволяет женщинам не выбирать между семьей и карьерой. *Умная страна. Тер-*

ритория умных людей и проектов. URL: <https://umstrana.ru/family-3-0/tatyana-bakalchuk-o-tom-pochemu-nelzya-navyazyvat-ideyu-snachala-zamuzh-i-deti-a-potom-karera/> (дата обращения: 01.03.2026).

Ulys/Media – У нас были ссоры из-за гаджетов: Татьяна Бакальчук рассказала о воспитании детей. *Ulys/Media*. 17 октября 2024 г. URL: <https://ulysmedia.kz/news/39738-u-nas-byli-ssory-iz-zagadzheto-tatiana-bakalchuk-rasskazala-o-vospitanii-detei-v-almaty/> (дата обращения: 01.03.2026).

Фонтанка – «Я его отчасти понимаю»: Бакальчук рассказала, как семейный раздел Wildberries стал скандалом на всю страну. *Фонтанка.ру*. 22 августа 2024 г. URL: <https://www.fontanka.ru/2024/08/22/73988891/> (дата обращения: 01.03.2026).

7 Дней-1 – Мария Ситтель о карьере, отношениях с мужем и воспитании четверых детей. *7 Дней*. 24 декабря 2014 г. URL: <https://7days.ru/stars/privatelife/mariya-sittel-o-karere-otnosheniyakh-s-muzhem-i-vospitanii-chetverykh-detey.htm> (дата обращения: 01.03.2026).

Woman.ru – Цифра дня: 5116 рублей пособий на пятерых детей получила Мария Ситтель. *Woman.ru*. URL: <https://www.woman.ru/news/cifra-dnya-5116-rublei-posobii-na-pyaterykh-detei-poluchila-mariya-sittel-id6638712/> (дата обращения: 01.03.2026).

7 Дней-2 – Иногда ощущаю себя «матерью-осьминожкой»: Мария Порошина о воспитании пятерых детей. *7 Дней*. 1 апреля 2017 г. URL: <https://www.kino-teatr.ru/lifestyle/news/y2023/7-27/31882/>. (дата обращения: 01.03.2026).

7 Дней-3 – Мария Порошина: «Ребенок никогда не бывает вовремя, но это такое счастье!». *7 Дней*. 1 апреля 2017. URL: <https://7days.ru/caravan/2017/4/mariya-poroshina-rebenok-nikogda-ne-byvaet-vovremya-no-eto-takoe-schaste.htm> (дата обращения: 01.02.2026).

StarHit – Екатерина Климова не мечтала стать многодетной мамой. *StarHit*. 29 июля 2015 г. URL: <https://www.starhit.ru/novosti/ekaterina-klimova-ne-mechtala-stat-mnogodetnoy-mamoy-117379/> (дата обращения: 01.03.2026).

Экспресс газета – Не понимаю, что такое мама-друг, могу повысить го-

лос»: как управляется с четырьмя детьми Екатерина Климова. *Экспресс газета*. 20 мая 2024 г. URL: <https://www.eg.ru/showbusiness/4210812-kak-upravlyaetsya-s-chetyrmya-detmi-ekaterina-klimova/> (дата обращения: 01.03.2026).

КП-2 – «Я делаю это на протяжении 14 лет»: Наталья Водянова рассказала о трогательной семейной традиции на Новый год. *Комсомольская правда*. 9 декабря 2025 г. URL: <https://www.nnov.kp.ru/daily/27753/5182318/> (дата обращения: 01.03.2026).

АиФ – «Хочу быть папиной дочкой». Мария Шукшина призналась о тоске по отцу. *Аргументы и факты*. 15 января 2026 г. URL: <https://altai.aif.ru/culture/hochu-byt-papinoy-dochkoj-mariya-shukshina-priznalas-o-toske-po-otcu> (дата обращения: 01.03.2026).

Список литературы / References

1. Нагматуллина Л.К., Максимова О.А. Динамика изменения социально-демографических процессов российского общества в статистике переписей населения. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2022;(6(57)): 75-81. DOI: 10.26907/2079-5912.2022.6.75-81.

Nagmatullina L.K., Maksimova O.A. Dynamics of changes in socio-demographic processes of Russian society in population census statistics. *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2026;(6(57)):75-81. DOI: 10.26907/2079-5912.2022.6.75-81 (In Russ.).

2. Числова М. Конструктивистский подход к исследованию медиареальности (на базе зарубежных исследований). *Медиа альманах*. 2013;(6):28-35. URL: http://mediaalmanah.ru/files/59/2013_6_chislova.pdf.

Chislova M. A Constructivist approach to media reality research (based on foreign research). *Media almanac*. 2013;(6):28-35. URL: http://mediaalmanah.ru/files/59/2013_6_chislova.pdf (In Russ.).

3. Костина С.Н., Зайцева Е.В. Модели многодетности в современном российском обществе (результаты нарративного интервью). *Социологические иссле-*

дования. 2021;(3):92-102. DOI: 10.31857/S013216250009563-2.

Kostina S.N., Zaitseva E.V. Models of Large Families in Contemporary Russian Society (Results of a Narrative Interview). *Sociological Research*. 2021;(3): 92-102. DOI: 10.31857/S013216250009563-2. (In Russ.)

4. Борисова О.Н., Павлюткин И.В. Вариативность моделей современной городской многодетности: возрождение традиции, новые браки или сетевые эффекты? *Мир России. Социология. Этнология*. 2019;(4):128-151. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-128-151

Borisova O.N., Pavlyutkin I.V. Variability of Models of Modern Urban Large Families: Revival of Tradition, New Marriages, or Network Effects? *World of Russia. Sociology. Ethnology*. 2019;(4):128-151. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-128-151 (In Russ.)

5. Павлюткин И.В., Голева М.А., Борисова О.Н. *Море жизни: Как рождаются многодетные семьи в современной России*. Москва: Изд-во ПСТГУ; 2021. 224 с.

Pavlyutkin I.V., Goleva M.A., Borisova O.N. *The Sea of Life: How Large Families Are Born in Modern Russia*. Moscow: PSTGU Publishing House; 2021. 224 p. (In Russ.)

6. Ростовская Т.К., Кучмаева О. В., Васильева Е. Н. Многодетная семья в современном российском обществе: демографический аспект. *Вопросы управления*. 2024;(3(88)):9-23. DOI 10.22394/2304-3369-2024-3-9-23.

Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Vasilyeva E.N. A Large Family in Modern Russian Society: Demographic Aspect. *Issues of Management*. 2024; (3(88)): 9-23. DOI 10.22394/2304-3369-2024-3-9-23 (In Russ.)

7. Сивоплясова С.Ю. Репродуктивные установки современной молодежи на многодетность: закономерности и противоречия. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022;(1):223-242. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.12

Sivoplyasova S.Yu. Reproductive Attitudes of Modern Youth towards Large Families: Patterns and Contradictions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;(1):223-242. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.12. (In Russ.)

8. Банных Г. А., Зайцева Е.В., Костина С.Н., Кузьмин А.И. Образ многодетной матери в пространстве российского интернета. *Социум и власть*. 2019;(1(75)):42-52. URL: https://siv74.ru/images/downloads/arhiv-nomerov/2019/2019_1.pdf.

Bannykh G. A., Zaitseva E.V., Kostina S.N., Kuzmin A. I. The Image of a Mother with Many Children in the Russian Internet. *Society and Power*. 2019; (1(75)):42-52. URL: https://siv74.ru/images/downloads/arhiv-nomerov/2019/2019_1.pdf (In Russ.)

9. Костина С.Н., Банных Г.А. Многодетность в российских массмедиа: результаты контент-анализа. *Мир науки. Социология, филология, культурологии*. 2019;(4):1-11. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/58SCSK419.pdf>

Kostina S.N., Bannykh G.A. Large Families in Russian Mass Media: Results of Content Analysis. *World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2019;(4):1-11. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/58SCSK419.pdf> (In Russ.)

10. Дорофеева З. Е. Распределение ролей в высокоресурсных многодетных семьях. *Социологическая наука и социологическая практика*. 2021;(3(35)):73-87. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.3.8434

Dorofeeva Z. E. Distribution of roles in high-resource large families. *Sociological science and sociological practice*. 2021;(3(35)):73-87. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.3.8434 (In Russ.)

Информация об авторах

Павлова Лариса Леонидовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет. Scopus ID: 57205249750, ORCID ID 0000-0003-1626-9429, SPIN-код: 9255-3550; e-mail: pavlova68@yandex.ru
Хайруллина Нурсафа Гафуровна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет. Scopus ID: 21734952000, ORCID ID 0000-0001-7290-3290, SPIN-код: 9598-9272; e-mail: nursafa@inbox.ru

Information about the authors

Larisa L. Pavlova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Tyumen Industrial University. Scopus ID: 57205249750, ORCID ID: 0000-0003-1626-9429, SPIN code: 9255-3550; e-mail: pavlova68@yandex.ru
Nursafa G. Khairullina, Dr. Sci. (Sociology), Professor, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Tyumen Industrial University. Scopus ID: 21734952000, ORCID ID 0000-0001-7290-3290, SPIN-code: 9598-9272; e-mail: nursafa@inbox.ru

Поступила в редакцию 02.04.2026

Принята после рецензирования 01.06.2026

Принята к публикации 15.06.2026

Received April 2, 2026

Revised June 1, 2026

Accepted June 15, 2026

Научная статья

Research article

УДК 316.334.56

[https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.2.36–46](https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.2.36-46)

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Платформенная урбанизация: как цифровые платформы (Авито, Яндекс, Wildberries) реструктурируют пространство городских агломераций

Хамитов Д.Д.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань,
ул. Кремлевская, д. 18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу платформенной урбанизации как процесса, в рамках которого цифровые платформы выходят за пределы онлайн-среды и начинают перестраивать физическое пространство городских агломераций России. Актуальность исследования связана с быстрым ростом платформенных сервисов, влияющих на мобильность населения, распределение логистической инфраструктуры, режимы потребления, занятость и повседневную организацию городской жизни. Цель исследования состоит в выявлении механизмов, через которые платформы Авито, Яндекс и Wildberries воздействуют на пространственную структуру агломераций. Автором проведен сравнительный анализ платформенных моделей и анкетный опрос 400 респондентов из различных регионов России в январе–феврале 2026 г. В ходе исследования установлено, что платформы усиливают транспортную и логистическую нагрузку на отдельные районы, меняют роль периферийных территорий, формируют новые зоны концентрации занятости и создают противоречивый эффект сочетания потребительского удобства с ростом инфраструктурного давления. Научная новизна работы заключается в рассмотрении цифровых платформ как самостоятельных акторов городской трансформации.

Практическая значимость связана с возможностью использования результатов при разработке мер регулирования платформенной инфраструктуры и документов территориального планирования.

Ключевые слова: платформенная урбанизация, цифровые платформы, городские агломерации, платформенная экономика, городская мобильность, логистическая инфраструктура, платформенная занятость, Wildberries, Яндекс, Авито

Для цитирования: Хамитов Д.Д. Платформенная урбанизация: как цифровые платформы (Авито, Яндекс, Wildberries) реструктурируют пространство городских агломераций. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2026;2(73):36–46.

Platform Urbanization: How Digital Platforms (Avito, Yandex, Wildberries) Restructure the Space of Urban Agglomerations

Khamitov D.D.

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, 420008, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of platform urbanization as a process in which digital platforms move beyond the online environment and begin to reshape the physical space of Russian urban agglomerations. The relevance of the study is associated with the rapid growth of platform services affecting population mobility, the distribution of logistics infrastructure, consumption patterns, employment, and the everyday organization of urban life. The purpose of the study is to identify the mechanisms through which Avito, Yandex, and Wildberries influence the spatial structure of agglomerations. The author conducted a comparative analysis of platform models and a questionnaire survey of 400 respondents from different regions of Russia in January–February 2026. The study found that platforms increase transport and logistics pressure on particular areas, change the role of peripheral territories, create new zones of employment concentration, and produce a contradictory effect combining consumer convenience with growing infrastructural pressure. The scientific novelty of the work lies in considering digital platforms as independent actors of urban transformation. The practical significance of the study is related to the possibility of using its results in the development of regulatory measures for platform infrastructure and territorial planning documents.

Keywords: platform urbanization, digital platforms, urban agglomerations, platform economy, urban mobility, logistics infrastructure, platform employment, Wildberries, Yandex, Avito

For citation: Khamitov D.D. Platform Urbanization: How Digital Platforms (Avito, Yandex, Wildberries) Restructure the Space of Urban Agglomerations. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;(2(73)):36–46 (In Russ.)

Введение

Российская агломерация середины 2020-х годов изменилась не только из-за новых магистралей, жилых кварталов и торговых центров. Сильнее и быстрее городскую ткань начали перестраивать цифровые платформы. Утренний спрос на такси через Яндекс, вечерний поток заказов Wildberries, аренда квартиры или гаража через Авито, десятки курьеров у станции метро, пункт выдачи на первом этаже бывшего магазина у дома – все эти сцены уже стали повседневностью для Москвы, Казани, Екатеринбурга, Новосибирска, Краснодара, Владивостока и десятков менее крупных центров. Под влиянием платформ городской

ритм начал измеряться не только расстоянием в километрах, но и временем доставки, стоимостью логистического плеча, плотностью цифрового спроса и скоростью алгоритмического распределения заказов [1, с. 18].

Научный интерес к платформенной экономике резко вырос после 2021 года, когда платформа перестала восприниматься как нейтральный посредник между продавцом и покупателем. За сервисным интерфейсом обнаружился мощный механизм перераспределения спроса, труда, доходов и пространства. Исследования последних лет показывают, что платформенная модель втягивает в единый оборот транспорт, жилье, розничную торгов-

лю, локальные услуги и микропредпринимательство, превращая город в территорию непрерывного цифрового обмена [2, с. 47]. Для социологии города важен другой ракурс: платформа меняет не только рынок, но и конфигурацию улицы, двора, подъезда, первого этажа жилого дома и периферийной складской зоны.

Особую остроту проблеме придает платформенная занятость. Курьер, водитель такси, сборщик заказов, оператор ПВЗ, продавец на платформе вторичного обмена работают не в абстрактной цифровой среде, а в конкретных точках города, где спрос, дорожная связность и алгоритм платформы создают резкий контраст между «выгодными» и «слепыми» зонами. Одни районы оказываются перегружены заказами, курьерами и таксомоторным трафиком, другие выпадают из интенсивного платформенного оборота. Платформенный труд в таких условиях выступает индикатором новой пространственной стратификации [3, с. 11].

Проблема городской трансформации под влиянием платформ сегодня выходит далеко за рамки экономики. Первый этаж жилого дома, еще недавно занятый аптекой, салоном связи или небольшим кафе, в 2024–2026 годах все чаще становится пунктом выдачи заказов. Периферийная территория рядом с трассой, развязкой или железнодорожным узлом превращается в складской коридор маркетплейсов. Двор, рассчитанный на поток жильцов, получает постоянное присутствие машин доставки и такси. Цифровая инфраструктура перестает быть виртуальной и приобретает физический вес, транспортный шум, пространственную плотность и социальную конфликтность [4, с. 35]. Рост потребительского комфорта сопровождается усилением восприятия инфраструктурной перегрузки в районах с высокой концентрацией логистических объектов [5, с. 44–45].

Отдельное значение для российской ситуации имеют маркетплейсы. Рост Wildberries и других платформ с 2022 по 2025 год сделал логистику ключевым элементом потребительского поведения. В крупных агломерациях житель выбирает не только товар и цену, но и близость ПВЗ, удобство подъезда, скорость сборки и выдачи. На уровне городской повседневности маркетплейс меняет карту локального спроса, стимулирует перераспределение коммерческих помещений и усиливает давление на районы с высокой плотностью населения [6, с. 170]. Авито действует иначе: он влияет на аренду жилья, рынок гаражей, ремонтных услуг, микроуслуг, б/у товаров, формируя собственную географию сделок и мобильности. Яндекс, в свою очередь, интегрирует транспорт, доставку, навигацию и повседневный доступ к услугам в единый городской интерфейс.

Региональный ракурс придает проблеме дополнительную глубину. Платформы концентрируют активность неравномерно: часть функций стягивается в федеральные центры и города-миллионники, часть – уходит на периферию, где ниже стоимость земли и проще разместить логистический объект. Возникает парадокс: цифровая экономика выглядит как процесс «дематериализации», но на деле производит новые склады, сортировочные узлы, маршруты и зоны трудовой концентрации [7, с. 282]. Для мобильности агломераций ключевым становится сценарий, при котором транспортное поведение жителей подчиняется не расписанию городской инфраструктуры, а логике платформенного спроса, рейтингов и времени ожидания [8, с. 312].

Цель исследования – выявить, как цифровые платформы Авито, Яндекс и Wildberries реструктурируют пространство городских агломераций России и какие социальные последствия возникают под влиянием платфор-

менной мобильности, логистической инфраструктуры и платформенной занятости. Задачи исследования включали фиксацию восприятия платформ жителями, платформенными работниками и экспертами; выявление зон платформенного давления; оценку влияния ПВЗ, такси и доставки на повседневный комфорт; определение отношения респондентов к регулированию платформенной инфраструктуры.

Материалы и методы

Эмпирическую базу составили данные, полученные в ходе анкетного опроса 400 респондентов, проведенного с 20 января по 20 февраля 2026 года во всех федеральных округах Российской Федерации. В исследование приняли участие жители агломераций разного масштаба: от Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Новосибирска, Краснодара и Владивостока до средних и малых городов, включенных в орбиты крупных региональных центров. Логика выборки строилась не вокруг формального административного деления, а вокруг повседневной включенности в платформенную среду: пользование цифровыми сервисами, проживание рядом с интенсивной логистической инфраструктурой, работа через платформы, профессиональное наблюдение за городской трансформацией.

Использовалась квотно-стратифицированная выборка. Квоты задавались по федеральному округу, типу населенного пункта, возрасту и принадлежности к одной из трех категорий респондентов, выделенных по социально-функциональному признаку. В выборку вошли 200 жителей районов с высокой концентрацией логистических объектов и платформенного трафика, 150 платформенных работников и 50 представителей администрации, экспертного и урбанистического сообщества. Все участники дали добровольное информированное согласие;

анкета не содержала персональных идентификаторов, позволяющих установить личность респондента.

Для анализа использовались закрытые вопросы, вопросы множественного выбора и шкалы оценки. Анкета фиксировала частоту использования платформ, восприятие роли Авито, Яндекс и Wildberries, оценку транспортной и шумовой нагрузки, отношение к ПВЗ в жилой застройке, частоту столкновения со «слепыми зонами» платформенной экономики, представления о необходимости регулирования. Такой инструмент позволил уловить не только экономическую полезность платформ, но и пространственную цену цифрового удобства. Аналитически важным ориентиром послужили исследования городской информационной среды, где цифровые сервисы рассматриваются как самостоятельный слой городского управления и повседневной навигации [9, с. 130].

Распределение выборки отражало географическую и социальную неоднородность платформенной урбанизации. Для жителя московского района Некрасовка, краснодарского Музыкального микрорайона или казанского «Салават Купере» платформенное давление выглядит иначе, чем для жителя центральной части Ярославля, Томска или Курска. В первом случае речь идет о массовом потоке доставки, дефиците парковочных карманов и высокой плотности ПВЗ, во втором – о более редком, но быстро растущем присутствии платформ в повседневной инфраструктуре. Для фиксации этих различий в анкету были включены вопросы о типе населенного пункта, характере района и субъективной оценке изменений за последние три года (Таблица 1).

Представленная структура позволила соединить два уровня анализа: массовое восприятие платформ жителями и профессиональный взгляд тех, кто ежедневно включен в платформенный

Таблица 1

Структура выборки исследования, %

Показатель	Доля, %
Группа респондентов	
Жители районов с высокой платформенной нагрузкой	50
Платформенные работники	37,5
Представители администрации, эксперты, урбанисты	12,5
Федеральный округ	
Центральный	23
Северо-Западный	10
Южный	11
Северо-Кавказский	6
Приволжский	18
Уральский	10
Сибирский	13
Дальневосточный	9
Тип населенного пункта	
Город-миллионник	34
Крупный город	24
Средний город	21
Малый город	11
Пригород агломерации	10

Источник: рассчитано автором на основе авторского анкетного опроса

труд или в регулирование городской среды. Для сравнительного чтения результатов важен еще один методологический ориентир: в современных исследованиях муниципальных цифровых платформ подчеркивается, что цифровой сервис становится частью управления городом лишь тогда, когда его инфраструктурные последствия учитываются на уровне пространства, транспорта и нормативов размещения объектов [9, с. 96].

Результаты

Первый блок результатов показал, какие платформы респонденты считают наиболее заметными акторами городских агломераций. Лидерство Яндексa объясняется частотой повседневного контакта: заказ такси, доставка еды, навигация, вызов курьера, отслеживание маршрута. Wildberries воспринимается чуть иначе: не как

«интерфейс в телефоне», а как физически видимая сеть ПВЗ, вывесок, складских маршрутов и постоянных потоков коробок. Авито уступает по общей заметности, но в ответах жителей периферийных и пригородных зон платформа упоминалась регулярно из-за влияния на аренду, вторичный рынок мебели, техники, автозапчастей и локальных услуг (Рис. 1).

Платформа с наибольшим символическим весом в российском городе сегодня связана не с покупкой товара как разовым актом, а с повседневной мобильностью. Житель агломерации сталкивается с Яндексом утром по дороге на работу, днем при навигации, вечером при заказе еды или такси. Wildberries, напротив, сильнее материализован в пространстве. В ответах жителей Краснодара, Балашихи, Тюмени, Перми и Махачкалы чаще других встречались формулировки о «пунктах

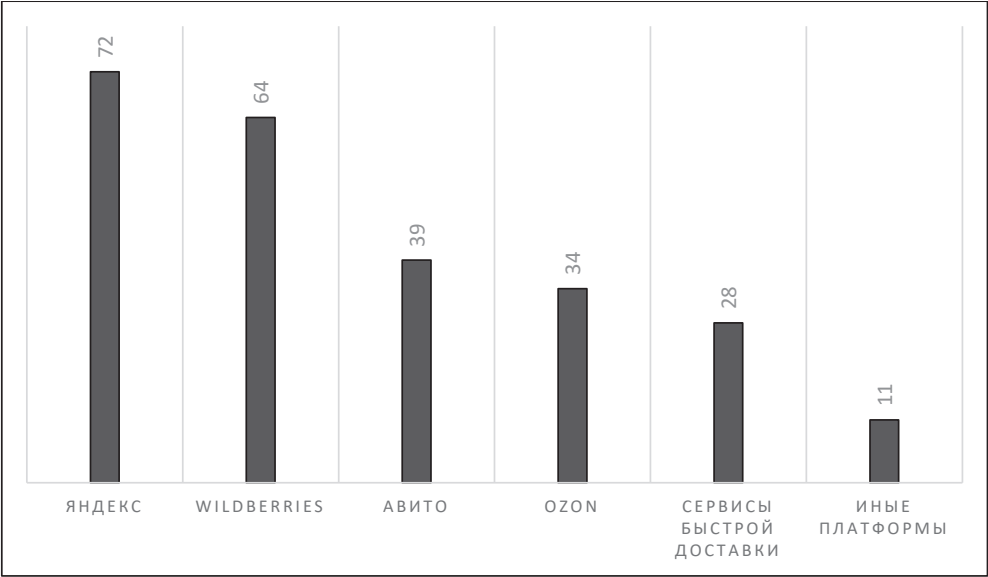

Рис. 1. Платформы, сильнее всего влияющие на пространство агломерации (доля, %)

Источник: составлено автором на основе авторского анкетного опроса

на каждом квартале», «курьерах во дворе», «постоянной разгрузке машин у дома». Авито заметнее проявляет себя в сфере жилья и микроуслуг, где цифровая сделка почти всегда запускает физическое перемещение по городу.

Следующий важный срез связан с общим балансом оценок. Платформы не воспринимаются однозначно положительно или однозначно отрицательно. Основной массив ответов сосредоточился в промежуточной зоне: удобство признается, но признаются и издержки. Для города такой результат принципиален. Он показывает, что конфликт вокруг платформы проходит

не по линии «нравится – не нравится», а по линии «удобно пользователю – тяжело инфраструктуре» (Таблица 2).

Самыми заметными плюсами оказались экономия времени, рост доступности товаров и сервисов, сокращение числа «пустых» поездок по городу. В ответах жителей крупных жилых массивов постоянно звучал мотив бытовой рациональности: курьер привозит заказ за 20–40 минут, ПВЗ находится в радиусе 300–700 метров, такси подается за 5–8 минут, а редкий товар, который раньше приходилось искать по двум-трем торговым центрам, теперь доступен через одну

Таблица 2

Общая оценка влияния платформ на городской комфорт, %

Вариант ответа	Доля, %
Скорее положительное	31
Положительное, но с заметными издержками	44
Нейтральное	7
Скорее отрицательное	18

Источник: рассчитано автором на основе авторского анкетного опроса

платформу. Для жителей периферии Приволжского, Сибирского и Дальневосточного округов значимой оказалась не только скорость, но и сам факт доступа к широкому ассортименту.

Негативный блок выглядел не менее отчетливо. В ответах доминировали транспортная нагрузка, шум, перегрузка дворов, неустойчивость платформенного труда и усиление различий между районами. Респондент из Екатеринбурга, живущий возле станции метро и крупного ЖК, сталкивается с одним профилем давления – постоянный поток такси и курьеров. Респондент из пригорода Новосибирска или Краснодара видит другой профиль – рост логистических маршрутов вдоль магистралей и превращение бывших периферийных зон в складской пояс (Рис. 2).

Блок ответов жителей районов с высокой платформенной нагрузкой дал наиболее «телесную» картину изменений. У 67% жителей в радиусе 10–15 минут пешком от дома за последние три года стало больше ПВЗ. Рост курьерско-

го потока отметили 59%, увеличение транспортной нагрузки – 54%, усиление шумовой нагрузки – 49%. При этом 58% признали, что доступ к товарам и услугам стал удобнее. Город в таких условиях получает двойной эффект: экономия времени на стороне потребителя и рост локального инфраструктурного давления на стороне жилой среды. Подъезд превращается в точку краткосрочного складирования, двор – в зону ожидания курьера, первый этаж – в узел микрологистики.

Платформенные работники дали еще более жесткую картину пространственного неравенства. Среди них 73% заявили о сильной или полной зависимости от алгоритмов платформы, 62% сообщили о регулярном столкновении со «слепыми зонами», где мало заказов, низкие ставки или неудобная маршрутизация, 57% тратят на перемещения и обслуживание заказов более шести часов в день.

В комментариях повторялись описания районов с «пустой цифрой»: дорога занимает много времени, а плат-

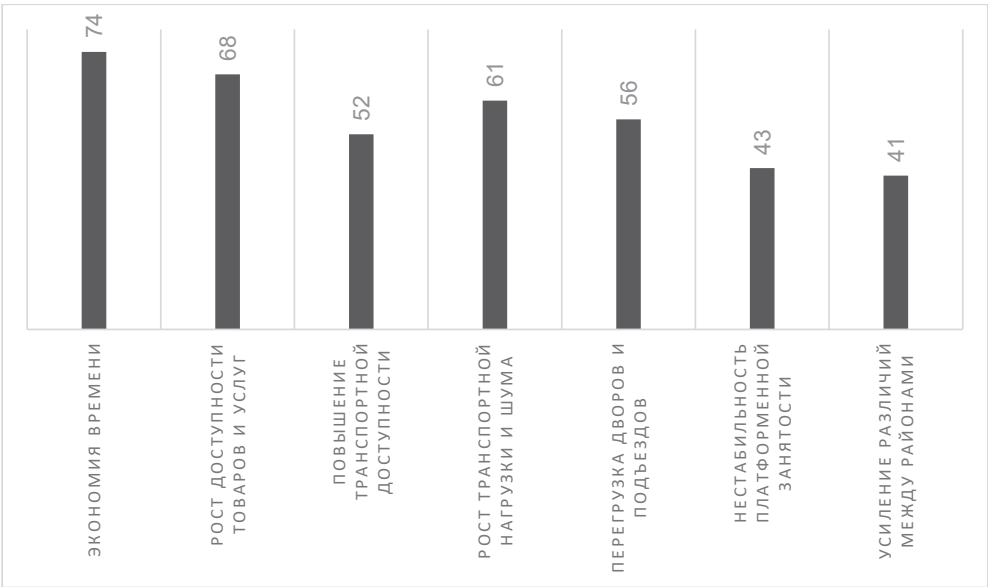

Рис. 2. Положительные и отрицательные эффекты платформенной урбанизации (доля, %)

Источник: составлено автором на основе авторского анкетного опроса

форма не компенсирует логистический разрыв тарифом. Другой полюс составляют зоны гиперконцентрации – вокзалы, крупные ТЦ, центральные районы, жилые кварталы у станций метро и новых транспортных развязок, где цифровой спрос настолько плотный, что курьеры и такси фактически формируют самостоятельный городской поток.

Экспертный блок дал почти консенсусную оценку. Среди представителей администрации, аналитиков и урбанистов 76% указали, что действующие документы территориального планирования слабо учитывают платформенную инфраструктуру, 84% поддержали введение специальных норм для ПВЗ, дарксторов, курьерского и таксомоторного трафика, 68% назвали промышленно-складскую периферию и территории у транспортных узлов зонами наибольшего платформенного давления. Для экспертов платформа уже не выглядит внешним сервисом по отношению к городу; она рассматривается как новый распределитель трафика, спроса и функций пространства (Таблица 3).

Для жителей в фокусе оказываются бытовой комфорт и локальные неудобства. Для платформенных работников – зависимость от алгоритма, нерав-

номерность заказов и трудовой риск. Для экспертов – системный сбой старых моделей планирования, не рассчитанных на массовое встраивание логистики в жилую ткань и на превращение цифровой платформы в фактического организатора повседневной городской мобильности.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют рассматривать платформенную урбанизацию как самостоятельный социально-пространственный процесс.

Платформа не ограничивается ролью посредника между клиентом и исполнителем. Она распределяет транспортный поток, задает ценность локации, меняет поведение потребителя, стимулирует перевод коммерческих помещений под ПВЗ и выталкивает складские мощности на периферию агломераций. В исследованиях городской информационной среды подчеркивается, что цифровые технологии формируют новые режимы видимости города; наши данные добавляют важную деталь: видимым для пользователя становится сервис, а невидимыми остаются труд, логистика и накопленные пространственные издержки [9, с. 130].

Таблица 3

Сравнение оценок платформенной урбанизации по группам респондентов, %

Показатель	Жители	Платформенные работники	Эксперты
Платформы делают жизнь удобнее, но создают издержки	46	39	52
За последние 3 года нагрузка на район выросла	54	48	62
Нужны специальные меры регулирования	63	58	84
Платформы усиливают различия между районами	44	47	61
Платформы стали самостоятельным фактором городской трансформации	57	55	76

Источник: рассчитано автором на основе авторского анкетного опроса

Сопоставление результатов с современными работами о муниципальных цифровых платформах показывает, что российская ситуация развивается по смешанному сценарию. С одной стороны, цифровые сервисы расширяют доступность, ускоряют городские взаимодействия, делают периферию менее изолированной. С другой стороны, без институционального учета платформенная инфраструктура начинает вторгаться в жилую среду стихийно: через первый этаж, через двор, через постоянный транзит такси и курьеров, через новые складские коридоры на окраинах [10, с. 96]. Для Москвы и Санкт-Петербурга такой конфликт уже стал привычным, для Тюмени, Краснодара, Иркутска, Барнаула, Читы и многих региональных центров он быстро нарастает.

Сильнее всего результаты исследования перекликаются с подходом, в котором «умный город» рассматривается как сеть транзакций, а не только как набор цифровых сервисов. В российской агломерации 2026 года транзакция перестала быть мгновенным и бесплотным действием. У нее появились адрес, подъезд, курьер, маршрут, сортировочный узел, тариф, окно доставки, конфликт за парковочный карман и шум под окнами. Город входит в новую фазу, где платформа стала одним из главных организаторов пространства, но регулятор и градостроительная документация пока не успели подстроиться под этот сдвиг [11, с. 1758].

Ограничения исследования связаны с анкетным характером данных и с тем, что внутри федеральных округов различия между отдельными агломерациями могут быть значительно глубже, чем различия между округами как макрорегионами. Следующий шаг требует картографирования реальных цепочек платформенного давления: плотности ПВЗ, зон ожидания такси, курьерских маршрутов, логистических коридоров маркетплейсов и террито-

рий, исключенных алгоритмами из интенсивного оборота.

Заключение

Исследование показало, что платформенная урбанизация в России уже перестала быть узкой темой цифровой экономики. Авито, Яндекс и Wildberries вмешиваются в устройство агломерации на разных уровнях: меняют повседневную мобильность, перераспределяют спрос между районами, втягивают жилую среду в логистическую сеть, формируют новые зоны трудовой концентрации и усиливают различия между «видимыми» и «невидимыми» территориями. Для жителя платформы означают удобство, скорость и доступность. Для города – новый поток машин, курьеров, микроскладов, ПВЗ и конфликтов вокруг использования пространства.

Опрос 400 респондентов из всех федеральных округов России зафиксировал устойчивую двойственность платформенного эффекта.

Большинство признает потребительские выгоды, но почти столь же отчетливо видит скрытую цену цифрового удобства: шум, перегруженные дворы, рост трафика, алгоритмическую уязвимость работников и слабую готовность городского планирования учитывать платформенную инфраструктуру. Самыми заметными акторами городской трансформации названы Яндекс и Wildberries; Авито проявляет более рассеянное, но социально значимое влияние через аренду, вторичный обмен и локальные услуги.

Главный вывод состоит в следующем: современная российская агломерация все чаще организуется не только улицей, районом и магистралью, но и платформой, которая распределяет скорость, доступность, стоимость и плотность городской жизни. Игнорирование платформенного слоя ведет к фрагментации пространства: одни районы получают быстрый сервис и

высокий цифровой спрос, другие – логистическое заброшивание или, напротив, избыточное инфраструктурное давление. Городская политика ближайших лет потребует новых норм размещения ПВЗ, учета курьерского

и таксомоторного трафика, пересмотра подходов к периферийным складским зонам и включения платформенной инфраструктуры в документы стратегического и территориального планирования.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Список литературы / References

1. Абдрахманова Г.И., Гохберг Л.М., Демьянова А.В. и др. *Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад* / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 72 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-3001-6.
2. Abdрахmanova G.I., Gokhberg L.M., Demyanova A.V., et al. *Platform Economy in Russia: Development Potential: analytical report* / National Research University Higher School of Economics. Moscow: HSE ISSEK, 2023. 72 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-3001-6. (In Russ.)
3. Алексахин А.Н., Алексахина С.А., Горшкова А.А., Байтимерова Л.С. Современные тенденции развития платформенной экономики. *Вестник Академии знаний*. 2024;(5(64)):46–51.
4. Aleksakhin A.N., Aleksakhina S.A., Gorshkova A.A., Baytimerova L.S. Current trends in the development of the platform economy. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2024;(5(64)):46–51. (In Russ.)
5. Забелина О.В., Сергеева М.В. Платформенная занятость в Российской Федерации: масштабы, правовые особенности и тенденции развития. *Социально-трудовые исследования*. 2024;(4(57)):8–20. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-57-4-8-20.
6. Zabelina O.V., Sergeeva M.V. Platform employment in the Russian Federation: scale, legal features and development trends. *Social and Labor Research*. 2024;(4(57)):8–20. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-57-4-8-20. (In Russ.)
7. Карпова Н.В., Дальченко Е.А., Карпов В.С. Цифровая трансформация как драйвер городского развития. *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*. 2025;(4(32)):31–44. DOI: 10.54220/vrsue.1991-0533.2025.92.4.003.
8. Karpova N.V., Dalchenko E.A., Karpov V.S. Digital transformation as a driver of urban development. *Bulletin of Rostov State University of Economics (RINH)*. 2025;(4(32)):31–44. DOI: 10.54220/vrsue.1991-0533.2025.92.4.003. (In Russ.)
9. Хохлов А.А., Максимова О.А. Экологическая ситуация г. Казани в оценке населения: динамика и факторы улучшения. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2026;(1(72)):39–48. DOI: 10.26907/2079-5912.
10. Khokhlov A.A., Maksimova O.A. Ecological situation of Kazan in the population's assessment: dynamics and improvement factors. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;(1(72)):39–48. DOI: 10.26907/2079-5912 (In Russ.)
11. Миронова К.И., Любецкий В.В. Анализ развития маркетплейсов в России и их интеграции в международную экономику. *Прогрессивная экономика*. 2025;(5):165–177. DOI: 10.54861/27131211_2025_5_165.
12. Mironova K. I., Lyubetsky V.V. Analysis of the development of marketplaces in Russia and their integration into the international economy. *Progressive Economy*. – 2025;(5):165–177. DOI: 10.54861/27131211_2025_5_165. (In Russ.)
13. Напольских Д.Л. Цифровые платформы и экосистемы как фактор кластеризации производства и инновационного развития регионов. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2025;(2(16)):277–297. DOI: 10.18184/2079-4665.2025.16.2.277-297.
14. Napolskikh D.L. Digital platforms and ecosystems as a factor in production

clustering and innovative development of regions. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2025;(2(16)):277–297. DOI: 10.18184/2079-4665.2025.16.2.277–297. (In Russ.)

8. Никитин Т.К. Цифровая трансформация экосистем городской мобильности в Российской Федерации: модели интеграции и сценарный прогноз развития концепции «мобильность как услуга». *Прогрессивная экономика*. 2025;(12):309–328. DOI: 10.54861/27131211_2025_12_309.

Nikitin T.K. Digital transformation of urban mobility ecosystems in the Russian Federation: integration models and a scenario forecast for the development of the «Mobility as a Service» concept. *Progressive Economy*. 2025;(12):309–328. DOI: 10.54861/27131211_2025_12_309. (In Russ.)

9. Расходчиков А.Н. Социальные цифровые технологии в исследовании информационной среды города. *Научный результат. Социология и управление*. 2024;(2(10)):127–138. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-2-1-0.

Raskhodchikov A.N. Social digital technologies in the study of the city's

information environment. *Scientific Result. Sociology and Management*. 2024;(2(10)):127–138. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-2-1-0. (In Russ.)

10. Растворцева С.Н., Панина Е.В. Муниципальные цифровые платформы в социально-экономическом развитии города (на примере Амстердама и Берлина). *Современная Европа*. 2025;(2(130)):92–104. DOI: 10.31857/S0201708325020081.

Rastvortseva S.N., Panina E.V. Municipal digital platforms in the socio-economic development of the city (the case of Amsterdam and Berlin). *Contemporary Europe*. 2025;(2(130)):92–104. DOI: 10.31857/S0201708325020081. (In Russ.)

11. Семячков К.А. Трансакционный конфигуратор умного города. *Креативная экономика*. 2024;(7(18)):1751–1768. DOI: 10.18334/ce.18.7.121211.

Semyachkov K.A. Transaction configurator of a smart city. *Creative Economy*. 2024;(7(18)):1751–1768. DOI: 10.18334/ce.18.7.121211. (In Russ.)

Информация об авторе

Хамитов Данил Динарович, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-филологических наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии, e-mail: danil.project2@gmail.com

Information about the author

Khamitov Danil Dinarovich, postgraduate student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology, e-mail: danil.project2@gmail.com

Поступила в редакцию 07.04.2026

Принята после рецензирования 07.05.2026

Принята к публикации 07.06.2026

Received April 7, 2026

Revised May 5, 2026

Accepted June 7, 2026

УДК 316:796

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.2.47-56>

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Школьные спортивные клубы Татарстана: представления и повседневные практики обучающихся

Хурамшин И.Г.

*Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
420010, г. Казань, Деревня Универсиады, д. 35, Российская Федерация*

Хурамшина А.З.

*Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан,
420111, г. Казань, ул. Баумана, д. 20, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу представлений и повседневных практик обучающихся Республики Татарстан в отношении школьных спортивных клубов (ШСК). Несмотря на активный рост числа таких клубов в России, их реальная роль в социализации и повседневной жизни школьников остается недостаточно изученной. Цель статьи – на основе эмпирических данных выявить особенности восприятия деятельности ШСК, мотивацию участия и барьеры вовлечения, а также предложить типологию отношения школьников для оптимизации работы клубов. Теоретической рамкой выступает интеграция институционального и деятельностного подходов, концепций социализации и образа жизни. Эмпирическую базу составили данные анкетного опроса 954 обучающихся, проведенного в Республике Татарстан в 2025 г. Применены методы частотного, сравнительного и кластерного анализа. Выявлен разрыв между институциональным наличием ШСК (33,6%) и реальным членством (14,4%). Кластерный анализ позволил выделить четыре типа отношения: «активные участники», «потенциальные участники», «сомневающиеся» и «не заинтересованные в спорте». Доминирующей мотивацией участия являются социальные мотивы (общение, командная работа) и мотивы физического развития. Впервые предложена типология отношения школьников к ШСК на основе кластерного анализа, учитывающая как институциональные факторы, так и повседневные практики. Сформулированы рекомендации по повышению информационной открытости ШСК и применению дифференцированного подхода к выделенным группам.

Ключевые слова: школьный спортивный клуб, социология физической культуры и спорта, институционализация школьного спорта, Татарстан

Для цитирования: Хурамшин И.Г., Хурамшина А.З. Школьные спортивные клубы Татарстана: представления и повседневные практики обучающихся. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2026;(2(73)):47–56.

School Sports Clubs of Tatarstan: Perceptions and Everyday Practices of Students

Khuramshin I.G.

*Volga Region State University of Physical Culture, Sports and Tourism,
35, Universiade Village, Kazan, 420010, Russia*

Khuramshina A.Z.

*Family and Demography Center of Tatarstan Academy of Sciences,
20, Bauman str., Kazan, 420111, Russia*

Abstract. The article analyzes the perceptions and everyday practices of students of the Republic of Tatarstan regarding school sports clubs (SSC). Despite the active growth in the number of such clubs in Russia, their actual role in the socialization and everyday life of schoolchildren remains insufficiently studied. The aim is to identify, on the basis of empirical data, the features of students' perception of SSC activities, motivation for participation and barriers to involvement, as well as to propose a typology of students' attitudes to optimize the work of clubs. The theoretical framework is an integration of institutional and activity approaches, concepts of socialization and lifestyle. The empirical base includes data from a questionnaire survey of 954 students conducted in 2025. Methods of frequency, comparative and cluster analysis were applied. A gap was revealed between the institutional presence of SSCs (33.6%) and actual membership (14.4%). Cluster analysis identified four types of attitudes: "active participants", "potential participants", "undecided", and "not interested in sports". The dominant motivation for participation is social motives (communication, teamwork) and motives for physical development. For the first time, a typology of students' attitudes towards SSCs based on cluster analysis is proposed, taking into account both institutional factors and everyday practices. Recommendations are formulated for increasing the information openness of SSCs and applying a differentiated approach to the identified groups.

Keywords: school sports club, sociology of physical culture and sports, institutionalization of school sports, Tatarstan

For citation: Khuramshin I.G., Khuramshina A.Z. School Sports Clubs of Tatarstan: Perceptions and Everyday Practices of Students. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;2(73):47–56 (In Russ.)

Введение

Школьные спортивные клубы (ШСК) в современной России переживают этап активного институционального становления. Согласно данным мониторинга Министерства просвещения РФ, в 2024 году доля общеобразовательных организаций, имеющих в своей структуре ШСК, превысила 80% [1]. Однако количественный рост числа клубов не дает ответа на вопросы качественной оценки их деятельности: какова реальная роль ШСК в повседнев-

ной жизни школьников; какие смыслы и ценности связывают учащихся с деятельностью клубов; насколько успешно клубы выполняют функции социализации, формирования здорового образа жизни и развития личности.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью перехода от анализа формальных показателей (количество клубов, численность занимающихся) к изучению субъективных представлений и повседневных практик школьников.

Как справедливо отмечают Г.Ф. Черкасов и Р.Р. Хизбуллина, в современной социологии актуализируется задача понимания роли спорта через призму «совокупности многообразия детерминационных механизмов и факторов, в числе которых могут быть также условия формирования ценностных установок на здоровый образ жизни и занятие спортом» [2, с. 58].

Теоретическая рамка исследования базируется на двух ключевых подходах. Институциональный подход позволяет рассматривать ШСК как устойчивую форму социальной практики, регулируемую нормами и правилами [3; 1]. Деятельностный подход [4; 5], теории образа и качества жизни [6; 7] и социализации [80] задают основу для анализа того, как повседневные практики участия в ШСК формируют телесные и ментальные диспозиции обучающихся. Зарубежные исследования (Т. Мацуо, Б. Макдональд) показывают, что в спортивных клубах формируются различные типы «воплощенного культурного капитала», а клуб может становиться центральным компонентом идентичности [9; 10].

Работа Г.Ф. Черкасова, Р.Р. Хизбуллиной акцентирует роль спорта в формировании ценностных систем молодежи [2]. Международные исследования (К. Джоунг, М.Х. Сьерра-Диас, В. Пенг) подчеркивают значимость внутренней мотивации, удовольствия от занятий и социальных связей для вовлеченности и устойчивости спортивных практик [11; 12; 13]. В российской социологии накоплен опыт изучения проблем ШСК глазами учителей и школьников, а также причин прекращения спортивной карьеры [6; 14; 15; 16].

Татарстан, являясь одним из лидеров по темпам создания ШСК [1], представляет собой уникальный региональный кейс для изучения данных процессов. Республика демонстрирует высокие показатели институционализации школьного спорта, что ак-

туализирует обращение к исследованию данного поля для выявления как успешных практик, так и проблемных зон функционирования ШСК.

Цель исследования – на основе эмпирических данных, полученных в ходе анкетного опроса обучающихся Татарстана, выявить особенности представлений школьников о деятельности ШСК, проанализировать их повседневные практики участия в клубной работе, определить мотивационные механизмы вовлечения и барьеры, препятствующие участию, а также предложить типологию отношения школьников к ШСК, значимую для оптимизации их деятельности.

Материалы и методы

Исследование опирается на интеграцию двух подходов – институционального, позволяющего рассматривать ШСК как социальный институт, и деятельностного, который дает возможность проанализировать, как повседневные практики формируют нормативно-ценностное отношение учащихся к физической активности, здоровому образу жизни и командному взаимодействию.

Эмпирическую базу исследования составили данные анкетного опроса, проведенного среди обучающихся образовательных учреждений Республики Татарстан в 2025 году. Общий объем выборочной совокупности – 954 респондента. Исследование проведено при добровольном информированном согласии участников, анонимность гарантирована.

Распределение респондентов по полу: женский – 556 человек (58,3%), мужской – 398 человек (41,7%). По возрастному составу: преобладающая возрастная группа – это школьники 14–17 лет (640 человек, 67,1%), 8–13 лет (228 человек, 23,9%), что соответствует целевой аудитории ШСК; и закончившие школу в течение 1 года до опроса 18–20-летние молодые люди

(85 человек, 8,9%). По типу поселения: городское население – 785 человек (82,3%), сельское – 169 человек (17,7%). По типу учебного заведения: учащиеся средних общеобразовательных школ – 593 человека (62,2%), гимназий – 136 (14,3%), лицеев – 98 (10,3%), школ с углубленным изучением предметов – 114 (11,9%).

Сбор данных осуществлялся методом онлайн-анкетирования с использованием авторского инструментария. Анализ данных проводился с применением методов частотного анализа, сравнительного анализа подгрупп и иерархического кластерного анализа (метод Варда, квадрат евклидова расстояния) в программе SPSS Statistics. Для кластеризации использовались переменные: наличие ШСК в школе, членство, желание участвовать, оценки уроков физкультуры и значимости различных аспектов (физическая активность, ЗОЖ, общение, соревнования).

Результаты

Уроки физической культуры выступают той институциональной средой, в которой формируются первичные представления школьников о физической активности и спорте. Согласно полученным данным, 96,3% респондентов имеют уроки физкультуры в своем расписании, причем доминирующая частота занятий составляет 2 раза в неделю (55,9%), тогда как 3 раза в неделю занимаются 39,4% опрошенных. Высокий уровень регулярности посещения (87% занимаются без пропусков) свидетельствует о том, что для большинства школьников физическая культура остается обязательной и принятой формой активности.

Особый интерес представляет оценка различных аспектов урока. Наиболее высокие баллы получили «отношение учителя» (4,68) и «психическое состояние (настроение)» (4,63), что указывает на значимость эмоционально-комфортной среды в формирова-

нии положительного отношения к физической активности. Несколько ниже оцениваются «физическое состояние» (4,56) и «физическая нагрузка» (4,54), что может свидетельствовать о том, что содержательная сторона урока (интенсивность, сложность упражнений) воспринимается учащимися более критично, нежели межличностные аспекты взаимодействия с педагогом.

Важным результатом, имеющим прямое отношение к теме исследования, выступает тот факт, что 31,6% респондентов хотели бы увеличить количество уроков физкультуры. Этот запрос на расширение физической активности в рамках школы формирует объективную потребность в развитии дополнительных форм занятий, таких как школьные спортивные клубы, способные предложить учащимся более вариативные и добровольные форматы вовлечения.

Анализ ответов на вопрос о наличии ШСК в школе выявил выраженную диспропорцию: лишь треть респондентов (33,6%) уверенно указали на существование клуба в своем учебном заведении, тогда как 34,6% отрицают его наличие, и, что особенно показательно, 31,8% затруднились с ответом. Столь высокая доля затруднившихся – почти треть опрошенных – является не столько индикатором низкого уровня осведомленности самих школьников, сколько маркером системной проблемы в работе самих клубов: их деятельность либо носит закрытый «камерный» характер, либо коммуникационная политика школы не обеспечивает должного информирования учащихся о доступных возможностях.

Спектр видов спорта, развиваемых в ШСК, отражает традиционную для российских школ структуру: лидируют игровые виды – волейбол (22,9%) и баскетбол (22,2%). Заметное присутствие шахмат (9,7%), легкой атлетики (8,4%), единоборств (7,1%) и лыжных гонок (6,3%) свидетельствует о стремлении

клубов охватить различные категории учащихся. Однако преобладание командных игр может указывать на то, что клубы ориентированы преимущественно на школьников, уже имеющих базовые навыки в этих видах спорта, что потенциально ограничивает доступ для новичков.

Ключевым результатом исследования выступает выявленный разрыв между институциональным присутствием ШСК и реальным вовлечением школьников в их деятельность. Доля фактических членов клубов составляет лишь 14,4% от всей выборки (137 человек), что почти в 2,3 раза ниже доли тех, кто знает о наличии клуба в своей школе. Этот разрыв свидетельствует о том, что формальное создание ШСК (как того требуют федеральные и региональные нормативные акты) далеко не всегда сопровождается реальной доступностью клубов для учащихся.

Анализ путей вовлечения показывает, что более половины членов клубов (55,5%) вступили по собственной инициативе, тогда как 35,0% – по предложению учителя физкультуры. Преобладание самостоятельного решения над внешним побуждением можно рассматривать как позитивный фактор, указывающий на сформированную внутреннюю мотивацию у вовлеченных школьников. Вместе с тем доля тех, кто пришел по рекомендации учителя, остается существенной, что подчеркивает ключевую роль педагога как «проводника» в клубную среду.

Желание участвовать в ШСК выразили 27,6% респондентов. Этот показатель почти вдвое превышает долю фактических членов клуба, что позволяет говорить о значительном нереализованном потенциале вовлечения. Примечательно, что эта доля сопоставима с долей тех, кто хочет увеличить количество уроков физкультуры (31,6%), что подтверждает существование устойчивого запроса школьников

на дополнительные формы физической активности.

Качественный анализ открытых вопросов анкеты позволил выявить иерархию мотивов, в которой социальные аспекты (общение, друзья, командная работа) и мотивы физического развития доминируют над соревновательными устремлениями. Это принципиально важный вывод: для большинства школьников ШСК ценен не как площадка для достижения спортивных результатов и побед, а как пространство для общения, совместной деятельности и поддержания физической формы.

Среди причин неучастия лидируют: отсутствие интереса к спорту (указывается в различных формулировках), нехватка времени в связи с учебной нагрузкой и внеклассными занятиями, а также – что особенно значимо – непонимание или незнание того, что представляет собой ШСК. Последний фактор напрямую коррелирует с выявленной ранее проблемой низкой информированности и указывает на необходимость разъяснительной работы, направленной не только на оповещение о существовании клуба, но и на формирование адекватного представления о его деятельности и доступности.

Более 82% членов клуба отметили позитивные изменения, произошедшие после вступления. Эти изменения носят комплексный, мультиаспектный характер: помимо очевидного физического развития и улучшения самочувствия, респонденты указывают на улучшение настроения, рост уверенности в себе, а также расширение круга общения (52,6% отметили появление новых друзей). Значительная доля участников (более 40%) связывают членство в клубе с развитием личностных качеств – дисциплинированности, организованности, ответственности.

Таким образом, полученные данные эмпирически подтверждают, что ШСК выполняют не только физкульту-

турно-оздоровительную, но и важную социализирующую функцию, выступая институтом формирования социальных связей и личностного развития.

Оценка значимости различных аспектов физической активности и спорта выявила устойчивую иерархию ценностей. На первом месте с высоким показателем 4,84 балла находится «здоровый образ жизни», что отражает интернализацию школьниками социально одобряемой ценности. Далее следуют «физическая активность» (4,73) и «общение» (4,72), которые практически не различаются по значимости. «Участие в команде» оценивается в 4,64 балла, и лишь затем – «победы в соревнованиях» (4,45).

Эта иерархия подтверждает сделанный ранее вывод о приоритете рекреационных и социальных ценностей над сугубо соревновательными. Для современного школьника спорт в контексте ШСК ценен прежде всего как способ поддержания здоровья, возможность двигаться и находиться в кругу значимых других, тогда как соревновательный аспект, хотя и не отвергается, отступает на периферию мотивационной структуры.

С целью выявления внутренне однородных групп учащихся, различающихся по характеру вовлеченности и отношению к деятельности ШСК, был

проведен иерархический кластерный анализ (метод Варда, квадрат евклидова расстояния) на подвыборке из 321 респондента, информированных о наличии клуба в своей школе. Анализ позволил выделить четыре устойчивых типа, представленных в Таблице 1.

Выделенные типы существенно различаются по потенциалу вовлечения и требуют дифференцированных подходов. Группа «активных участников» (18,1%) представляет собой ядро, поддерживающее функционирование клуба. Группа «потенциальных участников» (29%) является наиболее перспективной с точки зрения развития: именно эти школьники обладают сформированной потребностью, но по тем или иным причинам (отсутствие информации, барьеры доступа, неудобный график) не реализовали ее. Группа «сомневающийся» (16,2%) требует адресной разъяснительной работы, направленной на снижение неопределенности и формирование более четкого представления о возможностях клуба. Группа «не заинтересованных» (36,7%) составляет значительную долю и требует отдельного анализа: для этих школьников необходимо выявление более глубинных причин отсутствия интереса, которые могут лежать вне сферы спорта.

Таблица 1

Типология отношения школьников к ШСК

Тип отношения	Доля (%)	Характеристика
«Активные участники»	18,1	Члены клуба, демонстрируют высокую вовлеченность и позитивные эффекты; ядро клубного сообщества
«Потенциальные участники»	29	Не состоят в клубе, но выражают желание участвовать; основной резерв развития и расширения клубной деятельности
«Сомневающиеся»	16,2	Не определились с отношением, нуждаются в дополнительной информации и мотивации
«Не заинтересованные»	36,7	Не хотят участвовать, вовлечение в клубную деятельность маловероятно без изменения общей мотивационной структуры

Источник: рассчитано авторами по данным авторского исследования

Анализ представлений школьников о функциях ШСК показал, что они воспринимаются, прежде всего, как институты, обеспечивающие физическую активность (67,9%) и спорт (54,4%). Социальные функции – формирование командного духа и сплочение – отмечают 36–39% респондентов. Такое распределение свидетельствует о том, что для большинства школьников ШСК остается, прежде всего, «спортивной» структурой, тогда как социализирующий потенциал клубов осознается лишь частью опрошенных.

Средняя оценка работы ШСК составила 4,03 балла из 5 возможных, что можно интерпретировать как умеренно положительное восприятие. Однако высокий разброс оценок, выражающийся в том, что 11% респондентов поставили клубу единицу, указывает на существенную неоднородность качества работы. Это может быть связано как с объективными различиями в организации деятельности клубов в разных школах, так и с субъективными ожиданиями учащихся, которые не всегда совпадают с реальными возможностями клубов.

Обсуждение

Полученные данные подтверждают тезис о формировании нового типа спортивного образа жизни у современных школьников, где доминируют коммуникативные и рекреационные ценности над ценностями высоких спортивных достижений. Это согласуется с выводами К. Джоунга и соавторов о ключевой роли «воспринимаемого удовольствия» в приверженности подростков к занятиям в клубах [11]. В свою очередь, исследования О.А. Мусина, И.Ю. Бурхановой и М.М. Кутепова [17] показывают, что дополнительное образование, включая деятельность ШСК, играет существенную роль в формировании личности обучающихся, развивая не только физические качества, но и социальные компетенции.

Выявленный разрыв между информированностью о наличии ШСК (33,6%) и реальным членством (14,4%) указывает не столько на недостаток мотивации у детей, сколько на институциональные сбои в работе самих клубов. Высокая доля затруднившихся с ответом о наличии клуба (31,8%) – маркер низкой эффективности коммуникационной политики школы, что перекликается с данными Е.Р. Апанасовой о недооценке организационно-управленческих аспектов [3].

Исследования показывают, что проблемы, с которыми сталкиваются юные спортсмены на пути к высоким достижениям, часто приводят к преждевременному завершению карьеры и требуют поиска новых форм самореализации [18; 19]. В этом контексте школьные спортивные клубы могут выступать мягкой альтернативой спорту высших достижений, позволяя сохранить вовлеченность в физическую активность и выстроить баланс между спортом и образованием. Как отмечено нами ранее, совмещение спортивной карьеры и получения образования является одной из ключевых проблем для молодых атлетов, и институционализированные формы вроде ШСК способны частично снять это противоречие, предлагая менее стрессовую соревновательную среду [20].

Предложенная типология позволяет перейти от унифицированного подхода в работе с учащимися к дифференцированному. Выделение группы «потенциальных участников» (29%) дает конкретный ориентир для управленческих решений: именно эта группа требует адресных приглашений и пробных занятий.

Заключение

1. Школьные спортивные клубы Татарстана демонстрируют высокий уровень институционального развития, однако выявлен существенный разрыв между наличием клуба и вовлеченно-

стью учащихся, а также критический уровень неинформированности (почти треть школьников не знают о ШСК в своей школе).

2. Мотивация участия базируется преимущественно на социальных мотивах и стремлении к физическому развитию. Это эмпирически подтверждает формирование нового типа спортивного образа жизни, где коммуникация преобладает над достижением.

3. Зафиксирован значительный не-реализованный потенциал: более четверти школьников (27,6%) хотели бы заниматься в ШСК, что требует активизации работы по привлечению этой категории.

4. Предложенная типология позволяет дифференцировать подходы к работе с учащимися и повысить эффективность клубной деятельности.

5. Участие в ШСК демонстрирует высокие позитивные социальные эффекты, что подтверждает роль ШСК как института социализации.

6. Качество работы ШСК оценивается неоднородно, что требует мониторинга и обмена лучшими практиками.

Данные выводы позволяют сделать некоторые рекомендации для достижения задач, поставленных обществом перед ШСК:

- повышение информационной открытости ШСК через соцсети, стенды, дни открытых дверей;

- акцент в коммуникации на социальных аспектах (общении, командной работе);

- дифференцированный подход: для «потенциальных» – пробные занятия, для «сомневающихся» – экскурсии и демонстрация успехов, для «активных» – углубленные тренировки;

- развитие коммуникативных форматов: совместных мероприятий, выездов;

- повышение квалификации учителей физкультуры в области клубной работы и мотивации.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflict of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Список литературы / References

1. Хурамшин И.Г., Хурамшина А.З. Институционализация школьного спорта в Татарстане: количественные показатели. *Вестник экономики, права и социологии*. 2025;(3):402–408. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-402-408.

Khuramshin I.G., Khuramshina A.Z. Institutionalization of school sports in Tatarstan: quantitative indicators. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2025;(3):402–408. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-402-408. (In Russ.)

2. Черкасов Г.Ф., Хизбуллина Р.Р. Роль спорта в системе социализации и здоровьесберегающего поведения молодежи: региональный аспект. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2024;24(1):57–61. DOI: 10.18500/1818-9601-2024-24-1-57-61.

Cherkasov G.F., Khizbullina R. The role of sports in the system of socialization and health-saving behavior of youth: regional aspect. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. 2024;24(1): 57–61. DOI: 10.18500/1818-9601-2024-24-1-24-31. (In Russ.)

3. Апапаева Е.Р. Организационно-управленческие аспекты школьного спорта. В сб.: *Актуальные проблемы теории и практики физической культуры, спорта и туризма*. Казань, 2019:113–114.

Apanaeva E.R. Organizational and managerial aspects of school sports. In: *Current problems of theory and practice of physical culture, sports and tourism*. Kazan, 2019:113–114. (In Russ.)

4. Выготский Л.С. Проблема культурного развития ребенка. *Педология*. 1928;(1):58–77.

- Vygotsky L.S. The problem of cultural development of the child. *Pedology*. 1928;(1):58–77. (In Russ.)
5. Леонтьев А.Н. *Избранные психологические произведения*: В 2 т. Т. 2. Москва: Педагогика; 1983. 318 с.
- Leontiev A.N. *Selected psychological works*: In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Pedagogika Publ.; 1983. 318 p. (In Russ.)
6. Двуреченская К.С. Актуальные проблемы развития школьного спортивного клуба и пути их решения. *Молодой ученый*. 2025;(41(592)):59–62.
- Dvurechenskaya K.S. Current problems of school sports club development and ways to solve them. *Young Scientist*. 2025;(41(592)):59–62. (In Russ.)
7. Нугаев М.А., Нугаев Р.М. Социально-экологические факторы в структуре качества жизни. *Социологические исследования*. 1998;(11):108–116.
- Nugaev M.A., Nugaev R.M. Socio-ecological factors in the structure of quality of life. *Sociological Studies*. 1998;(11):108–116. (In Russ.)
8. Хайруллина Ю.Р. *Социализация личности: теоретико-методологические подходы*. Казань: Казанский государственный энергетический университет; 2003. 355 с.
- Khairullina Yu.R. *Socialization of personality: theoretical and methodological approaches*. Kazan: Kazan State Power Engineering University Publ.; 2003. 355 p. (In Russ.)
9. Matsuo T. Fields for training athletes and creation of “habitus”: focusing on club activities at school and private sports clubs. *Japan Journal of Physical Education, Health and Sport Sciences*. 2001;(46(6)):569–586. DOI: 10.5432/jjpehss.KJ00003390656.
10. McDonald B., Burke M. Coaching pedagogy and athlete autonomy with Japanese university rowers. *Sport in Society*. 2019;(22(8)):1350–1368. DOI: 10.1080/17430437.2019.1621842.
11. Joung K., Jeon W., Kwon G. Relationship between perceived enjoyment, exercise commitment and behavioral intention among adolescents participating in “School Sport Club”. *Frontiers in Medicine*. 2023;(10). DOI: 10.3389/fmed.2023.1277494.
12. Sierra-Díaz M.J., et al. Can We Motivate Students to Practice Physical Activities and Sports Through Models-Based Practice? A Systematic Review and Meta-Analysis of Psychosocial Factors Related to Physical Education. *Frontiers in Psychology*. 2019; (10):2115. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.02115.
13. Peng W. et al. School-Based Team Sports as Catalysts for Holistic Student Wellness: A Narrative Review. *Behavioral Sciences*. 2024;14(7):528. DOI: 10.3390/bs14070528.
14. Боровкова А.Р. Школьные спортивные клубы: отношение школьников. В сб.: *Актуальные проблемы теории и практики физической культуры, спорта и туризма*. Казань, 2022:580–583.
- Borovkova A.R. School sports clubs: attitudes of schoolchildren. In: *Current problems of theory and practice of physical culture, sports and tourism*. Kazan, 2022:580–583. (In Russ.)
15. Зайцев Е.С. Социальный аспект школьных спортивных клубов: создание комьюнити. *Вестник науки*. 2025;(6(87)):802–814.
- Zaitsev E.S. Social aspect of school sports clubs: creating a community. *Science Bulletin*. 2025;(6(87)):802–814. (In Russ.)
16. Калачева А.С. Школьный спортивный клуб: мнение учителей физической культуры. В сб.: *Актуальные проблемы теории и практики физической культуры, спорта и туризма*. Казань, 2021:387–390.
- Kalacheva A.S. School sports club: opinion of physical education teachers. In: *Current problems of theory and practice of physical culture, sports and tourism*. Kazan, 2021:387–390. (In Russ.)
17. Мусин О.А., Бурханова И.Ю., Кутепов М.М. Роль дополнительного образования в формировании личности обучающихся (на примере школьного спортивного клуба). *Педагогика. Вопросы теории и практики*. 2025;10(12):2046–2052. DOI: 10.30853/ped20250244.
- Musin O.A., Burkhanova I.Yu., Kutepov M.M. The role of additional education in the formation of students' personality (on the example of a school sports club). *Pedagogy. Theory and Practice*.

2025;10(12). 2046–2052. DOI: 10.30853/ped20250244. (In Russ.)

18. Хурамшин Б.И. Причины отказа от самореализации в сфере спорта юных спортсменов: результаты социологического опроса. В сб.: *Человек и общество перед вызовами глобальных трансформаций*. Двадцать третьи Вавиловские чтения. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2020:164–167.

Khuramshin B.I. Reasons for refusal of self-realization in the field of sports among young athletes: results of a sociological survey. In: *Man and society facing the challenges of global transformations*. Twenty-third Vavilov readings. Yoshkar-Ola: Volga State University of Technology, 2020:164–167. (In Russ.)

19. Хурамшин Б.И. Сложнейшие кризисы спортивной карьеры. В сб.: *Актуальные проблемы теории и практики*

физической культуры, спорта и туризма. Казань: Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, 2024:261–263.

Khuramshin B.I. The most difficult crises of a sports career. In: *Current problems of theory and practice of physical culture, sports and tourism*. Kazan: Volga State University of Physical Culture, Sport and Tourism, 2024:261–263. (In Russ.)

20. Хурамшин И.Г., Хурамшина А.З. Спортивная карьера и образование. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*. 2024;(3(10(76))):29–38.

Khuramshin I.G., Khuramshina A.Z. Sports career and education. *Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*. 2024;(3(10(76))):29–38. (In Russ.)

Информация об авторах

Хурамшин Илнур Гумерович, кандидат биологических наук, доцент кафедры теории и методики физической культуры и спорта, Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма. SPIN-код 1604-4318, AuthorID 117526, e-mail: ilnurg73@mail.ru
Хурамшина Айгюль Зуфаровна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, директор Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан. ORCID ID 0000-0002-8384-0616, SPIN-код 4170-8961, AuthorID 468625, e-mail: aigulsuf@mail.ru

Information about the authors

Ilnur G. Khuramshin, Cand. Sci. (Biology), Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Physical Culture and Sports, Volga Region State University of Physical Culture, Sports and Tourism. SPIN-code 1604-4318, AuthorID 117526, e-mail: ilnurg73@mail.ru
Aigul Z. Khuramshina, Cand. Sci. (Sociology), Researcher, Director of the Family and Demography Center of Tatarstan Academy of Sciences. ORCID ID 0000-0002-8384-0616, SPIN-code 4170-8961, AuthorID 468625, e-mail: aigulsuf@mail.ru

Поступила в редакцию 11.03.2026
Принята после рецензирования 15.04.2026
Принята к публикации 25.05.2026

Received March 11, 2026
Revised April 15, 2026
Accepted May 25, 2026

УДК 281.9

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.2.57-67>

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Идейное содержание текста движения царебожников «Краткое исповедание грехов против царской власти»

Балантаев Е.Д.

Фазлеева Р.Р.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В представленной статье рассматривается история появления документа «Краткое исповедание грехов против царской власти», а также проводится анализ идейных основ псевдохристианского движения царебожия, которые затрагиваются в данном документе. Проблема изучения учения царебожия связана, с одной стороны, с тем, что данное религиозное учение о Царе Искупителе и Царе Грядущем имеет ряд отличительных черт, которые прямо противоречат православному учению, хотя его последователи считают себя истинно верующими, а с другой стороны, существует малое количество объективных исследований данного мировоззрения, что подтверждается научными дискуссиями по поводу значимых аспектов понимания данной идеологии в среде как православных, так и светских исследователей. Представляет интерес то, что движение царебожия актуально и имеет немало сторонников, причем оно известно не только в офлайн пространстве, но и в онлайн режиме, распространяя свои идеи в сети Интернет. В связи с этим, на наш взгляд, важно подробно изучить программный доктринальный документ движения царебожия, чтобы выяснить почему оно до сих пор имеет своих последователей и достаточно популярно в современном российском обществе. В данной статье исследуется каждый абзац документа и те аспекты, которые отличают содержание текста от учения Русской Православной Церкви. В заключении статьи приводятся общие итоги анализа документа и отмечаются его специфические черты, заостряющие внимание на возможных деталях и различиях учения царебожников и официальной православной традиции.

Ключевые слова: царебожие, «боговластие», догматика, «симфония властей», эсхатология, историософия, псевдохристианство, псевдоправославие

Для цитирования: Балантаев Е.Д., Фазлеева Р.Р. Идейное содержание текста движения царебожников «Краткое исповедание грехов против царской власти». *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2026;(2(73)):57–67.

The Ideological Content of the Tsarebozhniki Movement's Text "A Brief Confession of Sins Against Royal Authority"

Baltantaev E.D.

Fazleeva R.R.

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, 420008, Russia

Abstract. The article examines the history of the document titled «A Brief Confession of Sins Against the Tsarist Authority», as well as analyses the ideological foundations of the pseudo-Christian movement of tsarebozhiye, which are addressed in this document. The problem of studying the tsarebozhiye doctrine stems, on the one hand, from the fact that this religious teaching—concerning the Tsar the Redeemer and the Coming Tsar—possesses a number of distinctive features that directly contradict Orthodox doctrine, even though its adherents consider themselves to be truly faithful. On the other hand, there is a scarcity of objective research on this worldview, which is evidenced by scholarly debates over key aspects of understanding this ideology among both Orthodox and secular researchers. It is noteworthy that the tsarebozhiye movement remains relevant and has many followers. Moreover, it is known not only in offline spaces but also online, disseminating its ideas via the Internet. In this context, we believe it is important to thoroughly examine the movement's key doctrinal document in order to understand why it still attracts followers and remains quite popular in contemporary Russian society. This article scrutinises each paragraph of the document and the aspects that distinguish its content from the teachings of the Russian Orthodox Church. In conclusion, the article presents the general findings of the document's analysis and highlights its distinctive features, drawing attention to possible details and differences between the tsarebozhniki's teachings and the official Orthodox tradition.

Keywords: Tsarist God, «God's authority», dogmatics, «a symphony of authorities», eschatology, historiosophy, pseudo-Christianity, pseudo-Orthodoxy

For citation: Baltantaev E.D., Fazleeva R.R. The Ideological Content of the Tsarebozhniki Movement's Text "A Brief Confession of Sins Against Royal Authority". *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;2(73):57–67 (In Russ.)

Введение

Царебожие – это явление, которое появилось после распада СССР. Однако в его основе лежит почитание царя Николая II как «Царя-искупителя», появившееся в РПЦЗ (Русская Православная Церковь заграницей), с 20-х годов XX века. Интересно оно рядом своих исключительных отличий от других направлений или, как считают священники Русской Православной Церкви, ересей рядом отличительных черт: уникальной эсхатологией, кото-

рая является «реинкарнацией» культа деизированных правителей древнего мира со смешением иудейского учения о пришествии Мессии и христианства с национализмом и антисемитизмом, присущими царебожникам [1]; историсофией, которая связывает и интерпретирует Священное Писание (Библию) и историю России так, как это не принято, например, в академической и/или школьной программе. Исходя из данного мировоззренческого синкретизма, на наш взгляд, движение царе-

божников можно отнести к квазирелигиозным образованиям и даже считать «вымышленной религией» [2].

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что царебожие как учение и движение действует и по сегодняшний день. Его исповедуют отдельные священники и миряне как в канонической РПЦ, так и в маргинальных группах, как, например, в неканонической и малочисленной «Царской православной церкви», которая возникла в 2008 году и возглавлялась Вадимом Кузнецовым, документ которого был взят для подробного анализа в данной статье. Текст имеет в себе основы вероучения царебожников, и вкуче с литературой, которая уже существует по данному движению, мы покажем вам и расшифруем основы учения, протолковав каждый абзац детально. Внутри толкования и есть их догматика.

Самым, пожалуй, известным клириком, в своё время который исповедовал царебожнические взгляды, был митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычёв). Также такие взгляды разделяли Р. Сергиев, К. Душенов, Л. Болотин, схимонахиня Николая (Гроян), епископ Диомид (Дзюбан) (бывший епископ Анадырский и Чукотский Русской православной церкви, епископ Анадырский и Чукотский раскольнической (неканонической) Русской православной церкви – Святейшего Правительствующего Синода), епископ Феофил (Дзюбан) (бывший игумен Русской православной церкви, епископ Богородский раскольнической (неканонической) Русской православной церкви – Святейшего Правительствующего Синода), епископ Корнилий (Радченко) (бывший епископ Тверской раскольнической (неканонической) Русской православной церкви – Святейшего Правительствующего Синода), епископ Тверской автономной раскольнической (неканонической) церкви), Ж. Бичевская, иерей Роман Зе-

ленский и некоторые другие. На наш взгляд, такое разнообразие среди разделяющих царебожнические взгляды показывает универсальность и широту тех, кого может привлекать идеология движения царебожия. Существуют также сайты и телеграм-каналы, которые придерживаются царебожнических взглядов, признавая, что император Николай II был искупителем. Указанные факты показывают, что данное направление всё ещё живо и оно широко известно не только в офлайн пространстве, но и в онлайн режиме, распространяя свои идеи в сети Интернет.

Материалы и методы

Методология данного исследования исходит из применения нескольких подходов в силу анализа конкретного текста движения царебожников. Во-первых, мы опираемся на герменевтический подход, который помогает раскрывать смысл основных понятий и принципов идеологии царебожия, а также выявить историко-культурный контекст существования текста движения царебожников «Краткое исповедание грехов против царской власти» в рамках современного научного дискурса. Осуществляя герменевтику вышеуказанного документа, мы, несомненно, разделяем основные установки герменевтического метода, утверждающие, что: смысл текста не существует изолированно, так как он раскрывается через связь с историческим периодом, культурными традициями, биографией автора и предшествующими и последующими текстами движения царебожников.

Во-вторых, в процессе анализа программного текста царебожников, герменевтика текста становится неотъемлемой частью дискурс-анализа. Данный метод используется в работе как междисциплинарный инструмент, позволяющий нам понять, как через текст конструируются социальные нормы и идентичности идеологов

царебожия, и, что важно, критически анализировать современные умонастроения российского общества через призму речевых практик представителей царебожия.

Результаты

Исторический контекст нашего исследования сводится к следующим ключевым моментам. Почитание царя Николая II как царя-мученика началось в 20-х годах XX века, а в 1981 году РПЦЗ (Русская Православная Церковь заграницей) официально причислила его со всей расстрелянной семьей к лику святых в качестве мучеников, однако уже с 20-30-х годов встречались высказывания, что смерть царя была искупительной. Почему канонизация произошла только через 60 лет после насильственной смерти царской семьи? Были для этого две причины: 1) не было уверенности, что семья погибла на самом деле, так как останки все еще не были к тому моменту найдены; 2) РПЦЗ лишь к 60-м годам XX века смогла признать себя как единственную церковь, сохранившую благочестие и оставшуюся истинной, в отличие от РПЦ МП, начав канонизацию святых с Иоанна Кронштадтского и дойдя в 80-х годах и до семьи последнего императора Российской Империи [3].

С 90-х годов XX века характер почитания царя Николая II стал изменяться и перерос в такое направление как «учение о царе-искупителе» или «царебожие». Однако в рамках движения почитается не только последний император Российской империи, но и другие императоры до него (Екатерина II, Павел I и другие), а также цари (например, Иван Грозный, важная фигура в данном направлении) и даже такие личности, как Распутин и Сталин. Распутин почитается как «друг царской семьи», а Сталин, Иван IV и императоры, особенно в их консервативных началах, почитаются из-за того, что люди

не смогли адаптироваться к новой среде в динамичном мире, поэтому любые эсхатологические учения становятся популярными.

В данной статье производится анализ текста под названием «Краткое исповедание грехов против царской власти» [4], который является аналогом Никео-Цареградского символа веры для направления «царебожия», так как в нем кратко изложены догматы учения и самой веры. Анализ данного текста способствует пониманию основы вероучения и способ самоидентификации представителей царебожия.

Обсуждение

Данный текст в самой ранней редакции удалось найти в книге под названием «Государственный катехизис: православное учение о боговластии» 1998 года издания под авторством Кузнецова Вадима Петровича [4]. Он является одним из учредителей «Братства во имя Святого Благоверного Царя-Мученика Николая», которое уже по своему названию даёт понять, что данное «братство» относится к движению «царебожников». Данное же учреждение было создано в 1990 году. Своей основной задачей «братство» ставило «содействие почитанию и прославлению св. Царя-Мученика Николая и Его Семьи Русской Православной Церковью, высшей целью и долгом совести считая свидетельство истины». Стоит отметить, что официально канонизирован Николай II был только в 2000 году в лике страстотерпца, а не мученика. В 1992 году данное «братство» разделилось на «Братство Царя-Мученика» и «Опричнину» (I). К 2008 же году была создана «Царская православная церковь», которая является немногочисленной и неканоничной церковью, которая имеет небольшое количество приходов, свой сайт и некоторый штат епископов. Данный документ был создан в рамках «Братства Царя-Мученика».

Отношение к «царебожничеству» в исследовательском дискурсе неоднородное и неоднозначное. Сам термин, если рассматривать его с теологической стороны, не является нейтральным, так как он трактуется, судя по своему же названию, как «почитание царя как Бога», и если учитывать, что почитание «твари» – это признак «язычества» (со стороны христианства), то это, аналогично, рассматривается как «ересь» и «лжеучение». Но стоит отметить, синодального осуждения данный феномен ещё не получил. Нами данный термин используется исключительно в целях упрощения и сокращения текста, так как этот термин используется в исследовательских работах повсеместно [5].

Однако его используют как в отрицательном, так и в нейтральном ключе. Так, например, российский сектовед А.Л. Дворкин, игумен Игнатий (Душеин) и другие исследователи называют царебожие «ересью» и/или «сектой» [6]. В данном случае термин «секта» имеет строго негативное значение, как и «ересь», как нечто, что разрушает единую систему РПЦ МП и ведет ее к расколу. Такое отношение к термину можно назвать наследием Российской империи, где «секта» являлась синонимом религии, которую не признавало государство и ущемляло секты по степени их «вредоносности» для общества.

Другое отношение существует у религиоведов, которые изучают царебожие более непредвзято и объективно. Они относят их к маргинальному православию, к фундаменталистам, к праворадикалам внутри Церкви, к оккультистам [5]. Также мы считаем, что это учение нельзя причислить к теологумену, так как оно противоречит Преданию. Следуя из данных выводов, можно вывести то, что царебожие – это маргинальное направление, учение внутри Церкви среди фундаменталистов и праворадикалов, которое скла-

дывается вокруг культа царя Николая II, где он почитается как Бог и приравнен к Иисусу Христу.

Подчеркнем, что исследователи движения царебожия делятся на тех, кто оформляет догматику движения, и на церковных историков, которые занимаются уникальной для данного движения историософией и рассматривают ее под особенным углом, создавая «основной миф царебожия» – специфическую модель русской истории, созданной по «Историческому Откровению» (по А.И. Зыгмонту – в царебожии история имплицитно понимается как завершенное Божественное Откровение, которое разворачивается во времени согласно Воле Божьей и диктует специфическое вероучение) [5]. Данный термин можно вычленил после изучения работ одного из главных идеологов царебожия митрополита Иоанна (Снычёва).

Далее будет произведено краткое изложение основных доктрин царебожников через текст «Краткое исповедание грехов против царской власти». Это позволит показать на практике, какие они выводят догматы. Для этого придётся цитировать каждый абзац текста, чтобы наглядно в этом убедиться.

«Из поколения в поколение, со дня Соборного обета верности 1613 года, измена Царям из рода Романовых "росла и умножалась". Ко времени царствования Государя Николая Второго чаша Божьего долготерпения разнообразными грехами неверности народа наполнилась до краев. 2 марта 1917 года Господь "взял от среды (христиан) Удерживающего" (2 Фес. 2, 7), т.е. Православного Самодержца вместе с благодатью Соборности, подаваемой народу через его главу... Во исполнение воли Божией, "Христу в уподобление", святой Царь Николай Второй своей добровольной смертью искупил Соборный грех народа, чтобы открыть ему возможность Соборного покаяния».

В парадигме царебожия существует система «прообраз – образ», о которой иносказательно говорится в первом абзаце, в ходе которой события повторяются каждый раз, словно в петле [7]. В данном случае обет, или «Соборная клятва» (такой термин есть в царебожии) является иконой (образом) клятвы Богу первых людей. 1613 год для монархистов, прихрамовой среды и царебожников является важнейшим, наравне с датой смерти Николая Второго и принятием титула царя Ивана Четвёртого. «Спиралевидность» истории виднеется и в том, что через заключение этого завета 1613 года Россия стала иконой человечества.

Далее по тексту: «...измена Царям из рода Романовых "росла и умножалась". Ко времени царствования Государя Николая Второго чаша Божьего долготерпения разнообразными грехами неверности народа наполнилась до краев». Данные слова говорят о том, что в течение долгого времени люди грешили. Но идёт специально выделение, что грешили именно против власти. В данные грехи входят различные восстания и неповиновения. И позже выделяется крайняя точка данного греха: «2 марта 1917 года Господь "взял от среды (христиан) Удерживающего " (2 Фес. 2, 7), т.е. Православного Самодержца вместе с благодатью Соборности, подаваемой народу через его главу». Для убедительности приводится строка из Нового Завета, однако переиначивается её смысл. «Удерживающим», по мнению, например, Василия Великого (избранный отец Церкви, епископ Кесарии Каппадокийской, один из трех Вселенских святителей, автор догматических и нравственных сочинений, а также последования Божественной литургии), является Иисус Христос, который считается будущим Царём Небесным, главой Царствия Небесного, и он как раз будет «удерживать» от антихриста (II). Удерживающая роль Николая Второго, являющегося «иконой» Христа

(не эманацией), которая спасла человечество, а в случае царя – Россию.

В учении царебожия «Соборность» — это показатель, что все люди являются участниками тех или иных событий и данные слова касаются каждого православного человека. Нет какого-либо разделения на людей, которые грешили или не грешили, так как в парадигме царебожия все находится в «Соборной смерти» – в отречении благодати, подобно всему человечеству до искупительной смерти Христа.

Далее по тексту: «Началом же Соборного покаяния народа явится Соборное прославление святого Царя Николая за его искупительный подвиг; плодом же Соборного покаяния – возвращение на престол Богоизбранного Самодержца вместе с благодатью Святого Духа, воскрешающей народ к Соборным добродетелям». В данном абзаце говорится о том, что покаяние должно быть Соборным, то есть всеобщим, и все без исключения должны начать прославлять «искупительный подвиг» Николая II.

Далее после этого вступления идёт основной текст исповедания:

«Согрешил неверием словам Священного Писания о происхождении от Бога царской власти, ее необходимости и благотворности» – в данном предложении, которое стоит в самом начале исповеди, делается вновь упор, что вся власть от Бога. Об этом говорится в Рим. 13:1: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (III). Но в данном отрывке, который часто цитируют для подтверждения утверждения об источнике власти, не говорится напрямую о том, что власть может быть только монархической. Данная черта также отличает царебожников от православных или христиан в целом, которые считают, что любая власть, не только монархическая, является властью от Бога.

«Согрешил неверием Священному Писанию, говорящему о том, что Бог поручил царям быть кормчими церковного корабля (Ис. 49, 23), то есть руководителями земной Православной Церкви. Согрешил тем, что вопреки словам апостола о Браке "муж есть глава жены" (Еф. 5, 23), отрицал, что Боговенчанный царь является главой земной Православной Церкви, чем хулил церковное Таинство Брака царя с народом Божиим». В данном отрывке приводятся примеры стихов из Ветхого и Нового Завета с трактовками, которые указывают на богоизбранность царя и его главенство в церкви. Также стоит отметить принцип трактовки: в первом случае, со стихом из Исаии, идёт прямая интерпретация стиха, чтобы показать главенство царской власти в церкви. Однако, например, по «Толковой Библии А. П. Лопухина», в данном стихе передаётся «прежде всего, символ того высшего почета, которым пользоваться будут новообращенные чада новозаветной церкви» (IV).

Далее в отрывке пишется о 104 правиле Карфагенского собора (V), в котором предписывается обращаться за помощью к правителям, если церковь притесняют. В целом данный отрывок передаёт суть данного правила в кратком виде, не вдаваясь в подробности.

«Согрешил неверием догмату Православной Церкви о том, что Бог изливает на Своих царей особую благодать Святого Духа, помазует их на царство, соделывает их Христами Господними, подобными Христу Господу, каковое неверие подводит меня под церковное проклятие (см. 11-ю анафему в неделю Торжества Православия)». Тут же делается отсылка на анафему из Чина Торжества Православия (VI), которая, по своей сути, передаёт ту же логику, что и дана здесь. Однако стоит отметить, что в оригинальном тексте анафемы не говорится о подобии Иисусу Христу, а только о Божьем благоволении и благодати Святого Духа. Такое приближе-

ние и уподобление царя к Христу вновь повышает статус государя над остальными людьми.

«Согрешил пренебрежением к наставлениям святых Православной Церкви, которые учат, что "верным служением царю земному, мы верно служим Царю Небесному", "что Бог положит на сердце Государю – тому и надобно повиноваться"». В данном отрывке приведены цитаты таких авторитетных представителей православия как: Филарет Дроздов, Иоанн Кронштадтский и Анатолий Оптинский. Существуют изречения, которые близки по духу и смыслу тексту царебожников. Например, Митрополит Филарет Дроздов говорил: «Народ, чтущий царя, благоугождает чрез сие Богу, потому что царь есть устроение Божие» (VII). Однако подлинность остальных цитат, что были показаны выше, вызывает вопросы. Все они говорят о богоустановленности монархии и власти, что не противоречит в полной мере православной догматике.

«Согрешил незнанием одного из важнейших Богоустановлений – закона первородства (Пс. 131, 11), по которому царская власть наследуется по рождению в пределах царствующего рода...». В данном отрывке говорится, что законодательство о царской власти идет еще от царя Саула, который поклялся посадить на престол своего сына и создать тем самым династию. И этот отрывок из Псалтыри углубляет обоснование царской власти, так как, по системе «прообраз – образ», Саул соотносится с Михаилом Фёдоровичем Романовым. И тот, и другой создали династию, но не являются прямыми потомками тех, кто совершил, согласно Библии, Первый Завет с Богом, а лишь косвенными (Саул – косвенный потомок Моисея, а Михаил Фёдорович – Ивана Грозного (образ Моисея).

«Согрешил незнанием того, что, согласно соборным постановлениям (например, Московского собора 1666–

1667 гг.), царские изменники лишаются христианского звания, так как слово "Христианин" означает не только последователя Христа Господа, но и верно-подданного Христа Господня – Помазанника Божия». Данный отрывок говорит о постановлениях Московского собора 1666–1667 годов, когда были повторно осуждены и признаны еретиками старообрядцы. По логике царебожников, еретики оскорбляют церковь и её учение, а главой церкви является тот, кого помазал Бог, пока Иисус Христос не пришёл во второй раз, то есть царь. Однако стоит заметить, что в 1971 году на Поместном соборе Русской Православной Церкви все анафемы данного собора уже были отменены.

«Согрешил отвержением православно-монархического мировоззрения, при котором исповедуется нераздельность, единство народа, а, напротив, приверженностью к партийно-сектантской идеологии, ведущей к расчленению, внутреннему противоборству, ведущему к самоуничтожению народного организма». В этом отрывке констатируется, что православное мировоззрение неотделимо от монархии, а система, где существуют партии (авторитарные, тоталитарные или демократические системы) не подходит православным по природе и считаются чем-то крайне отрицательным, так как в общественном и научно-академическом дискурсе слово «секта» имеет отрицательные черты [6, 8].

«Согрешил неисповеданием учения Православной Церкви об ответственности Помазанников Божьих только лишь "пред Единым Небесным Царем". Верил клевете на Помазанников Божьих...». Данный отрывок утверждает тот факт, что цари и монархи не должны нести ответственность ни перед кем, кроме как перед Богом. Слова про «клевету» связаны со слухами, которые циркулировали в российском обществе во время царствования Николая II, начиная от слухов, что жена императора – агент

Германии, до того, что императором манипулировал Распутин. В глазах царебожников это считается клеветой, приравняваемой к греху, так как семья императора – святая, и тот же Распутин – святой.

«Согрешил признанием законности власти самозванцев, т.е. не принадлежащих к царствующему Роду Романовых, утвержденному навеки Собором 1613 года...». В данном отрывке говорится, что греховным и неправильным является сама система власти на данный момент, а именно, что любая не монархическая власть. И для возвращения власти правильной, то есть, абсолютной царской, нужно молиться, так как по мнению царебожников, это приблизит возвращение богоустановленной монархии.

Вернемся к тексту: *«Согрешил тем, что, поддавшись сатанинской пропаганде, допустил в душу нравственную порчу: враждебно относился к государственному гимну "Боже, Царя храни", отрицал взаимосвязь судьбы царя с судьбой народа, употреблял презрительные прозвища применительно к царям и их верным слугам. Сам читал и давал читать другим ложь против царей, не имел горячей любви к Помазанникам Божиим».* Предпоследний абзац перечисляет ещё грехи, которые совершали люди во время правления Романовых, а также называет всех, кто был против царя – сатанистами, так как против царя, по мнению царебожников, выступали предатели, еретики, «жиды» (антисемитизм в рядах царебожия – это одна из центральных частей учения) и прочие враги монархии, а значит – и всей России.

По нашему мнению, данное учение до сих пор живо, и пользуется до сих пор некоторой популярностью, из-за ряда факторов:

Идеализация прошлого, а точнее – периода Российской Империи и СССР. Это связано и с личностями, такими как Сталин и Николай II (VIII). В их пе-

риод государство переживало рост экономики и технический прогресс. Также это связано с ностальгией, которая циркулирует в российском обществе, и нарастает со временем [9]. Царебожие же возводит это в абсолют и дарит людям надежду на то, что похожие, даже лучшие времена, наступят, если они будут верить в скорый приход «Царя-Искупителя».

Данное направление, помимо того, что даёт надежду на лучшее, также и отвечает на простые вопросы жизни и разделяет мир на добро и зло, в котором первое – это Богом данная власть царей, а второе – внешние враги России (жидомасоны и прочие недоброжелатели) и внутренние (предатели, которые фигурируют в сочинениях Иоанна (Снычёва). Это, в свою очередь, схоже с нынешней политической ситуацией, в которой идёт противостояние как с внешними врагами, так и с внутренними, против власти Российской Федерации. Такое стечение обстоятельств даёт стимул для консервативных и националистических идей, имеющиеся в царебожии.

Заключение

Данный документ является введением в то, во что верят царебожники и затрагивает основы их мировоззрения, а именно: вера в Богоизбранность царской власти, её непогрешимость, её значимость для России; основания того, почему абсолютная монархия является единственным путём для России; отношение к некоторым догматам церкви (например, к искуплению) и обозначает основы царебожия (на-

пример, Соборность, то есть всеобщность, грехов русского народа) и некоторые другие основоположения.

Хочется отметить, что данный документ можно отнести к «катехизическим», так как он вводит человека в основу вероучения царебожия, поясняя на относительно простом языке нормы веры и догматику, не вдаваясь в подробности. В тексте разъясняется точка зрения царебожников на некоторые исторические события (например, приход к власти Романовых и свержение самодержавия). Также в этом документе раскрывается принципиальное различие догматических основ официального православия и царебожников (например, рассмотрение догмата о власти, в котором царебожники видят только самодержавие, а не любую власть, от Бога). Этот документ сподвигает к действиям, которые должны вернуть царскую власть на престол (см. предпоследний абзац исповедания).

В конечном итоге как сам документ, так и движения царебожия в целом, вызывают споры между верующими, которые пытаются по итогам ознакомления с текстом «Краткого исповедания...» обосновать свою точку зрения с помощью различных текстов. Это можно увидеть, например, на форумах, где в начале десятых годов люди спорили о том, что является правильным в православии, так как обе эти группы считают себя истинно верующими. Последний факт представляет несомненный интерес в процессе дальнейших научных исследований в данной области.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Источники

I – Русская цивилизация. *Исторический центр*. URL: http://www.historycenter.ru/info/russkaya_tsivilizatsiya/431891.html (дата обращения: 19.10.2025).

II – Библия. Новый Завет. 2-е послание к фессалоникийцам 2:7. *Азбука веры*. URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?2Thes.2:7&r> (дата обращения: 19.10.2025).

III – Библия. *Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета*. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2022. 1376 с.

IV – Библия. Ветхий Завет. Книга пророка Исаии 49:23. *Азбука веры*. URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?Is.49:23&r> (дата обращения: 19.10.2025).

V – Карфагенский Собор 393–419 гг. *Азбука Веры*. URL: <https://azbyka.ru/pravo/karfagenskij-sobor-393-419-gg/> (дата обращения: 19.10.2025).

VI – Текст анафемы из чина Торжества Православия. *Православие в Молдове (Pravoslavie.md)*. URL: <https://pravoslavie.md/tekst-anafemy-iz-chinatorzhestva-pravoslaviya/> (дата обращения: 19.10.2025).

VII – Филарет (Московский). Христианское учение о царской власти и об обязанностях верноподданных. *Азбука веры*. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Moskovskij/hristianskoe-uchenie-o-tsarskoj-vlasti-i-ob-objazannostjah-vernopoddannyh/2 (дата обращения: 19.10.2025).

VIII – Гражданская война в России: сто лет спустя. *ВЦИОМ*. 26 июня 2018 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/grazhdanskaya-vojna-v-rossii-sto-let-spustya-> (дата обращения: 19.10.2025)

Список литературы / References

1. Бобков А.И. Русский национализм как идеология преодоления террористического квазиидеологизма. *Гуманитарные и социальные науки*. 2022;(6(95)):2–8. DOI 10.18522/2070-1403-2022-95-6-2-8.

Bobkov A.I. Russian Nationalism as an Ideology for Overcoming Terrorist Quasi-Ideologism. *Humanities and Social Sciences*. 2022;(6(95)):2–8. DOI 10.18522/2070-1403-2022-95-6-2-8. (In Russ.)

2. Зубковская А.А. О понятии «вымышленная религия». *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Философия»*. 2023;(4(5)):5–10. DOI 10.17673/vsgtu-phil.2023.4.1.

Zubkovskaya, A. A. On the Concept of “Fictional Religion”. *Bulletin of Samara State Technical University. Series “Philosophy”*. 2023;(4(5)):5–10. DOI 10.17673/vsgtu-phil.2023.4.1. (In Russ.)

3. Кострюков А.А. К вопросу о подготовке канонизации царской семьи в Русской Зарубежной Церкви. *Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви*. 2013;(3(52)):42–51.

Kostryukov A.A. On the Question of Preparing the Canonization of the Royal

Family in the Russian Orthodox Church Outside of Russia. *St. Tikhon’s University Review. Series II: History. History of the Russian Orthodox Church*. 2013;(3(52)):42–51. (In Russ.)

4. Кузнецов В.П. *Государственный катехизис: православное учение о боговластии*. М.: Жизнь вечная, 1998. 40 с.

Kuznetsov V.P. *State Catechism: Orthodox Teaching on Theocracy*. Moscow: Zhizn’ Vechnaya, 1998. 40 p. (In Russ.)

5. Зыгмонт А.И. О феномене «Царебожия» в современной религиозной культуре России. *Вестник РГТУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2012;(11(91)):138–145.

Zygmont A.I. On the Phenomenon of “Tsarebozhiye” in the Contemporary Religious Culture of Russia. *RSUH Bulletin. Series “Philosophy. Sociology. Art History”*. 2012;(11(91)):138–145. (In Russ.)

6. *Вестник Синодального центра сектоведения / Синодальный центр сектоведения им. преподобного Иосифа Волоцкого Белорусской Православной Церкви*. 2023;(8(1(40))):51.

Bulletin of the Synodal Center for Sect Studies / Synodal Center for Sect Studies named after St. Joseph of Volotsk of the Belarusian Orthodox Church. 2023;(8(1(40))):51. (In Russ.)

7. Никольский Е.В. Эсхатологические и историософские представления сектантов-царьбожников. *Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии.* 2020;(9):154–182.

Nikolsky E.V. Eschatological and Historiosophical Concepts of the Tsarebozhniki Sectarians. *Religion. Church. Society. Research and Publications on Theology and Religion.* 2020;(9):154–182. (In Russ.)

8. Miotto N., Droogan J. "Stand Against the Wiles of the Devil": Interpreting QAnon as a Pseudo-Christian Extremist Movement. *Critical Sociology.* 2024;(3(50)):425–440. DOI 10.1177/08969205241228744.

9. Целыковский А.А. Ностальгия по СССР: образы советской эпохи в медийной и политической практике современной России. *Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика.* 2023;(1(23)):35–39.

Tselykovsky A.A. Nostalgia for the USSR: Images of the Soviet Era in the Media and Political Practice of Modern Russia. *Proceedings of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy.* 2023;(1(23)):35–39. (In Russ.)

Информация об авторах

Балантаев Егор Денисович, бакалавр 2 курса (направления христианской теологии) отделения философии и религиоведения Института социально-филологических наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, e-mail: balantaev2006@mail.ru

Фазлеева Регина Ринатовна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры религиоведения Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Author ID 505626, ORCID 0000-0003-1402-8779; e-mail pagua@yandex.ru

Information about the authors

Egor D. Balantaev, 2nd-year Bachelor's student (majoring in Christian Theology) at the Department of Philosophy and Religious Studies, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University, e-mail: balantaev2006@mail.ru

Regina R. Fazleeva, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Religious Studies, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University. Author ID 505626, ORCID 0000-0003-1402-8779; e-mail: pagua@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.12.2025

Принята после рецензирования 14.04.2026

Принята к публикации 15.05.2026

Received December 12, 2025

Revised April 14, 2026

Accepted May 15, 2026

УДК 1(091)

[https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.2.68–75](https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.2.68-75)

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Учение о бессмертии души в системе «трансцендентального монизма» В.Д. Кудрявцева-Платонова

Дьяконова Т.И.

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом историков философии к идейному наследию русской духовно-академической науки, в котором особое внимание современных исследователей привлекает московская школа философского теизма. Цель настоящей работы – выявление специфики аргументации в пользу духовности и бессмертия человеческой души, разработанной в данном центре православной мысли. В исследовании применяются метод историко-философской реконструкции, а также философско-логический метод, позволяющий раскрыть процесс формирования в православной академической среде традиции умозрительного постижения природы человека. Анализируется учение о душе профессора Московской духовной академии В.Д. Кудрявцева-Платонова, его попытки построения рационалистической концепции и теистическое содержание метафизической психологии. Представлены концептуальные модели обоснования духовности и бессмертия души в религиозной философии Кудрявцева-Платонова: онтологическая, психологическая и нравственно-антропологическая. Раскрыта специфика учения о бессмертии (иммортологии) православного мыслителя: философ использует рациональные способы доказательства бессмертия души, опираясь на выявление соответствия между субъективными законами мышления и объективными законами бытия. Научная новизна статьи заключается в реконструкции моделей доказательства бессмертия души в системе «трансцендентального монизма» В.Д. Кудрявцева-Платонова, а также в выявлении онтологических и гносеологических оснований возможности бессмертия человеческого «я».

Ключевые слова: религиозная философия, метафизика, теистический рационализм, духовность и бессмертие души, онтологический аргумент, психологическое доказательство

Благодарности: Автор статьи выражает благодарность декану Философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Алексею Павловичу Козыреву за ценные советы в ходе подготовки статьи.

Для цитирования: Дьяконова Т.И. Учение о бессмертии души в системе «трансцендентального монизма» В.Д. Кудрявцева-Платонова. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2026; (2(73)):68–75.

The Doctrine of the Immortality of the Soul in the System of "Transcendental Monism" by V. D. Kudryavtsev-Platonov

Dyakonova T.I.

*Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
119991, Leninskie Gory, 1, Moscow, Russian Federation*

Abstract. The relevance of this research stems from the growing interest among historians of philosophy in the intellectual legacy of Russian spiritual-academic science. Particular attention from contemporary humanities scholars has been directed to the Moscow philosophical-theistic school. This article aims to identify the specific arguments formulated within this center of Orthodox thought in favor of the spirituality and immortality of the human soul. The study employs the method of historical-philosophical reconstruction, as well as a philosophical-logical method, which serves to reveal the essence of how a tradition of speculative anthropology developed within the Orthodox academic environment. Specifically, the article examines the doctrine of the soul as articulated by Professor V.D. Kudryavtsev-Platonov of the Moscow Theological Academy, within the context of his attempts to formulate a logical-rationalistic concept of metaphysical psychology. The theistic content of his metaphysical psychology is defined. The article presents conceptual models for proving the spirituality and immortality of the soul in Kudryavtsev-Platonov's religious philosophy—namely, the ontological, psychological, and moral-anthropological models. It indicates the specificity of the Orthodox thinker's immortology, which is linked to his intention to apply rational methods for substantiating the immortality of the human soul based on demonstrating the correspondence between subjective laws of thought and the objective laws of being. The novelty of this article lies in its reconstruction of the models for proving the soul's immortality within Kudryavtsev-Platonov's system of "transcendental monism," and in its identification of the ontological and epistemological foundations that make the immortality of the human "self" possible.

Keywords: religious philosophy, metaphysics, theistic rationalism, spirituality and immortality of the soul, ontological argument, psychological proof

Acknowledgments: The author expresses gratitude to Alexey Pavlovich Kozyrev, Dean of the Faculty of Philosophy at Lomonosov Moscow State University, for his valuable advice during the preparation of the article.

For citation: Dyakonova T.I. The Doctrine of the Immortality of the Soul in the System of "Transcendental Monism" by V.D. Kudryavtsev-Platonov. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026; (2(73)):68–75 (In Russ.)

Введение

Современные исследования по истории русской религиозной философии неизменно предполагают анализ философского наследия высших православных духовных школ. В этой связи следует отметить труды А.И. Абрамова [1], А.П. Козырева [2], С.В. Корнилова [3], В.И. Коцюбы [4; 5], С.А. Нижникова и И.В.Гребешева [6], С.В. Пишуна [7; 8],

И.В. Цвык [10; 11]. Особую значимость представляет изучение вклада в отечественную интеллектуальную культуру представителей Московской духовно-академической школы.

Основная особенность философских построений московских теистов заключается в стремлении сочетать рациональную аргументацию в пользу истин православного вероучения с об-

ращением к духовному опыту. Стержневой идеей философов Московской духовной академии выступает реализация модели «теистического рационализма», охватывающей метафизику, онтологию, гносеологию, этику и умозрительную психологию.

Цель статьи – реконструкция концепции обоснования бессмертия души в религиозной философии Виктора Дмитриевича Кудрявцева-Платонова. На протяжении нескольких десятилетий он во многом определял содержание концептуальных поисков русской православной философии, стремившейся дать ответы на вызовы современного ему естествознания, а также актуальных философских течений того времени – позитивизма, неолейбницянства, неокантианства и других.

Методология и методы исследования

В работе использован метод историко-философской реконструкции, основанный на анализе трудов по истории духовно-академической философии, включая работы представителя московской школы православного академического теизма В.Д. Кудрявцева-Платонова. Для анализа концепции бессмертия души в системе «трансцендентального монизма» применён сравнительно-исторический метод, что позволило определить место данной концепции в традиции православной академической философии.

Результаты исследования

В.Д. Кудрявцев-Платонов характеризовал свою философскую позицию как последовательно теистическую (IV, с. 208–209). Он критиковал, по его мнению, «ложные» философские теории (материализм, эволюционизм, дуализм и пантеизм), которые исходили из идеи самообразования и саморазвития мира. Согласно его воззрениям, существует лишь трансцендентная при-

чина образования мира, и необходимо допустить творение мира Богом из ничего – только так можно приблизиться к пониманию тайны бытия.

Особый интерес представляет взгляд Кудрявцева-Платонова на проблему бессмертия души. Как отмечает И.В. Цвык, к середине XIX века в русской православной философии сложились два направления в области метафизической психологии – логико-рационалистическое и этико-антропологическое [11, с. 4]. Московская духовно-академическая философская школа, начиная со второй четверти XIX века, в лице своего основателя Ф.А. Голубинского преимущественно ориентировалась на логико-рационалистический путь обоснования духовности и бессмертия души. Это направление имело сторонников в европейской религиозной философии – от эпохи схоластики до представителей постгегелевского теизма XIX века. В.Д. Кудрявцев-Платонов воспринимал новые идеи, касающиеся доказательства бессмертия человеческой души, которые появлялись в современной ему европейской идеалистической мысли: в трудах немецких теистов Г. Ульрици, Г. Лотце, А. Тренделенбурга, Г. Тейхмюллера, а также представителей французского спиритуализма – Мен де Бирана, П. Жана, Ф. Равессона и других.

Кудрявцев-Платонов признавал возможность рационального доказательства духовности и бессмертия человеческой души, исходя из соответствия субъективных законов мышления реальным законам бытия как очевидного факта опыта. Данное соответствие он связывал с существованием Божества – исходной причины мирового бытия и онтологической основы бессмертия души. Признание реального существования Бога гарантирует достоверность доказательства духовного бытия и бессмертия души.

Эти истины имеют, по мысли философа, также гносеологические основания: они являются не только субъективными порождениями мышления познающего субъекта, но и реальными феноменами человеческого бытия. Рациональному доказательству бессмертия души соответствует объективная истина. Возможность доказательства обусловлена тем, что категории рационального познания выступают одновременно как априорные законы человеческого духа (предшествующие опыту) и как апостериорные законы действительности (открываемые в опыте). Следовательно, они суть не просто «знание из опыта», но объективные законы реальности, существующие вне ума и познаваемые через опыт. Данный элемент системы «трансцендентального монизма» представляет собой не только связующие звенья мышления и бытия, но и реальные определения того и другого (III, с. 167–168).

Кудрявцев-Платонов отмечает многообразие подходов к обоснованию истины духовности и бессмертия души. Он указывает на самодостоверность вывода о бессмертии человеческого «я», служащего выражением общечеловеческой разумной природы. В рамках этой концепции истинным признаётся то, что соответствует данному выводу, ложным – то, что ему противоречит (II, с. 59–60). Философ исходит из доверия к познающему субъекту, признавая абсолютность и императивную ценность его бытия. Вопрос о бессмертии «я» он связывает с нравственной проблематикой и с базовым положением православной антропологии о сотворении человека «по образу и подобию Божию».

Как отмечает С.В. Пишун, «в понимании Кудрявцева-Платонова проблема бессмертия человеческой души имеет концептуальное “предполье”, связанное с обоснованием “богоизбранности” человека, присутствия в нас идеи Совершенного Существа, руководству-

ясь которой, человек устремляется в бессмертие через нравственное делание... Он находит выход к проблеме бессмертия души, опираясь конкретно на довод о необходимости бесконечного самосовершенствования, т.е. ориентируясь на проблему святости как последней цели свободной деятельности человека» [8, с. 219–220].

Определив границы рационального обоснования бессмертия человеческого «я», Кудрявцев-Платонов в труде «Бессмертие души» формулирует аргументацию в пользу вечного существования души, предлагая собственную версию «онтологического аргумента». Специфика данного доказательства состоит в априорном характере истины бессмертия души – её наличию до предъявления рациональных аргументов. Убеждение в бессмертии души, как отмечает философ, было свойственно уже первобытным народам и служило основой их религиозных верований. Данная истина является «не случайной выдумкой, но идеей, коренящейся в самой природе нашего духа» [10, с. 155]. Кудрявцев-Платонов придаёт ей всеобщий характер, утверждая, что идея бессмертия души составляет неотъемлемую и существенную часть человеческого сознания.

Философ последовательно критикует аргументы против бессмертия души, считая их либо логически несостоятельными (V, с. 142–159), либо неверно истолкованными: по его мнению, они по большей части лишь подтверждают истину вечного существования человеческого «я» (V, с. 162–164). Особое внимание уделяется критике модели бессмертия души, предложенной И. Кантом, который рассматривал бессмертие лишь как требование теоретического знания. Кудрявцев-Платонов замечает: «идея бессмертия души не может быть нравственным только постулатом» (V, с. 140).

Данное доказательство восходит к онтологическому обоснованию бы-

тия Бога, разработанному Ансельмом Кентерберийским, Декартом и Лейбницем. У этой аргументации имелись влиятельные оппоненты, считавшие, что она нарушает требования разума. Сам Кудрявцев-Платонов понимал спорность «онтологического аргумента» в пользу бессмертия души и признавал его косвенный характер, заявляя о необходимости разработки новых моделей доказательства. Он считал чрезвычайно значимым развитие метафизической (умозрительной) психологии. Как отмечает С.В. Пишун, философ предлагал «метафизический анализ существования души в самых общих формах бытия, т.е. в пространстве и времени, а также умозрительное рассмотрение души в отношении к всеобщему способу существования бытия, т.е. к движению» [7, с. 227].

Вслед за онтологическим аргументом Кудрявцев-Платонов предлагает психологическое доказательство бессмертия души, исходящее из противопоставления души телесной природе человека. Очевидная реальность психических феноменов и их несомненная противоположность всем разновидностям материального мира служили для него фактическим основанием признания субстанциального психического начала (III, с. 118–128). Высшее проявление этого начала явлено в человеке, целостная природа которого, по мысли философа, состоит из души и тела (VI, с. 107–108). Душа и тело противоположны друг другу и представляют собой две различные сущности. Психические явления, с точки зрения Кудрявцева-Платонова, отличаются от физических и физиологических. Вместе с тем для него несомненно единство человеческого сознания. Данный факт опровергает материализм, поскольку указывает на нематериальную, неделимую природу сознания, невыводимую из телесных процессов, и тем самым подтверждает самостоятельность и духовность души (VI, с. 111–114, 124–126; 10, с. 177).

В представлении московского профессора, душа есть самостоятельное духовное начало, находящееся в тесном гармоническом единстве с телом (II, с. 122). При субстанциальном различии души и тела последнее ставится в подчинённое положение по отношению к духу. Позиция Кудрявцева-Платонова может быть обозначена как «спиритуалистический дуализм», согласно которому тело есть орудие духа. В земной жизни человека душа и тело, при их взаимной зависимости, соотносятся так, что подлинным деятелем и носителем психической жизни является «откровенное, незримое эмпирически начало, которое можно называть душой человека» (I, с. 151). Хотя психические явления проявляются при помощи организма и без него невозможны, активная причина их возникновения – душа. Она включает в себе источник развития и возможность психической жизни. Эта жизнь и её проявления суть не порождение организма; их вызывает независимое от организма начало – самостоятельное человеческое «я» (V, с. 181; 7, с. 123). Данное психическое начало есть сознательный и свободный дух человека (VI, с. 114–116).

Кудрявцев-Платонов указывает на «совместное» единство способностей человеческого духа: «Мысль, чувство, желание, представление и пр. взаимно проникаются и существуют совместно в одном и том же акте душевной жизни» (V, с. 174). В отличие от духа, тело разделяется на составные части, каждая из которых имеет собственное положение в пространстве. Тело как материальный объект подвержено изменениям, тогда как духовная природа души отличается постоянством: «Наша личность сохраняется тождественной и неизменной среди самых разнообразных изменений тела, среди прилива и отлива самых разнородных впечатлений» (V, с. 174–175). Отдельные проявления человеческой психики изменчивы, но это, по мысли филосо-

фа, не влияет на неизменную природу духовного мира личности. Ничто из приобретаемого духовной стороной души не исчезает бесследно; изменения отдельных сторон психической жизни означают их преобразование, а не исчезновение. Эти «жизненные движения» актуализируют человеческую сущность и сопровождают духовную сферу существования.

В.Д. Кудрявцев-Платонов выделяет следующие нематериальные качества души: несложность (простоту), единство, неизменность субстанциональной природы, немеханистичность присущих ей движений. Указанные характеристики на низшей ступени проявляются в «жизни», а на высшей – в свободе личности (V, с. 177). Эти качества противопоставляются «мертвенной» и неподвижной материи: целостность духа противостоит телесной множественности. Философ отрицательно относится к попыткам обозначить душу как совокупность «духовных атомов». Вместе с тем он писал о душе как об «атоме» только в метафизическом аспекте, понимая её как «совершенно простой атом» (V, с. 183). Кудрявцев-Платонов был убеждён, что телесный мир не может кардинально влиять на качественные характеристики души.

По мысли философа, душе свойственна абсолютная простота, которая служит фундаментом для проявления её индивидуальности с последующим развитием личностных черт. Переход от простоты души к индивидуальности связан со способностью души к свободному самостоятельному действию (самодетельности), что снимает ограничения с её возможностей. Из этого вытекает ещё одно доказательство бессмертия души, которое можно назвать нравственно-антропологическим. Кудрявцев-Платонов выводит бессмертие души из идеи её непрерывного самосовершенствования. Преодоление ограниченности человеческого су-

ществования он связывает с целесообразной сущностью душевной жизни: «царство духа выше природы органической. В душе все данные природой её свойства и способности должны быть даны для каких-либо разумных целей и эти цели необходимо должны быть достигаемы» (V, с. 212). Как поясняет С.В. Корнилов, «отрицание бессмертия души привело бы к отрицанию цели человеческого бытия» [3].

Заключение

Таким образом, В.Д. Кудрявцев-Платонов приходит к выводу, что душа человека есть лично бессмертное существо. Идея о возможности продолжения существования духа после разрушения тела имеет самостоятельный источник в самосознании человека – в свойственной человеческому духу идее бессмертия (V, с. 165). Данная идея принадлежит человеческому уму, будучи неотъемлемым достоянием разума (V, с. 151–152, 166–167). В интерпретации русского теиста понятие бессмертия является коренным, априорным достоянием человеческого духа, возникающим в душе уже в силу осознания ею своего действительного свойства. В этом смысле, как пишет Кудрявцев-Платонов, само наличие в нас идеи бессмертия служит доказательством её объективной истины, то есть бессмертия души (V, с. 166–167, 170).

Вместе с тем философ полностью отказывается полагаться на собственно философские доказательства бессмертия души. По его мнению, такие доказательства имеют лишь относительное значение, поскольку не способны дать человеку прочного убеждения. Модели обоснования вечности «я» образуют лишь идейно-смысловую основу для формирования философской уверенности в возможности существования человеческого духа (V, с. 279). Подлинной объективной гарантией и залогом этой уверенности может служить только идея Бога как всесовершенного

и всеблагото Творца мира. Бог, будучи существом всеблагим, не может уничтожить души, созданные Им в бессмертном состоянии для приближения к высшим целям бытия. Лишь идея Бога, как пишет московский философ, даёт человеку убедительные свидетельства вечного бытия духа и приводит к убеждению в бессмертии души (V, с. 280).

Теистическая идея Божества выступает в системе «трансцендентального монизма» Кудрявцева-Платонова, как отмечает П.В. Тихомиров, основным гносеологическим принципом [9, с. 66, 72]. Эта идея служит ключом к пониманию его концепции бессмертия души (III, с. 367), поскольку является исходным началом всякого познания.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

I – Кудрявцев-Платонов В.Д. *Сочинения*. Т. 1. Вып. 1. Сергиев Посад, 1892. 454 с.

II – Кудрявцев-Платонов В.Д. *Сочинения*. Т. 1. Вып. 2. Сергиев Посад, 1892. 310 с.

III – Кудрявцев-Платонов В.Д. *Сочинения*. Т. 1. Вып. 3. Сергиев Посад, 1892. 373 с.

IV – Кудрявцев-Платонов В.Д. *Сочинения*. Т. 3. Вып. 1. Сергиев Посад, 1892. 383 с.

V – Кудрявцев-Платонов В.Д. *Сочинения*. Т. 3. Вып. 3. Сергиев Посад, 1892. 350 с.

VI – Кудрявцев-Платонов В.Д. *Начальные основания философии*. Т. 2. Сергиев Посад, 1890. 353 с.

Список литературы / References

1. Абрамов А.И. Философия в духовных академиях (традиции платонизма в русском духовно-академическом философствовании). *Вопросы философии*. 1997;(9):138-155.

Abramov A.I. Philosophy in theological academies (traditions of Platonism in Russian spiritual and academic philosophizing). *Questions of philosophy*. 1997;(9):138-155. (In Russ.)

2. Козырев А.П. Об аристотелевских началах в философии Вл. Соловьёва. *Вопросы философии*. 2020;(1):45-55. DOI 10.21146/0042-8744-2020-1-45-55.

Kozyrev A.P. On Aristotelian principles in the philosophy of V.I. Solovyov. *Questions of philosophy*. 2020;(1):45-55. DOI 10.21146/0042-8744-2020-1-45-55. (In Russ.)

3. Корнилов С.В. Философская школа Московской Духовной Академии: В.Д. Кудрявцев-Платонов. *Электронное научное издание Альманах Пространство*

и Время. 2017;16(1-2). DOI 10.24411/2227-9490-2018-11061.

Kornilov S.V. Philosophical School of the Moscow Theological Academy: V.D., Kudryavtsev-Platonov. *Electronic Scientific Publication Almanac Space and Time*. 2017;16(1-2). DOI 10.24411/2227-9490-2018-11061. (In Russ.)

4. Коцюба В.И. Ф.Г. Якоби и московская школа духовно-академической философии XIX в. Часть II. Ф.Г. Якоби и В.Д. Кудрявцев-Платонов. *Вопросы философии*. 2023;(5):119-129. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-5-119-129.

Kotsyuba V.I. F.G. Jacobi and the Moscow school of spiritual and academic philosophy of the XIX century. Part II. F.G. Jacobi and V.D. Kudryavtsev-Platonov. *Questions of philosophy*. 2023;(5):119-129. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-5-119-129. (In Russ.)

5. Коцюба В.И. Критика философии Гегеля в наследии преподавателей философии Московской духовной академии XIX в. *Вопросы философии*. 2020;(12):165-174. DOI 10.21146/0042-8744-2020-12-165-174.

Kotsyuba V.I. Criticism of Hegel's philosophy in the legacy of teachers of philosophy of the Moscow Theological Academy of the XIX century. *Questions of philosophy*. 2020;(12):165-174. DOI 10.21146/0042-8744-2020-12-165-174. (In Russ.)

6. Нижников С.А., Гребешев И.В. Генезис и развитие метафизической мысли в России. М.: Руниверс; 2016. 504 с.

Nizhnikov S.A., Grebeshev I.V. Genesis and the development of metaphysical thought in Russia. M.: Rusunivers, 2016. 504 p. (In Russ.)

7. Пишун С.В. Православная персонология и духовно-академическая философия XIX века. М.: Прометей; 1996. 431 с.

Pishun S.V. Orthodox personology and spiritual and academic philosophy of the XIX century. M.: Prometheus; 1996. 431 p. (In Russ.)

8. Пишун С.В. Интерпретация идей картезианства в русской духовно-академической философии. *Религиоведение*. 2024;(4):136-142.

Pishun S.V. Interpretation of the ideas of Cartesianism in Russian spiritual and

academic philosophy. *Religious studies*. 2024;(4):136-142. (In Russ.)

9. Тихомиров П.В. Философия В.Д. Кудрявцева: этюд к характеристике. *Чтения в Обществе любителей духовного просвещения*. 1894;(1):41-84.

Tikhomirov P.V. Philosophy of V.D. Kudryavtsev: a study on characterization. *Reading in the Society of Lovers of Spiritual Enlightenment*. 1894;(1):41-84. (In Russ.)

10. Цвык И.В. Проблема истины в русской духовно-академической философии XIX века. *Вестник Московского университета*. Серия 7: Философия. 2004;(2):15-21. DOI: 10.18101/1994-0866-2020-2-9-20.

Tsvyk I.V. The problem of truth in Russian spiritual and academic philosophy of the XIX century. *Bulletin of Moscow University*. Series 7: Philosophy. 2004;(2):15-21. DOI: 10.18101/1994-0866-2020-2-9-20. (In Russ.)

11. Цвык И.В. Проблема сущности души и её бессмертия в русской духовно-академической философии XIX в. *Вестник Бурятского государственного университета*. Философия. 2019;(2):3-11. DOI: 10.18101/1994-0866-2019-2-3-11.

Tsvyk I.V. The problem of the essence of the soul and its immortality in Russian spiritual and academic philosophy of the XIX century. *Bulletin of Buryat State University*. Philosophy. 2019;(2):3-11. DOI: 10.18101/1994-0866-2019-2-3-11. (In Russ.)

Информация об авторе

Дьяконова Татьяна Ивановна, аспирант кафедры философии религии и религиоведения, Философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. ORCID ID 0009-0009-1313-3172, SPIN-код 6619-3768, e-mail: tatdyakonova@mail.ru

Information about the author

Tatyana I. Dyakonova, graduate student of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Faculty of Philosophy, Moscow State University named after M.V. Lomonosov. ORCID ID 0009-0009-1313-3172, SPIN-code 6619-3768, e-mail: tatdyakonova@mail.ru

Поступила в редакцию 03.04.2026

Принята после рецензирования 28.04.2026

Принята к публикации 03.06.2026

Received April 3, 2026

Revised April 28, 2026

Accepted June 3, 2026

УДК 94(4)+347.7

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.2.76–83>

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Историческая миссия России в концепции общеевропейской цивилизации Ф.И. Тютчева: анализ идей в свете современной геополитической ситуации

Захарова Л.И., Абовян Е.Н.

*Брянский государственный технический университет,
241035, Брянская область, г. Брянск, бульвар 50 лет Октября, д. 7,
Российская Федерация*

Аннотация. Целью настоящего исследования является комплексный анализ историософской концепции Ф.И. Тютчева о месте и миссии России в системе общеевропейской цивилизации с последующей актуализацией его идей применительно к современной геополитической ситуации. Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи: во-первых, выявляется специфика позиции Тютчева в контексте идейной полемики между славянофильством и западничеством; во-вторых, раскрывается содержание тютчевской концепции общеевропейской цивилизации через анализ ее духовных оснований, славянского вопроса и геополитического измерения; в-третьих, обосновывается актуальность тютчевских идей в свете современного противостояния России и коллективного Запада. Особое внимание уделяется полемике Тютчева с западническими настроениями середины XIX века. На основе исследований реконструируется влияние дипломатической карьеры поэта на формирование его взглядов. Делается вывод об актуальности тютчевской модели «Россия – христианский Восток» как цивилизационной альтернативы секулярному Западу. Актуальность темы обусловлена современными геополитическими вызовами, беспрецедентным информационным давлением на Россию и попытками переписывания истории, что делает востребованным обращение к мыслителям, первыми осмыслившим феномен русофобии и цивилизационного противостояния.

Ключевые слова: Ф.И. Тютчев, историософия, Россия и Запад, славянофильство, западничество, дипломатия, публицистика, геополитика

Для цитирования: Захарова Л.И., Абовян Е.Н. Историческая миссия России в концепции общеевропейской цивилизации Ф.И. Тютчева: анализ идей в свете современной геополитической ситуации. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2026;(2(73)):76–83.

The Historical Mission of Russia in the Concept of Fyodor Tyutchev's Pan-European Civilization: Analysis of Ideas in the Light of the Current Geopolitical Situation

Zakharova L.I., Abovyan E.N.

*Bryansk State Technical University, 7 50 Let Oktyabrya Boulevard,
Bryansk, 241035, Russia*

Abstract. The purpose of this study is to provide a comprehensive analysis of Fyodor Tyutchev's historiosophical concept of Russia's place and mission in the system of pan-European civilization, followed by the actualization of his ideas in relation to the current geopolitical situation. To achieve this goal, the article addresses the following tasks: first, it identifies the specific nature of Tyutchev's position in the context of the ideological debate between Slavophilism and Westernism; second, it reveals the content of Tyutchev's concept of pan-European civilization through an analysis of its spiritual foundations, the Slavic question, and the geopolitical dimension; and third, it justifies the relevance of Tyutchev's ideas in light of the current confrontation between Russia and the collective West. Special attention is given to Tyutchev's polemics with the Westernist sentiments of the mid-19th century. Based on research, the article reconstructs the influence of the poet's diplomatic career on the formation of his views. It concludes that Tyutchev's model of "Russia as the Christian East" is relevant as a civilizational alternative to the secular West. The relevance of this topic is driven by contemporary geopolitical challenges, unprecedented information pressure on Russia, and attempts to rewrite history, making it necessary to turn to thinkers who were the first to understand the phenomenon of Russophobia and civilizational confrontation.

Keywords: Fyodor Tyutchev, historiosophy, Russia and the West, Slavophilism, Westernism, diplomacy, journalism, geopolitics, and the Third Rome

For citation: Zakharova L.I., Abovyan E.N. The Historical Mission of Russia in the Concept of Fyodor Tyutchev's Pan-European Civilization: Analysis of Ideas in the Light of the Current Geopolitical Situation. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;(2(73)):76–83. (In Russ.)

Введение

В эпоху тектонических сдвигов миропорядка, когда «история» утрачивает свою доказательную базу в западном дискурсе, превращаясь в инструмент информационного противоборства, фигура Ф.И. Тютчева приобретает особое звучание. Идеи о мессианском назначении России, о ее особом пути и миссии в мире пронизывали творчество многих русских мыслителей XIX века [1]. Это было неслучайно. Эпоха сталкивала Россию с кардинальными вопросами: о ее месте на миро-

вой арене, о том, какой вклад она может внести в развитие человечества. Поиск ответов на эти вопросы был неразрывно связан с поиском национальной самобытности, с осознанием уникального пути развития страны. В своих работах он противопоставлял западную цивилизацию, с ее устремленностью к материальному прогрессу и индивидуализму, славянскому миру, одухотворенному верой, традицией и стремлением к единению. Тютчев верил, что именно Россия, благодаря своей духовной глубине и способности

к состраданию, сможет стать мостом между Востоком и Западом, принести в мир новый синтез ценностей.

Материалы и методы

Исследование опирается на комплексный междисциплинарный подход, сочетающий методологию исторической науки и политической философии. Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма, объективности и системности. Применение историко-генетического метода позволяет проследить эволюцию историософских взглядов Тютчева в контексте его дипломатической карьеры и европейских политических процессов 1820–1860-х годов. Сравнительно-исторический метод используется для сопоставления концепции Тютчева с основными течениями русской общественной мысли XIX века – западничеством (В.Г. Белинский, Т.Н. Грановский, ранний А.И. Герцен) и славянофильством (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский), что позволяет определить место тютчевской историософии в спектре идейных направлений эпохи.

Герменевтический метод применяется для интерпретации ключевых понятий тютчевского дискурса – «Россия», «Запад», «Революция», «Империя», «Православие» – в их смысловой динамике и религиозно-философском контексте. Метод историко-типологического анализа используется для выявления устойчивых моделей восприятия России Западом (русофобский дискурс, образ «врага», «северного варвара») и их сопоставления с современными информационно-политическими реалиями.

Важное значение имеет институциональный подход, позволяющий рассмотреть дипломатическую службу Тютчева в контексте функционирования внешнеполитического ведомства Российской империи (МИД, миссии в Мюнхене и Турине, Комитет иностранной цензуры). В работе так-

же применяются элементы дискурс-анализа (исследование риторических стратегий тютчевской публицистики в полемике с западной прессой).

Результаты

В ходе исследования установлено, что формирование историософских взглядов Ф.И. Тютчева происходило под непосредственным влиянием его дипломатической службы (более 20 лет за границей), что опровергает распространенный тезис о нем как о «неудачнике» на государственном поприще. Выявлено, что ключевыми элементами тютчевской концепции выступают: понимание России как «Православной Империи» – наследницы Византии; трактовка революции не как политического переворота, но как онтологического бунта человеческого «я» против Божественного порядка; идея славянского единства вокруг России при критике прозападных национальных «интеллигенций». Показано принципиальное расхождение Тютчева с западниками, видевшими будущее России в усвоении европейских политических форм, тогда как поэт-дипломат настаивал на сохранении цивилизационного суверенитета.

Обсуждение

Проведен сопоставительный анализ тютчевских прогнозов с современной геополитической ситуацией. Обоснован вывод, что предсказания мыслителя о нарастании русофобии, об информационной войне против России, о предательстве национальных интересов прозападными элитами нашли полное подтверждение в событиях XXI века.

Ключевое значение для понимания эволюции взглядов Тютчева имеют работы, детализирующие его дипломатическую карьеру. Фундаментальное исследование Т.Г. Динесман [2] вводит в научный оборот документы Архива внешней политики Российской

империи. Т.Г. Динесман убедительно опровергает расхожий тезис о Тютчеве-дипломате как о «неудачнике», популярный в некоторых литературоведческих кругах. Ее архивные разыскания показывают, что в период работы при И.А. Потемкине (1828–1833) Тютчев был не рядовым чиновником, а ближайшим помощником и советником. Исследователем выявлено 83 посольских донесения из Мюнхена, написанных рукой Тютчева, 55 из которых освещают важнейшие проблемы внутренней и внешней политики Баварии [2, с. 4–5]. Позже, будучи временным поверенным в делах в Турине (1838–1839), Тютчев направил в Россию 42 депеши, которые, по оценке Динесман, «свидетельствуют о его незаурядном даровании дипломата и политика» [2, с. 5]. Таким образом, его историософские построения опирались не на отвлеченное умозрение, а на глубокое знание европейской политической кухни.

Двадцатилетнее пребывание за границей (1822–1844) сформировало уникальную оптику Тютчева: он смотрел на Европу изнутри, но оставался русским мыслителем. Как отмечает британский исследователь Джон Дьюи в первой англоязычной биографии поэта, «Тютчев прожил в Западной Европе 22 года... Однако наряду с прозападным образом жизни Тютчев был серьезно озабочен будущим России» [2]. Эта двойственность позволяла ему видеть изъяны западной цивилизации там, где отечественные западники видели идеал.

Россия и Запад: антагонизм или органическое единство?

Тютчевская концепция общеевропейской цивилизации базируется на глубоком анализе ее духовных истоков. Ключевое положение Тютчева, неоднократно цитируемое в современных исследованиях, гласит: «уже давно в Европе существуют только две действительные силы: революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг

против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества» [3, с. 197]. В.Н. Наумчик, анализируя это высказывание, подчеркивает его пророческий характер и актуальность для сегодняшнего дня. По мнению исследователя, Тютчев рассматривал католицизм, протестантизм и революцию как единый фундамент западной цивилизации, формирующий антихристианские принципы. Революция для Тютчева – «прежде всего враг Христианства! Антихристианское настроение есть душа Революции; это ее особенный отличительный характер» [4].

В незаконченном трактате «Россия и Запад» и политических статьях («Письмо русского», «Россия и Германия», «Россия и Революция») Тютчев выстраивает стройную историософскую систему. Ключевой для него является дихотомия «Восток» – «Запад», которая, по мысли исследователя Е.М. Михалевской, становится ведущей проблемой в лирике славянофилов [5]. Однако Тютчев стоит особняком даже среди них. Если ранние славянофилы (Хомяков, Киреевский) часто идеализировали допетровскую Русь, то Тютчев смещает акцент с этнографии и быта на религиозную метафизику и геополитику.

Как точно подмечено в аналитической статье Издательского совета РПЦ, «историософские идеи Ф.И. Тютчева представляют собой нечто исключительное... проходящее между основными идейными течениями XIX века» [6]. Тютчев дистанцируется и от катастрофизма Чаадаева, и от упрощенного русофильства. Его мысль парадоксальна: он видит вину и ошибки как на Западе, так и в России. Миссия

России – не в самолюбовании, а в покаянии и осознании своей ответственности как хранительницы Православия. Поэт формулирует это с предельной ясностью: «Россия гораздо больше православная, чем славянская. Именно как православная она заключает в себе и хранит Империю» [6].

Здесь Тютчев принципиально расходится с западниками (Белинский, Грановский, Герцен), которые видели прогресс в усвоении западных политических и социальных форм. Западники, как отмечает Михалевская, «желали выдвинуть свое отечество на новый уровень... создать свободную личность» [5], тогда как Тютчев прозорливо предупреждал, что «человеческое "я", предоставленное самому себе, противно христианству» и ведет к революции. Революция для Тютчева – не смена политического режима, а онтологический бунт человеческого «я» против Бога, «апофеоз человеческого я» [4, с. 88]. Запад, по мысли дипломата, уже вступил на этот путь саморазрушения.

Интересно, что в современных исследованиях все чаще подчеркивается не просто критический, но аналитический характер тютчевских оценок Запада. Так, А.Н. Свирид в статье «Ф.И. Тютчев как открыватель политики "двойных стандартов" в западноевропейском обществе» показывает, что поэт-дипломат пришел к убеждению о системном характере западной политики в отношении России, хотя сам термин «двойные стандарты» и не использовал [4, с. 94]. Россия в тютчевской концепции предстает как «прежде всего Христианская Империя». Русский народ, по мысли поэта, – «христианин не только в силу той способности к самоотвержению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы». Это религиозное измерение принципиально отличает Россию от секуляризованного Запада.

Славянский вопрос и панславизм как миссия

Значительное место в концепции Тютчева занимает «западнославянский вопрос». В отличие от Ф.М. Достоевского, который, как показано в исследовании Н.М. Шишковой и К.Н. Анкудинова, относился к перспективам единения славян с Россией более сдержанно, Тютчев был настроен оптимистично [7]. Для него объединение славян вокруг России под эгидой Православной Империи – это не экспансия, а восстановление исторической справедливости. Тютчев верил в инстинктивное тяготение славянских масс к России. Главную угрозу он видел не во внешних врагах, а в «так называемых интеллигенциях» славянских народов, которые, будучи заражены западными идеями, «развращают инстинкт» и толкают свои народы на путь враждебности к России. Это предупреждение сохраняет свою остроту и в контексте современных событий на постсоветском пространстве.

Тютчев и современность: пророчества и геополитические реалии

Обращение к тютчевскому наследию в последние годы приобрело особую интенсивность, что связано с обострением противостояния России и Запада. Современные исследователи, такие как В.Н. Наумчик, проводят прямые параллели между геополитическими реалиями середины XIX века и сегодняшним днем. В своей статье «Федор Иванович Тютчев и геополитические реалии России» он показывает, что «предреволюционная обстановка в Европе», отношение Запада к России как к «людоеду XIX века», русофобия, описанная Тютчевым в статье «Россия и Германия», – все это повторяется на новом витке истории [4, с. 88–89].

Тютчев первым зафиксировал появление устойчивого антироссийского дискурса в западной прессе, который он называл «стоглавой гидрой парижской прессы». Он же указал и на при-

чину этой ненависти: Запад видит в России живой укор своему пути развития. По мнению Тютчева, как авторы данной статьи уже писали ранее, католицизм, протестантизм и революция – в совокупности формируют антихристианские принципы. Все это заменяет веру в Бога верой в идеологии, коллективное сознание – индивидуальным поиском истины, любовь – ненавистью к инакомыслящим. В этом контексте Тютчев видел опасность для России, призывая к сохранению самобытности русской культуры и православной веры как противовеса западной цивилизации. [4, с. 90].

Актуально звучат сегодня слова Тютчева о том, что истинный защитник России – это ее История, «разрешавшая в ее пользу все тяжбы» [8]. В эпоху постправды и отмены русской культуры концепция Тютчева напоминает: у России есть своя «особенная статья», не поддающаяся измерению «общим аршином» западной рациональности [9]. Особый интерес представляет тютчевская формула: «самим фактом своего существования Россия отрицает будущее Запада». В современном контексте эта мысль звучит как констатация цивилизационного противостояния, которое не может быть снято компромиссами.

Показательно, что знаменитое стихотворение Тютчева «Умом Россию не понять» (1866) стало своеобразным манифестом русского цивилизационного самосознания. При этом важно понимать, что для Тютчева это не было проявлением национального высокомерия, но констатацией глубокого цивилизационного различия.

Исследователи подчеркивают, что Тютчев выступал за «культурно-цивилизационное самоопределение России, против цензуры, препятствовавшей развитию подлинно национальной общественной мысли» [10; 11; 12]. Европоцентризм официальной идеологии,

по мысли Тютчева, оборачивался либо либерализмом, либо радикализмом – «продуктами, хотя и разными, но все той же западной мысли»

Концепция Ф.И. Тютчева о миссии России в общеевропейской цивилизации представляет собой целостную систему взглядов, сформировавшуюся на основе глубокого знания Европы и понимания духовных основ российской государственности. Вопреки упрощенным представлениям о Тютчеве как о поэте-консерваторе, его политическая философия отличается аналитической глубиной и пророческой силой.

Современные исследования, особенно активно развивающиеся в последние годы, показывают, что многие тютчевские оценки западной цивилизации и ее отношения к России оказались провидческими. Противостояние России и коллективного Запада, которое мы наблюдаем сегодня, во многом соответствует описанной Тютчевым картине: Россия воспринимается Западом как «дикое и безобразное явление, как зло, требующее исправления» [10]. Вместе с тем тютчевская мысль о том, что «злейшие враги России в наибольшей мере способствовали ее величию», звучит сегодня как напоминание о том, что внешнее давление способно стать стимулом для внутреннего развития и укрепления национальной идентичности. Тютчевское наследие требует дальнейшего изучения, особенно в контексте современных цивилизационных исследований. Предстоит еще осмыслить связь его идей с позднейшим евразийством. Обращение к Тютчеву сегодня – это не просто дань памяти великому поэту, но и способ понять глубинные механизмы российско-европейских отношений, корни цивилизационных противоречий и – что особенно важно – то особое место, которое Россия призвана занять в мировом историческом процессе.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Список литературы / References

1. Трифанков Ю.Т., Захарова Л.И. Исторический процесс и качество человека – проблема в философско-историческом аспекте. *Философия в контексте современных социальных практик: материалы V Философских чтений*, Брянск, 21 ноября 2020 года. Брянск: Брянская областная научная универсальная библиотека им. Ф.И. Тютчева, 2021:25–38.
Trifankov Yu. T., Zakharova L.I. The historical process and the quality of a person – a problem in the philosophical and historical aspect. *Philosophy in the context of modern social practices: materials of the V Philosophical Readings*, Bryansk, November 21, 2020. Bryansk: Bryansk Regional Scientific Universal Library named after F.I. Tyutchev, 2021: 25–38. (In Russ.)
2. Динесман Т.Г. *Ф.И. Тютчев. Страницы биографии (к истории дипломатической карьеры)*. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 160 с.
Dinesman T. G. F. I. Tyutchev. *Pages of Biography (On the History of a Diplomatic Career)*. Moscow: IMLI RAS, 2004. 160 p. (In Russ.)
3. Тютчев Ф.И. *Полное собрание сочинений и письма : в 6 т.* Редкол.: Н.Н. Скатов (гл. ред.), Л.В. Гладкова, Л.Д. Громова-Опульская, В.М. Гуминский, В.Н. Касаткина, В.Н. Кузин, Л.Н. Кузина, Ф.Ф. Кузнецов, Б.Н. Тарасов. М.: Издательский центр «Классика», 2002 – 2005.
Tyutchev, F.I. *Complete Works and Letters: In 6 Volumes*. Edited by N.N. Skatov (Chief Editor), L.V. Gladkova, L.D. Gromova-Opul'skaya, V.M. Guminsky, V.N. Kasatkina, V.N. Kuzin, L.N. Kuzina, F.F. Kuznetsov, and B.N. Tarasov. Moscow: Publishing Center "Klassika", 2002-2005. (In Russ.)
4. *Этносы и судьбы в жизни и творчестве Ф.И. Тютчева: теория и практика (к 220-летию со дня рождения)*: коллективная монография. Брест: ООО «Альтернатива», 2023. 380 с.
Ethnic Groups and Destinies in the Life and Work of Fyodor Ivanovich Tyutchev: Theory and Practice (on the 220th Anniversary of His Birth): collective monograph. Brest: Alternative LLC, 2023. 380 p. (In Russ.)
5. Михалевская Е.М. Дихотомия «Восток» – «Запад» в лирике Ф.И. Тютчева. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2016;(1-7):144–149.
Mikhalevskaya E. M. The Dichotomy "East" – "West" in the Lyrics of Fyodor Tyutchev. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2016;(1-7):144–149. (In Russ.)
6. Иеромонах Марк (Шляхтин) Религиозная историософия Ф.И. Тютчева: тема двух единств. Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия». 12.01.2017. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2017/01/2017-01-12/religioznaya_istoriosofiya_fi_tyutcheva_tema_dvuh_edinstv (дата обращения: 17.02.2026).
Hieromonk Mark (Shlyakhtin) Religious historiosophy of F.I. Tyutchev: the theme of two unities. Publishing. Information and Analytical Service "Russkaya Narodnaya Liniya". 12.01.2017. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2017/01/2017-01-12/religioznaya_istoriosofiya_fi_tyutcheva_tema_dvuh_edinstv (accessed: 17.02.2026).
7. Шишхова Н.М., Анкудинов К.Н. «Западнославянский вопрос» в публицистике Ф.И. Тютчева и Ф.М. Достоевского. *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение*. 2024;(2(337)): 37–48. DOI 10.53598/2410-3489-2024-2-337-37-48.
Shishkhova N.M., Ankudinov K.N. The "Western Slavic Question" in the Journalism of F.I. Tyutchev and F.M. Dostoevsky. *Bulletin of Adygea State University. Ser.: Philology and Art History*. 2024;(2(337)):37–48. DOI 10.53598/2410-3489-2024-2-337-37-48. (In Russ.)
8. Тютчев Ф.И. *Россия и Запад. Эссе и стихи*. М.: Проспект, 2024. 272 с.
Tyutchev F.I. *Russia and the West. Essays and Poems*. Moscow: Prospekt, 2024. 272 p. (In Russ.)

9. Путилин И.А., Реснянский С.И. Идеи мессианского назначения России в письмах Ф.И. Тютчева. *Вестник государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки.* 2023;(2):57–65. DOI 10.18384/2310-676X-2023-2-56-65.

Putilin I.A., Resnyansky S.I. Ideas of Russia's Messianic Purpose in the Letters of Fyodor Tyutchev. *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences.* 2023;(2):57–65. DOI 10.18384/2310-676X-2023-2-56-65. (In Russ.)

10. Дергачева Е.А., Колесник Т.А. Модернизация образования в контексте глобальной трансформации общества и биосферы: междисциплинарное исследование. М.: Ленанд/URSS, 2024. 216 с.

Dergacheva E.A., Kolesnik T.A. *Modernization of Education in the Context of Global Transformation of Society and the Biosphere:*

An Interdisciplinary Study. Moscow: Lenand/URSS, 2024. 216 p. (In Russ.)

11. Свидерский А.А. Генезис ценностно-нормативной системы взаимодействия общества и природы. Брянск: Брянский государственный аграрный университет, 2023. 173 с.

Svidersky A.A. *Genesis of the Value-Normative System of Interaction between Society and Nature.* Bryansk: Bryansk State Agrarian University, 2023. 173 p. (In Russ.)

12. Дергачева Е.А. Глобальные процессы и проблемы и их взаимосвязь в социоприродном мире. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2009;(12(80)):254–258.

Dergacheva E.A. Global processes and problems and their interrelation in the socio-natural world. *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities.* 2009;(12(80)): 254–258. (In Russ.)

Информация об авторах

Захарова Людмила Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, факультет отраслевой и цифровой экономики, Брянский государственный технический университет. ORCID ID 0000-0002-3446-9910, SPIN-код 1967-2594; e-mail: tim-lyud@yandex.ru

Абовян Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, факультет отраслевой и цифровой экономики, Брянский государственный технический университет. ORCID ID 0000-0003-3659-1044, SPIN-код 2210-8885; e-mail: mjordon@yandex.ru

Information about the authors

Lyudmila I. Zakharova, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, Faculty of Industry and Digital Economics, Bryansk State Technical University. ORCID ID 0000-0002-3446-9910, SPIN-code 1967-2594; e-mail: tim-lyud@yandex.ru

Elena N. Abovyan, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, Faculty of Industry and Digital Economics, Bryansk State Technical University., ORCID ID 0000-0003-3659-1044, SPIN-code 2210-8885; e-mail: mjordon@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.02.2026

Принята после рецензирования 02.04.2026

Принята к публикации 20.05.2026

Received February 23, 2026

Revised April 2, 2026

Accepted May 20, 2026

Научная статья

Research article

УДК 101.1:101.3

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.2.84-95>

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Прогресс в философии: возможность крайнего оптимизма

Сафонов А.С.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье исследуется центральная метафилософская проблема прогресса в философии. Цель статьи заключается в попытке обосновать возможность крайне оптимистического подхода к решению проблемы без редукции философии к науке. В статье рассматриваются основные подходы к решению данной проблемы в аналитической философии. Автор делает вывод, что прогресс в философии требует иного критерия оценки, чем прогресс в науке. Развитие философии определяется не консенсусом, а постоянно возобновляемым «продуктивным несогласием», которое требует постоянного методологического и концептуального развития. Поэтому философии не просто свойственен прогресс: его степень сопоставима с прогрессом научного знания.

В статье представлена оригинальная метафилософская концепция прогресса, значение которой может выходить за границы самой философии. Прояснение природы развития философии имеет общекультурное значение, поскольку позволяет яснее понимать формирующие культуру и общество механизмы через призму различных интеллектуальных практик. Кроме того, становятся более понятными общие эпистемологические процессы приобретения нового знания и роль философии в них.

Ключевые слова: прогресс в философии, философия, метафилософия, наука, познание

Для цитирования: Сафонов А.С. Прогресс в философии: возможность крайнего оптимизма. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2026;2(73):84–95.

Progress in Philosophy: The Possibility of Extreme Optimism

Safonov A.S.

Kazan (Volga Region) Federal University, 420008, Kazan, Russia

Abstract. This article explores the central metaphilosophical problem of progress in philosophy. The aim of the article is to substantiate the possibility of a radically optimistic approach to resolving this problem without reducing philosophy to science. The article examines the main approaches to resolving this problem in analytic philosophy. The author concludes that progress in

philosophy requires a different evaluation criterion than progress in science. The development of philosophy is determined not by consensus, but by constantly renewed "productive disagreement", which requires constant methodological and conceptual development. Therefore, not only is progress inherent in philosophy, but its degree is comparable to the progress of scientific knowledge. This article presents an original metaphilosophical concept of progress, the significance of which may extend beyond philosophy itself. Clarifying the nature of philosophical development has broader cultural significance, as it allows for a clearer understanding of the mechanisms that shape culture and society through the lens of various intellectual practices. Furthermore, it provides a clearer understanding of the general epistemological processes of acquiring new knowledge and the role of philosophy in them.

Keywords: progress in philosophy, philosophy, metaphilosophy, science, knowledge

For citation: Safonov A.S. Progress in Philosophy: The Possibility of Extreme Optimism. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;(2(73)):84–95 (In Russ.)

Введение

Проблема прогресса в философии является одной из центральных в метафилософии. Однако ее значение выходит далеко за рамки интересов профессиональных философов, которые стремятся дать четкое и ясное определение своей деятельности. Можно выделить культурологические и эпистемологические аспекты значимости данной проблемы.

Культурологическое значение проблемы прогресса в философии сводится к тому, что философская деятельность является чрезвычайно важным видом интеллектуальной практики, которая существует примерно с VII века до нашей эры и которая определяет лицо современной цивилизации. Без понимания того, в чем заключается результат философской деятельности и как философы в разные исторические периоды достигают данного результата, невозможно понять причины формирования культуры и общества. Это имеет значение не только для ретроспективного понимания того, какие интеллектуальные процессы сформировали социокультурную реальность современного мира, но и для перспективного взгляда в будущее. Понимание прогресса в философии позволит занять прескриптивную пози-

цию относительно будущего состояния культуры. Иными словами, отвечая на вопрос о том, каков должен быть прогресс в философии, мы одновременно отвечаем и на вопрос, какова должна быть культура в будущем.

Эпистемологическое значение состоит в том, что она позволяет прояснить общую структуру и иерархию познавательных практик. В частности, проблема прогресса в философии напрямую связана с неясностью отношения науки и философии. Эта проблема связана с целым комплексом непростых вопросов: «является ли философия частью науки?»; «должна ли философия быть преобразована в соответствии с научными принципами?»; «в чем заключается результат философской деятельности?»; «почему прогресс в философии менее очевиден, чем прогресс в науке?». Все эти вопросы демонстрируют, что вопрос о прогрессе философии имеет основание в эпистемологической проблеме границ и природы научного знания.

Большинство философов рассматривает проблему прогресса через конвергенцию к согласию. В естественных науках ученые в большей степени склонны соглашаться друг с другом относительно решения большинства проблем, чем философы. Поэтому не-

которые исследователи полагают, что идея прогресса, основывающаяся на консенсусе, не применима к философии. В статье последовательно аргументируется идея, что противоречия эпистемически важны. Делается вывод, что результат философии заключается в постоянном возобновлении и поддержании дискуссии относительно множества убеждений, разделяемых и признаваемых большинством. Такой подход позволяет рассматривать философию как особую интеллектуальную практику, которая имеет непосредственное отношение к научному познанию, но при этом не является его частью. Тем самым отстаивается крайне оптимистический взгляд на прогресс в философии, который при этом не редуцирует философию к науке.

В первой части статьи рассматривается формулировка проблемы прогресса в философии и наиболее значимые подходы к её решению. Исследуются оптимистические и пессимистические позиции, как крайние, так и умеренные их варианты. Во второй части рассматривается концепция прогресса в философии, которая не основывается на достижении обоснованного согласия. Философская практика рассматривается как интеллектуальная деятельность, направленная на обнаружение и поддержание противоречий, основывающаяся на «креативном и рациональном несогласии». В третьей, заключительной, части статьи обсуждаются практическое значение подобной метафилософской позиции. Рассматривается связь философской практики со смежными сферами интеллектуальной деятельности.

Материалы и методы

Дэвид Чалмерс выделяет три варианта вопроса относительно прогресса философии: экзистенциальный, сравнительный и объяснительный [1]. Экзистенциальный вопрос: существует ли прогресс в философии? Сравнитель-

ный: есть ли в философии прогресс аналогичный прогрессу в естественных науках. Объяснительный вопрос: почему в философии не так много прогресса, как можно было бы ожидать?

Согласно Чалмерсу возможны различные варианты оптимистического и пессимистического ответа на данные вопросы. Крайний пессимизм отрицательно отвечает на экзистенциальный вопрос, а крайний оптимизм предполагает возможность безграничного прогресса в ответ на сравнительный вопрос. Сам Чалмерс склоняется к умеренной форме пессимизма, которая однозначно утвердительно отвечает на экзистенциальный вопрос и отрицательно на вопрос сравнительный: в философии, безусловно, есть прогресс, но он не так значителен в сравнении с естественными науками.

Центральный тезис Чалмерса: в философии нет значительной степени согласия относительно больших вопросов: отношение сознания и тела, существование внешнего мира, фундаментальные принципы морали, существование морали и т.д.

Центральный тезис аргументируется Чалмерсом следующим образом:

– Эмпирическая посылка: в философии нет значительного коллективного согласия относительно больших философских вопросов.

– Связывающая посылка: если в философии нет значительного коллективного согласия относительно больших вопросов, то в философии нет и значительного коллективного приближения к истине в ответе на большие вопросы.

– Заключение: в философии нет значительного коллективного приближения к истине в ответе на большие вопросы.

Одним из возможных возражений против своей аргументации Чалмерс называет утверждение, согласно которому физика и все другие науки (hard science) некогда являлись частью философии. Следовательно, прогресс

в данных областях знания можно также рассматривать в качестве прогресса философии. С точки зрения Чалмерса, пока физика была частью философии можно было ожидать большей согласованности в некоторых областях философии, чем в других. Однако после сепарации физики, прогресса в философии не стало больше. Тем не менее, можно по-прежнему ожидать, что степень несогласия будет уменьшаться со временем в особых областях философии, которые в дальнейшем специализируются в особые области научного познания. Кроме того, современное понимание философии существенно отличается от более широкого понимания в прошлом, поэтому прогресс в физике не может идти в зачет философии.

В качестве одного из возможного объяснения отсутствия в философии значительного прогресса является дисциплинарная специализация. Как только выделяется некая новая область философских исследований, уточняется методологический аппарат и предмет изысканий, данная область уже не принадлежит больше философии. Иными словами, чтобы определённой области прогрессировать, ей необходимо выйти из-под крыла философии и стать самостоятельной научной дисциплиной. Однако это не объясняет по сути, почему в философии меньшая степень прогресса, чем в научных дисциплинах. Все возможные объяснения сводятся к принципу «замка и ключа». Либо философские проблемы являются слишком трудными, т.е. представляют собой сложный замок, либо философская методология недостаточно совершенна, мы имеем «не те ключи».

Примером умеренного оптимизма относительно прогресса в философии выступает позиция Дэниела Столджара [2]. Он полагает, что степень прогресса является значительной, но, очевидно, уступает естественным наукам. Столджар считает, что большие философские вопросы претерпевают

изменения. Так, проблема соотношения физического и ментального у Рене Декарта и Френсиса Джексона совершенно разные. Если сравнить картезианское описание психофизической проблемы с аргументом знания у Джексона, то можно легко заметить, что это очень разные проблемы. Безусловно они существуют под одной топикикой вопроса об отношении ментального и физического, но их формулировки и акценты сильно отличаются. Поэтому Столджар вводит трехуровневую иерархию проблем: большой вопрос, конституирующий топики, средний вопрос (вопросы) о конституированных топиках и маленькие вопросы об отдельных сторонах большого вопроса. Обоснованный оптимизм утверждает, что прогресс в философии возможен в некотором количестве больших философских проблем.

Аргумент против позиции Столджара заключается в том, что большие философские проблемы, которые кажутся неразрешимыми, в действительности не одни и те же проблемы. Однако возникает вполне резонный вопрос: если, например, проблема физического и ментального в XVII веке и сейчас – это разные проблемы, то как увеличение нерешенных проблем способствует прогрессу? Мы же не можем утверждать, что проблема XXI века появилась из решенной проблемы XVII века. Следовательно, вместо одной большой нерешенной проблемы мы получаем сразу две. А это слабо соответствует понятию прогресса.

Даже если мы вслед за Столджаром предполагаем, что проблема XVII века все же решена, то она решена не в силу самого философского прогресса, а в силу научного.

Поэтому имеет смысл обратиться к крайне пессимистическому подходу, который отрицает наличие прогресса в философии. Сторонников данного взгляда объединяет то, что они полагают философию отдельной от науки

областью интеллектуальной деятельности. Философия просто не способна дать тот результат, который от нее ожидают, поскольку она не является формой научного познания реальности.

Среди крайних пессимистов следует выделить Питера ван Инвагена, который полагает, что не существует тезиса, относительно которого все философы были бы согласны [3]. Непосредственного пессимистичного вывода ван Инваген не делает, но тенденция здесь очевидна.

Интересным примером пессимизма является позиция Эми Томассон [4], которую она выражает в ответ на знаменитый пассаж физика Стивена Хокинга «о смерти философии». Она утверждает, что философия не фактическая дисциплина, а нормативная. Философия не описывает, а предписывает, как необходимо понимать тот или иной концепт.

Философию от науки также отделяет Владимир Миронов [5]. Он полагает, что в философии не может быть прогресса, но есть развитие, которое заключается в увеличении интерпретаций. Философия не нуждается в прогрессе, поскольку она в подобном виде развития безвозвратно бы утратила нечто важное. Философия же отбрасывает только то, что является общепринятым, в то время как конфликтующие и противоречащие концепции поддерживают равновесие в философии. Это позволяет философии быть скорее способом понимания мира, чем его познания.

Особым образом следует упомянуть мысленный эксперимент Эрика Дитриха «Аристотель идет в колледж» [6]. Данный аргумент призван прояснить интуитивную очевидность крайне пессимистического взгляда на философский прогресс. Суть мысленного эксперимента состоит в том, что мы представляем, как Аристотель переносится из Древней Греции в современный мир. Имея природную любо-

пытливость, Аристотель направится в ближайший университет, чтобы познакомиться с самыми актуальными знаниями. По мнению Дитриха, Аристотель, который бы оказался на лекции по квантовой физике, не смог бы понять ровным счетом ничего. Например, Аристотелю не был бы понятен математический аппарат современной физики. Слишком большой разрыв между физическими представлениями античного мира и современными физическими теориями. Однако если Аристотель окажется на семинаре по философии, то там он может без особых усилий усвоить суть дискуссии и вникнуть в проблемы современной философии. Например, Аристотелю не составило бы труда понять современные онтологические, эпистемологические и этические проблемы.

Тем не менее можно усомниться в очевидности того, что Аристотелю будет все ясно в классе по философии. Например, обсуждение этических проблем в контексте кантовской философии потребовало бы от Аристотеля погружения в особенности кантовской терминологии и контекста этических проблем. Даже, казалось бы, кристально понятная для Аристотеля проблема этики добродетелей, потребовала бы от него изучения современного контекста дискуссии. Поэтому выводы данного мысленного эксперимента могут вызывать рациональное сомнение.

Основным возражением против крайнего пессимизма является аргумент к отбрасыванию некоторых интерпретаций. Действительно, если в философии нет прогресса и философия не может оцениваться критерием научного успеха, то почему некоторые интерпретации кажутся более верными, чем другие. В истории философии достаточно много примеров отброшенных интерпретаций.

Крайние оптимисты, наоборот, полагают, что философия является частью научного познания и поэтому ей

свойственны все атрибуты научного прогресса. Наиболее ярким представителем крайнего оптимизма является Тимоти Уильямсон [7]. Он считает, что философия прогрессирует в то же смысле, что и наука, предлагая более успешные концептуальные модели. Философия представляет собой не естественно-научную область исследования, а предельно абстрактную теоретическую науку. Философия основывает свои исследования не на натуралистических, а на кабинетных методах.

С точки зрения Уильямсона, философия вполне успешна в использовании метода «моделирования» [8, 9]. Данный метод достаточно широко применяется в естественных и социальных науках, и философия здесь не исключение. По мнению Уильямсона, достаточно легко заметить, как философия в своем историческом развитии переходит от менее качественно построенных моделей к более точным. Примеры можно обнаружить в философии языка и в эпистемологии. Поэтому философия не просто прогрессировала ранее, от нее следует ожидать развития, схожего с развитием естественных дисциплин, в будущем.

Таким образом, следуя мысли Овергаарда, Гилберта и Бёрвуда [10], можно расположить все позиции относительно прогресса в философии на прямой в зависимости от того, насколько близко они располагают философию к науке. Так, крайний пессимизм будет располагать философию на максимальном удалении от науки, утверждая, что философская и научная деятельность имеют принципиальные различия. Крайний оптимизм же помещает философию максимально близко к науке, полагая, что философия по своей природе суть научная дисциплина. Между этими двумя экстремумами будут, соответственно, располагаться умеренные позиции.

Однако, я полагаю, что можно совмещать крайний оптимизм и рас-

полагать философию максимально далеко от науки. Иными словами, рассматривать философию как отдельную от науки область, для которой свойственен прогресс, сопоставимый с научным прогрессом. Для этой цели прежде всего необходимо отказаться от оценки результатов философской деятельности общим с наукой критерием. Джеймс Нортон полагает, что философии необходима концепция прогресса, поскольку она выступает своеобразным ориентиром для будущих исследований [11]. Но он считает, что идея прогресса, основанная на консенсусе, не состоятельна и замечает, что это просто требует дальнейших размышлений над проблемой прогресса в философии.

Проблема заключается в том, что само понятие прогресса не имеет однозначного понимания в метафилософской дискуссии [12]. Можно предположить, что в качестве критерия прогресса в философии можно рассматривать не консенсус и конвергенцию к истине, а наоборот, продуктивное и положительное несогласие. Вместе с тем, чрезвычайно важно, чтобы выбранный критерий был эпистемически значимым, то есть от него зависел бы прогресс в познании. Без этого оптимистическая позиция невозможна.

Предполагаемый крайний оптимизм не растворял бы философию в научном познании, как в более общем виде деятельности, но при этом сохранял бы возможность философского прогресса. В следующей части статьи подробнее исследуется содержательное определение такого оптимизма.

Результаты

Таким образом, придерживаясь крайнего оптимизма относительно прогресса в философии возможно, если объяснять результаты философской деятельности не через возрастающую конвергенцию относительно значимых проблем, а, наоборот, через обнаружение и поддержание обосо-

ванного несогласия. Однако такой радикальный пересмотр критериев развития может обернуться размытием границ философской практики. Ярким примером выступает метафилософская позиция Ричарда Рорти [13].

С точки зрения Рорти, философия не занимает никакой привилегированной позиции относительно познания истины. Философия не является способом репрезентации реальности, поскольку её основная задача сводится к «духовному развитию» (edifying) через коммуникацию. Поэтому Рорти отказывается от эпистемологической функции философии, так как знание не является отражением природы, а прагматическим способом решения задач. Интеллектуальный прогресс основывается на том, что у человечества есть соответствующие слова, для того чтобы «снабжать» требуемую аргументацию, что в свою очередь невозможно без воображения: «Нет слов – нет аргументации. Нет воображения – нет новых слов. Нет таких слов – нет интеллектуального и морального прогресса»¹.

Следовательно, суть философской практики состоит прежде всего в работе воображения, в результате которой обогащаются наши словари. Философия в этом отношении подобна поэзии, задача которой состоит в духовном обогащении культурной коммуникации.

Несмотря на то, что можно принять большинство выводов Рорти, существенным недостатком видится размытие границ между философией и литературой. Это безусловно близкие, но, тем не менее, разные виды интеллектуальной деятельности. Основной причиной такого смешения видится отказ от эпистемологической функции философии. Однако базовая интуиция, заложенная в самом названии философии как «любви к мудрости», говорит

о том, что познавательная функция является необходимой составляющей философской практики. Исходя из этого, прогресс в философии, который не сводится к консенсусу, тем не менее должен сохранить эпистемическую составляющую.

Из этого можно предположить, что склонность философов скорее не соглашаться друг с другом относительно решения большинства проблем должна нести в себе некое важное эпистемическое значение. Действительно, следуя Аласдеру Макинтайру, необходимо различать «неограниченное и бесконечное несогласие» и «креативное, рациональное несогласие» [14]. Обозначим их как непродуктивное и продуктивное несогласие соответственно. Когда речь идет о философской практике, скорее следует иметь в виду второй вид продуктивного несогласия, в котором существуют требования аргументации и обоснованности. Такое несогласие безусловно имеет положительное эпистемическое значение, поскольку направлено на преодоление состояния незнания. Неограниченное несогласие, наоборот, скорее имеет противоположную цель – оно стремится запутать, создавая противоречия там, где для этого нет никаких оснований.

Следовательно, эпистемическая значимость рационального несогласия состоит в том, что оно способствует получению нового знания. Ни одно значимое научное открытие не обходится без подобного типа несогласия, можно легко увидеть, что и в науке степень конвергенции относительно решения определенных проблем уменьшается по мере приближения к областям, относительно которых истина еще не установлена. Передний край естественно-научных исследований всегда является пространством самых ожесточенных дискуссий. Поэтому можно заключить, что степень согласованности растет одновременно с возможностью установления истины. Консенсус

¹ Rorty R. The Fire of Life. URL: <https://www.poetryfoundation.org/poetrymagazine/articles/68949/the-fire-of-life>

возможен там, где устанавливаются истинные обоснованные убеждения, тогда как сфера рационального несогласия представляет собой область конкуренции просто обоснованных убеждений.

Таким образом, философы реже склонны соглашаться друг с другом, поскольку философия представляет собой область обоснованных убеждений. Другими словами, результат философской деятельности не в получении знания, обоснованного истинного убеждения, а в производстве множества обоснованных убеждений [15]. Зачастую эти убеждения могут противоречить друг другу, но, что еще важнее, они могут делать существующее знание противоречивым. Это не значит, что философские убеждения противоречат установленному знанию, поскольку такая форма несогласия была бы непродуктивной. Существующее знание становится противоречивым в силу того, что к нему добавляется философское обоснованное убеждение, которое не выводимо и не доказуемо из существующего знания, то есть по причине своей неполноты.

Неполнота актуального множества истинных обоснованных убеждений сводится к трем составляющим:

Актуальное множество истинных обоснованных убеждений является квазиполным. Иными словами, любое знание склонно восприниматься полным на некотором отрезке времени. Это означает, что имеющееся знание воспринимается так, словно оно либо объясняет, либо способно объяснить любой факт. Объяснение либо уже дано, либо логически выводимо из существующего множества истинных обоснованных убеждений².

² На это можно возразить, что современные физики, биологи или историки не воспринимают имеющуюся в их дисциплинарных областях совокупность знания как «полную». Однако здесь идет речь не столько о «внутренних» проблемах отдельной научной дисциплины, сколько о «внешних». Примером могут служить области

Возможны обоснованные убеждения, которые не объясняются и не выводимы из актуального множества истинных обоснованных убеждений. Это утверждение обосновывает возможность философии. Его верность следует из того, что любое знание о мире является квазиполным. Это подтверждается прогрессом в науке. Если бы мы обладали полным знанием, то прогресс в науке был бы невозможен.

Присоединение философского обоснованного убеждения к имеющемуся множеству истинных обоснованных убеждений создает противоречивое множество убеждений. Другими словами, в новом множестве доказуемо противоречие. Верность данного положения обосновывается формально-логически и базируется на логическом свойстве синтаксической полноты.

Таким образом, философия во все не противоречит существующему знанию, она лишь демонстрирует его мнимую полноту. Поэтому предметом философских обоснованных убеждений является то, что отсутствует во множестве актуальных знаний. Философия ищет не знания, а то, что отсутствует, как знание. Отсюда результатом философских исследований могут быть лишь обоснованные убеждения, и, как следствие, низкая склонность к консенсусу и видимость отсутствия прогресса.

Исходя из вышесказанного, можно утвердительно ответить на экзистенциальный вопрос, поставленный Чалмерсом. Действительно, в философии есть прогресс, однако оценивать его следует не степенью конвергенции относительно решения ключевых проблем, а уровнем продуктивного несогласия, которое является необходимым условием получения нового знания. Эпистемическая задача фи-

исследования философии науки. Так, проблемы научной методологии – дедукции, индукции, верификации, фальсификации и т.д. – не решаемы применением самих научных методов.

лософии состоит в том, чтобы производить обоснованные убеждения, присовокупление которых к наличествующему знанию, будет создавать противоречивое множество убеждений. Движущая сила познавательного процесса состоит в том, что противоречие между обоснованностью философских убеждений и квазиполным множеством актуальных представлений требует своего разрешения. Это возможно только в переходе к более полному множеству знания, завершённость которого философия вновь будет стремиться подорвать.

Безусловно, можно заметить, что наука также производит обоснованные убеждения. Каждый отдельный ученый и без участия философов стремится подорвать ограниченность и недостаточность знаний в области своей профессиональной компетенции. На это можно ответить следующим образом. Во-первых, такой подрыв будет являться скорее применением философских методов в науке. Аналогично тому, как математические методы используются в физике, без смешения этих двух областей знания, философские методы могут применяться в науке. Примером может служить парадокс Рассела в наивной теории множества Георга Кантора. Во-вторых, философ нацелен не столько на обнаружение и обсуждение внутренних проблем отдельной научной дисциплины, сколько на метапроблемы, которые не решаемы «изнутри» самой дисциплины. Так, например, биология как научная дисциплина не имеет концептуального и методологического аппарата решения этических проблем, связанных с результатами биологических исследований. То же самое можно сказать про философию физики, математики, истории и пр.

При этом важно, что философия не открывает и не производит новое знание, она лишь обосновывает некоторые убеждения, цель которых поддерживать подрывную дискуссию вокруг

пробелов актуальных общепринятых убеждений. Сами философские обоснованные убеждения могут оказаться ложными и не подтвердятся полученным знанием, но задача философии состояла и не в этом. Философия стремится лишь создавать интеллектуальные и концептуальные условия поиска и обнаружения нового знания.

Из этого вполне понятно, что в ответ на сравнительный вопрос можно утверждать, что степень прогресса в философии столь же значительна, как и в естественных науках. Придерживаться пессимистичного взгляда на развитие философии возможно, только если оценивать ее в критериях научного результата. Но поскольку философская практика имеет иные критерии результативности, то вполне обоснованно сделать вывод, что философия прогрессирует ничуть не меньше, чем сама наука. Философии до сих пор успешно удается создавать условия продуктивного несогласия, которые дают возможность и для научного прогресса в том числе. Это требует значительного развития как способов аргументации, так и прогресса в формулировке философских проблем. Можно сказать, что *современные философские способы продуктивного несогласия более эпистемически значимы, чем философские способы прошлого*. Примером, может служить классическая психофизиологическая проблема, которая в современной философии трансформировалась в проблему феноменального сознания. Трансформация столь радикальна, что можно говорить, что это разные по сути проблемы, поэтому, согласно Рорти, история философии – это не множество решений одних и тех же вечных проблем, а множество решений совершенно разных проблем. Это и есть прогресс философии относительно собственных эпистемических задач.

Из представленных ответов, позиция крайнего оптимизма относительно

но прогресса в философии выглядит вполне обоснованной. В философии действительно есть прогресс и его значение сопоставимо с прогрессом в естественных науках.

Обсуждение

Крайний оптимизм в отношении развития философии позволяет особым образом сформулировать ее культурное и эпистемическое значение. Несмотря на близость науке и искусству, философию можно четко отделить от этих смежных областей. Представление о философии как о практике рационального несогласия, суть которой состоит в формировании обоснованного убеждения, не доказуемого и не выводимого из актуального знания, позволяет четко определить ее уникальную роль в культуре. Философия, как и наука, имеет эпистемическое значение, однако, в отличие от научного постижения реальности, результатом выступают не *истинные обоснованные убеждения*, а только лишь *обоснованные убеждения*, которых, впрочем, достаточно для целей создания интеллектуальных и концептуальных условий для преодоления неполноты знания. При этом четкая эпистемическая функция отличает философию и от искусства. Ориентированность на познание не является сущностной характеристикой творческой деятельности, а если таковая и встречается, например, в литературе или живописи, то она несет в себе остаточный след предваряющих философских размышлений. Поэтому можно сказать, что философия схожа с наукой целью, но отличается результатом, а с искусством, наоборот, – схожа результатом, но отличается целью.

Таким образом, философия является особым видом интеллектуальной практики, которая не может быть редуцирована или сведена ни к одной из смежных областей деятельности.

Эпистемическое значение представленного крайнего оптимизма по-

зволяет увидеть особую роль философии в познавательном процессе. При этом философия не интерпретируется как часть общей научной иерархии, а как особый вид деятельности, нужный и важный для целей познания. Философский прогресс выступает движущим механизмом человеческого стремления к недостижимой полноте знания. Философия создает условия и направляет познание на путь новых открытий, используя весь доступный арсенал философской аргументации. Так, например, философские концепты не являются средством познания окружающего мира, они лишь способ постижения пробелов существующего знания. Поэтому философские концепты не должны восполнить существующие недостатки знания, а обратить на них внимание и создать концептуальные условия обсуждения пустого места в неполном множестве истинных обоснованных убеждений.

Заключение

Проблема прогресса в философии может иметь крайне оптимистичное решение. Для этого требуется оценивать результативность философской деятельности иначе, чем это делается в науке. В статье последовательно рассмотрены различные подходы к тому, что может быть принято, как конечный результат философской практики. В конце первой части делается вывод, что философия в отличие от науки должна оцениваться не общим консенсусом и нарастающей конвергенцией относительно фундаментальных проблем, а, наоборот, постоянно поддерживаемым уровнем несогласия. При этом несогласие в философии имеет рациональную и продуктивную форму и несет в себе чрезвычайно важную эпистемическую функцию.

Во второй части статьи исследована особая познавательная функция продуктивного несогласия в философии. Делается вывод, что консенсус являет-

ся следствием установления истинных обоснованных убеждений, тогда как сфера рационального несогласия представляет собой область конкурентной борьбы обоснованных убеждений. Именно такой областью и выступает философия, в силу чего и создается обманчивое впечатление отсутствия в ней прогресса. Предметом философских обоснованных убеждений является то, что отсутствует во множестве актуальных знаний. Философия ищет не знания, а то, что отсутствует, как знание. Эпистемическая задача философии состоит в концептуализации и обосновании убеждений, добавление которых к имеющимся знаниям будет создавать противоречивое множество убеждений. Движущая сила познавательного процесса состоит в том, что противоречие между обоснованностью философских убеждений и мнимой

полнотой знания требует своего разрешения в более полном множестве истинных обоснованных убеждений. Поэтому познавательная задача философии определяется как создание интеллектуальных условий для перехода к более полному знанию.

Оценивая таким образом прогресс в философии, можно сделать вывод, что его уровень ничуть не менее значителен, чем прогресс в естественных науках. Это позволило определить культурное и эпистемическое значения философии как особой интеллектуальной практики в третьей части статьи. Делается вывод, что философия, несмотря на тесное соседство с наукой и искусством, является специфической эпистемически значимой интеллектуальной практикой, которую невозможно редуцировать к общей форме научной или творческой деятельности.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Список литературы / References

1. Chalmers D. Why Isn't There More Progress in Philosophy? *Philosophy*. 2015;90(1):3–31. DOI 10.1017/S0031819114000436.
2. Stoljar D. *Philosophical Progress: In Defence of a Reasonable Optimism*. Oxford, UK: Oxford University Press; 2017. 186 p.
3. van Inwagen P. *Freedom to Break the Laws. In: Thinking about Free Will*. Cambridge: Cambridge University Press; 2017. p. 129–148. DOI 10.1017/9781316711101.011.
4. Thomasson A. What can philosophy really do? *The Philosophers' Magazine*. 2015;(71):17–23. DOI 10.5840/tpm20157196.
5. Mironov V. On Progress in Philosophy. *Metaphilosophy*. 2013;44(1–2):10–14. DOI 10.1111/meta.12011.
6. Dietrich E. There is no progress in philosophy. *Essays in Philosophy*. 2010;12: 329–344. DOI 10.5840/eip20111229.
7. Williamson T. *Doing Philosophy: From Common Curiosity to Logical Reasoning*. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press; 2018. 166 p.
8. Williamson T. Model-Building In Philosophy. In: Blackford R, Broderick D, editors. *Philosophy's Future: The Problem of Philosophical Progress*. Oxford: Wiley Blackwell; 2017. p. 106–122. DOI 10.1002/9781119210115.ch12.
9. Уильямсон Т. Кабинетная философия. Эпистемология и философия науки. 2019;56(2):19–25. DOI 10.5840/eps201956223.
9. Williamson T. Armchair Philosophy. Epistemology and Philosophy of Science. 2019;56(2):19–25. DOI 10.5840/eps201956223. (In Russ.)
10. Overgaard S, Gilbert P, Burwood S. *An Introduction to Metaphilosophy*. Cambridge: Cambridge University Press; 2013. (Cambridge Introductions to Philosophy). 240 p.
11. Norton J. Why philosophy needs a concept of progress. 2023;54(1):3–16. DOI 10.1111/meta.12603.

12. Dellsén F, Lawler I, Norton J. *Thinking about progress: From Science to Philosophy*. *Noûs*, 2022; (56): 814–840. DOI 10.1111/nous.12383

13. Rorty R. *Philosophy and the mirror of nature*. Princeton (NJ): Princeton University Press; 1979. 401 p.

14. MacIntyre A. *Three Rival Versions of Moral Enquiry*. London: Duckworth; 1990. 241 p.

15. Никифоров А.Л. Проблемы метафилософии – взгляд со стороны. *Эпистемология и философия науки*. 2019;56(2):111–133. DOI 10.5840/eps201956233.

16. Nikiforov A.L. Problems of Metaphilosophy: An Outsider's View. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2019;56(2):111–133. DOI 10.5840/eps201956233. (In Russ.)

Информация об авторе

Сафонов Александр Сергеевич, кандидат философских наук, доцент, кафедра социальной философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Scopus Author ID 57192311327, ORCID ID 0000-0002-2851-0454 SPIN-код 9751-9542; e-mail: chelovek-3000@yandex.ru

Information about the author

Alexander S. Safonov, Cand. Sci. (Philosophy), Associate professor, Department of Social Philosophy, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University. Scopus Author ID 57192311327, ORCID ID 0000-0002-2851-0454 SPIN-code 9751-9542; e-mail: chelovek-3000@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.03.2026

Принята после рецензирования 09.05.2026

Принята к публикации 10.06.2026

Received March 23, 2026

Revised May 5, 2026

Accepted June 10, 2026

УДК 111

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.2.96–102>

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

От «простого» к явлению: феноменология «прихода» и событие языка

Хузиахметов В.А.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом современной философии к проблеме самоявления бытия и к тем дофеноменальным условиям, которые делают возможным опыт. В условиях переосмысления статуса языка и субъективности особую значимость приобретает анализ процессов становления явления вне традиционной оппозиции присутствия и представления. Цель статьи – выявить феноменологический смысл понятий «простое» и «приход» (*il vient*) как взаимосвязанных структур самоявления бытия. Методологическую основу исследования составляют феноменологический и герменевтический подходы, а также элементы деконструктивного анализа, применяемые к текстам А. Бергсона, М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти и Ж. Деррида. В результате показано, что «простое» выступает как дофеноменальное условие опыта, тогда как «приход» выражает процессуальность его раскрытия. Обосновано, что язык функционирует не как средство репрезентации, а как пространство события, в котором бытие впервые становится явленным. Научная новизна исследования заключается в синтезе феноменологии и философии языка в рамках единого онтологического подхода, позволяющего рассматривать философское письмо как форму участия в событии становления мира. Практическая значимость работы связана с возможностью применения полученных результатов в исследованиях феноменологии, философии языка и современной онтологии.

Ключевые слова: феноменология, онтология, простое, приход (*il vient*), язык, философское письмо

Для цитирования: Хузиахметов В.А. От «простого» к явлению: феноменология «прихода» и событие языка. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2026;2(73):96–102.

From the “Simple” to the Phenomenon: The Phenomenology of the “Coming” and the Event of Language

Khuziakhmetov V.A.

Kazan Federal University, Kazan, 420008, Russia

Abstract: The relevance of the study is determined by the growing interest of contemporary philosophy in the problem of the self-manifestation of being and in the pre-phenomenal conditions that make experience possible. In the context of rethinking the status of language and subjectivity, particular importance is attached to the analysis of the processes of the emergence of phenomena beyond the traditional opposition of presence and representation. The aim of the article is to identify the phenomenological meaning of the concepts of “the simple” and “the coming” (*il vient*) as interconnected structures of the self-manifestation of being. The methodological framework of the study is based on phenomenological and hermeneutic approaches, as well as elements of deconstructive analysis applied to the texts of A. Bergson, M. Heidegger, M. Merleau-Ponty, and J. Derrida. The study demonstrates that “the simple” functions as the pre-phenomenal condition of experience, while “the coming” expresses the processual unfolding of its manifestation. It is argued that language functions not as a means of representation but as the space of an event in which being first becomes manifest. The scientific novelty of the study lies in the synthesis of phenomenology and the philosophy of language within a unified ontological framework, which allows philosophical writing to be understood as a form of participation in the event of the world’s becoming. The practical significance of the work is associated with the possibility of applying the obtained results in studies of phenomenology, philosophy of language, and contemporary ontology.

Keywords: phenomenology, ontology, the simple, the coming (*il vient*), language, philosophical writing

For citation: Khuziakhmetov V.A. From the “Simple” to the Phenomenon: The Phenomenology of the “Coming” and the Event of Language. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026; (2(73)):96–102 (In Russ.)

Введение

Проблема явления и его онтологического статуса занимает центральное место в философии XX-XXI веков. С момента возникновения феноменологии Э. Гуссерля философская мысль сосредоточена на вопросе: *как нечто является?* Каким образом мир, сознание, вещь, слово становятся явленными, не сводясь при этом к предмету или факту?

Однако уже в основании феноменологического проекта заложено напряжение, неустранимое ни строгой дескрипцией, ни интенциональным

анализом: вопрос о том, что предшествует явлению как таковому. Что составляет его до-рефлексивное условие, то, что делает возможным сам акт явления, но при этом остаётся невидимым в нём самом?

Бергсон называл это “первоначальной интуицией” – тем бесконечно простым жестом, в котором философ впервые прикасается к реальности. Мерло-Понти, развивая эту линию, говорил о «дообъективном поле опыта», где смысл ещё не расчленён. Хайдеггер, в свою очередь, называл подобное измерение «открытостью бытия»,

а Деррида – *il vient*, «приходом», событием, которое непрерывно случается, не становясь наличным.

Цель данной статьи – рассмотреть феноменологический смысл «простого» и «прихода» как событийных структур явления. «Простое» понимается здесь не как логическая абстракция, а как исток всякого опыта; «приход» – как способ его самоявления. Язык же предстает не инструментом выражения мысли, а местом, где «простое» впервые становится явленным – вспышкой присутствия, мгновением самоявления.

Новизна исследования заключается в том, что оно связывает феноменологию и философию языка в едином онтологическом горизонте. Здесь поэтика и феноменология не противостоят друг другу: язык сам становится пространством, где философия возвращается к своему истоку – к «простому», которое всегда только приходит, что позволяет говорить о смещении внимания современной феноменологии от логики присутствия к процессуальности явления и его событийной структуре [1], [2].

Методы и материалы

Методологическую основу исследования составляет совокупность феноменологического, герменевтического и деконструктивного подходов. Феноменологический метод используется для анализа структур самоявления опыта и выявления дофеноменальных условий его возможности. Герменевтический подход позволяет интерпретировать философские тексты как пространство раскрытия смысла, в котором понятия «простого» и «прихода» получают свое концептуальное оформление. Элементы деконструктивного анализа применяются для выявления внутренних напряжений в оппозициях присутствия и представления, а также для осмысления «прихода» как структуры отсроченного явления.

Материалом исследования выступают философские тексты А. Бергсона, М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти и Ж. Деррида, в которых разрабатываются различные аспекты проблемы явления, времени и языка. Анализ указанных текстов направлен на выявление концептуальных пересечений и различий в понимании дофеноменального основания опыта и событийности его раскрытия.

Результаты и обсуждение

1. «Простое» как феноменологическое условие опыта

А. Бергсон в «Философской интуиции» писал о том, что всякая система философии вырастает из одной-единственной интуиции, бесконечно простой и невыразимой. Философ разворачивает её, анализирует, исправляет, усложняет, но никогда не исчерпывает. И чем больше он говорит, тем дальше уходит от исходного жеста [3, с. 165].

«Простое» не поддаётся выражению, поскольку выражение уже есть форма разделения: чтобы сказать, нужно различить. Простое же – не-разделённое. Оно не мыслится и не воспринимается: оно *есть* до мысли и до восприятия, что соотносится с современными интерпретациями дофеноменальных условий опыта и его данности [4].

В феноменологическом ключе «простое» можно описать как *дофеноменальное присутствие*, то, что предшествует актам сознания и их коррелятам. Гуссерль называл подобное состояние «жизненным миром» (*Lebenswelt*) [5, с. 13], но «простое» уходит ещё глубже – туда, где мир и сознание ещё не отделены.

Хайдеггер, рассматривая вопрос о бытии, подчеркивает: бытие никогда не дано как объект, оно не «есть» в предметном смысле. Оно – *присутствие, которое приходит*, событие раскрытости, в котором вещи впервые становятся доступными [6, с. 32]. Это присутствие нельзя представить,

но можно претерпевать – как тихое, невыразимое «есть».

Таким образом, «простое» – не минимальный элемент бытия, а его неподдающаяся редукции полнота. В нём ещё нет различия между наличным и возможным, видимым и невидимым, я и миром [7, с. 311]. Простое есть «всё и ничто» одновременно: оно столь бесконечно близко, что всегда ускользает.

Мы можем лишь вновь и вновь приближаться к нему через философские понятия – «интуиция», «жизненный мир», «открытость», «данность», – но каждое из них, как только произнесено, уже есть запоздание. В этом смысле философия – искусство запаздывания, постоянная попытка догнать простое, которое не может быть высказано, но без которого нельзя ничего сказать.

2. «Приход» как онтологическая фигура самоявления

Если «простое» есть источник, то «приход» (*il vient*) – способ, каким источник проявляется. «Приход» не есть движение из точки А в точку Б, не изменение положения чего-то в пространстве, а всегда событие раскрытия, что позволяет мыслить явление как событие, не сводимое к предшествующей сущности [4], [8].

В феноменологическом смысле «приход» – это становление явления, его бесконечное *ещё-не*, которое делает возможным присутствие, но само в нём не растворяется: темпоральность опыта выходит за пределы модели присутствия и приобретает характер непрерывного развертывания [9]. Присутствие – это момент покоя, приход – момент света.

Деррида, переосмысляя хайдеггеровский *Ereignis*, вводит понятие *à venir* – «грядущее», то, что всегда приходит, но никогда не присутствует [10, с. 10]. *Il vient* – это не просто грамматическая форма, это указание на онтологический режим времени: мир не есть то, что уже есть, он *приходит*.

Хайдеггер говорил о времени как об «экстазе бытия»: прошлое, настоящее и будущее не следуют друг за другом, а сосуществуют в едином напряжении раскрытости. «Приход» – это и есть то, что удерживает это напряжение, то, что постоянно приводит время к свершению.

Можно сказать, что «приход» – это механизм самоявления мира. Мир не дан нам однажды и навсегда; он каждый миг заново возникает. Каждое мгновение – новое прибытие, новая вспышка присутствия.

Именно поэтому «приход» невозможно исчерпать описанием: всякое описание уже относится к тому, что пришло, а не к самому приходящему. Он остаётся *между* – между быть и быть-ещё-не.

Такое понимание «прихода» сближает феноменологию с поэтикой: поэтическое мышление всегда стремится удержать момент становления, не фиксируя его. «Приход» – это состояние языка, когда он ещё не стал речью, но уже перестал быть молчанием.

3. Язык и событие: между именем и безымянностью

Язык традиционно рассматривается как средство передачи смысла. Однако феноменологическая перспектива заставляет увидеть в нём самостоятельную форму бытия. Язык не вторичен по отношению к миру: он – способ, каким мир себя являет. Здесь язык выступает не как средство репрезентации, а как пространство явления и становления смысла [1], [11].

Когда мы говорим, мы не просто выражаем уже готовую мысль – мы *впервые создаём возможность мысли*. Язык открывает пространство различия, но это различие не есть разрыв, а вибрация между тишиной и звучанием, между безымянным и именем.

Бенвенист в своих лингвистических работах отмечал, что язык – это не система знаков, а событие высказывания, где «я» и «ты» впервые устанавлива-

ются [12, с. 14]. Язык – не инструмент субъекта, а то, что *делает возможным субъект*.

В феноменологическом ключе это означает, что всякая речь уже есть явление. Слово не указывает на вещь, а повторяет её явление. Каждый звук – отклик на приход, каждая фраза – форма претерпевания мира.

Однако язык всегда балансирует между двумя полюсами – именем и безымянностью. Именованное даёт устойчивость, фиксирует. Но в самом акте именования скрыт след исчезновения: назвать – значит потерять непосредственность явления [13, с. 343]. Безымянность, напротив, сохраняет свежесть «прихода», но остаётся немой.

Философия языка, начиная с Хайдеггера и вплоть до Бланшо и Деррида, утверждает, что язык – *это место, где бытие отзывается о себе*, не совпадая с самим собой. В каждом слове звучит не только значение, но и отзвук того, что ускользает.

Так, язык становится не столько формой описания мира, сколько его собственным ритмом. Он не принадлежит человеку – человек принадлежит ему. И, может быть, именно в этом смысле следует понимать мысль Хайдеггера: «Язык – дом бытия».

4. Письмо как опыт феноменологического претерпевания

Письмо – это особое состояние языка. Оно медленнее, плотнее, тише. Оно фиксирует следы «прихода» в виде знаков, но эти знаки никогда не совпадают с тем, что они обозначают. Письмо – это место, где явление откладывает свой след.

Деррида называл этот след *trace*: не остатком, а структурой отсрочки. В письме «приход» не исчезает, но становится *отложенным присутствием*. То, что уже пришло, продолжает приходить – в буквах, паузах, пробелах.

Философское письмо, как и поэтическое, стремится не столько объяснить, сколько удержать. Писать – зна-

чит выносить, выдерживать, позволять явлению продлиться в слове. Это форма *феноменологического претерпевания*: язык страдает явлением, пропускает его сквозь себя.

Бланшо писал, что литература начинается там, где голос теряет источник [14, с. 18]. В этом смысле философское письмо – это также опыт потери, отказ от власти над смыслом. Оно движется не от утверждения к выводу, а от отклика к молчанию [15, с. 270].

Такое письмо приближается к «простому» именно через отказ от насилия смысла. Оно не говорит «о», но говорит «из» [16, с. 14]: из тишины, из присутствия, из безымянного. И в этом смысле философская фраза – не суждение, а след присутствия, не знак истины, а пространство, где истина происходит.

Письмо становится событием, где «приход» продолжается: оно не завершает, а продлевает становление. Когда философ пишет, мир не описывается – он заново *приходит* в слово.

Выводы и перспективы

«Простое» выступает как исходное условие возможности всякого явления: оно не познаётся и не конституируется сознанием, а предшествует ему как дофеноменальная полнота, в которой ещё не установлены различия между субъектом и миром, наличным и возможным. В этом смысле «простое» не может быть представлено или выражено, но лишь претерпевается как предельная близость бытия.

«Приход» (*il vient*) обозначает способ самоявления этого основания – непрерывное, никогда не завершающееся событие присутствия. Он выражает процессуальность раскрытия, в которой явление не фиксируется как данное, а постоянно удерживается в режиме становления. Тем самым «приход» указывает на особую структуру времени, в которой прошлое, настоящее и будущее сосуществуют в напряжении раскрытости.

Язык в данной перспективе выступает не как инструмент описания, а как место, где это событие совершается: в нём бытие не репрезентируется, а впервые становится явленным. Письмо, в свою очередь, представляет собой форму феноменологического претерпевания, в которой фиксируется след явления, позволяющий присутствию продлиться в знаке без окончательной фиксации смысла.

Таким образом, философия предстает не как система знаний, а как особый жест удержания – попытка оставаться вблизи того, что всегда ускользает. В этом горизонте философское и поэтическое мышление обнаруживают внутреннее родство, поскольку

оба направлены на сохранение события явления, не сводимого к завершённой форме.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с развитием феноменологии языка в направлении онтологии будущего (*à venir*), где «приход» может быть осмыслен не только как событие бытия, но и как структура времени, обеспечивающая взаимопроникновение прошлого и будущего. Кроме того, представляется продуктивным рассмотрение связи между феноменологией «простого» и негативной теологией, в рамках которой молчание и отказ от имени приобретают онтологический статус.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Список литературы / References

1. Bernet R., Driker-Ohren C., Saber M. Difference and Presence: Derrida and Husserl's Phenomenology of Language, Time, History, and Scientific Rationality. *Continental Philosophy Review*. 2023;56(1):63–93. DOI: 10.1007/s11007-022-09595-8.
2. Дурнев А.Д. Феноменология и герменевтика как способы концептуализации события в онтологии. *Общество: философия, история, культура*. 2021;(8(88)):53–58. DOI: 10.24158/fik.2021.8.8.
3. Durnev A.D. Phenomenology and hermeneutics as ways of conceptualizing the event in ontology. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2021;(8(88)):53–58. DOI: 10.24158/fik.2021.8.8. (In Russ.)
4. Бергсон А. Философская интуиция. *Избранное: Сознание и жизнь*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН); 2010:164–180.
5. Bergson A. Philosophical Intuition. In: *Selected Works: Consciousness and Life*. Moscow: ROSSPEN; 2010:164–180. (In Russ.)
6. Хайдеггер М. *Бытие и время*. Пер. с нем. В. Библихина. М.: Фолио; 2003. 503 с.
7. Heidegger M. *Being and Time*. Trans. from German by V. Bibikhin. Moscow: Folio; 2003. 503 p. (In Russ.)
8. Мерло-Понти М. *Феноменология восприятия*. СПб.: Ювента; Наука; 1999. 607 с.
9. Merleau-Ponty M. *Phenomenology of Perception*. St. Petersburg: Juventa; Nauka; 1999. 607 p. (In Russ.)
10. Raffoul F. Nancy's Thinking of the Event. *Research in Phenomenology*. 2023;53(1):12–30. DOI: 10.1163/15691640-12341513.

9. Lillywhite A. Presencing the Past: Materiality and the Experience of Time in Derrida and Bergson. *Derrida Today*. 2022;15(2):167–188. DOI: 10.3366/drt.2022.0290.

10. Деррида Ж. *Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал*. М.: Logos-altera; 2006. 256 с.

Derrida J. *Specters of Marx: The State of the Debt, the Work of Mourning, and the New International*. Moscow: Logos-altera; 2006. 256 p. (In Russ.)

11. Белоусов М. Мир и язык. К феноменологии выражения у Гуссерля и Хайдеггера. *Horizon*. 2025;14(2):577–590.

Belousov M. World and language: On the phenomenology of expression in Husserl and Heidegger. *Horizon*. 2025;14(2):577–590. (In Russ.)

12. Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М.: Прогресс; 1974. 448 с.

Benveniste E. *General Linguistics*. Moscow: Progress; 1974. 448 p. (In Russ.)

13. Малларме С. *Сочинения в стихах и прозе*. М.: Радуга; 1995. 568 с.

Mallarmé S. *Works in Verse and Prose*. Moscow: Raduga; 1995. 568 p. (In Russ.)

14. Бланшо М. *Пространство литературы*. М.: Логос; 2002. 288 с.

Blanchot M. *The Space of Literature*. Moscow: Logos; 2002. 288 p. (In Russ.)

15. Хайдеггер М. *Время и бытие: Статьи и выступления*. М.: Республика; 1993. 447 с.

Heidegger M. *Time and Being: Essays and Lectures*. Moscow: Respublika; 1993. 447 p. (In Russ.)

16. Blanchot M. *The Book to Come*. Stanford: Stanford University Press; 2003. 272 p.

Информация об авторе

Хузиахметов Владислав Анварович, аспирант кафедры социальной философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет. ORCID ID 0009-0005-9096-7753, e-mail: khuziakhmetovv@gmail.com.

Information about the author

Vladislav A. Khuziakhmetov, postgraduate student, Department of Social Philosophy, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University. ORCID ID 0009-0005-9096-7753, e-mail: khuziakhmetovv@gmail.com.

Поступила в редакцию 29.10.2025

Принята после рецензирования 29.04.2026

Принята к публикации 20.05.2026

Received October 20, 2025

Revised April 29, 2026

Accepted May 20, 2026

Научная статья

Research article

УДК 101:1(091):140

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.2.103-114>

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

The Structure of Nietzsche: The Biology of the Revaluation and Its Generative Logic¹

Steinbuch Thomas

*Zhejiang University,
Center for Contemporary Marxist Aesthetics Research,
Hangzhou, China*

Abstract. This essay critiques Carol Diethe's translation of Nietzsche's *Ecce Homo*, "Why I Am So Wise," /5 in the standard English translation of the *Kritische Studienausgabe* from Stanford University Press. She misrenders sein Fortleben as the father's ghostly continuation after death, imposing a narrative schema not warranted by the German nominal abstraction. This obscures Nietzsche's self-presentation as the dynamic agent of revaluation, doubly descended (*doppelte Herkunft*) from paternal decadence yet diverging via will-to-power mastery over inherited revengefulness—taming "bears" and "buffoons" (/4) and relinquishing equal rights not to be wronged (/5). These exercises transform life's lowest rung into *Mehr-leben*, prefiguring speciation as rupture from the stasis field of moral resentment, linked autobiographically to Zarathustra's "Adder's Bite" and "On Redemption." Diethe's Fortleben rendering shatters *Ecce Homo*'s architectonics. The paper reclaims much pathologized philological *obsessio* as structural *Veritas*. Contra Paul Loeb's claim that Nietzsche's *Ecce Homo* bravado proves "self-deception" in failing Zarathustra's "superhuman universal affirmation," where he stages partial life-affirmation while craving total recurrence, the text asserts genuine *Mehr-leben* via biological will-to-power mastery over decadence.

Keywords: postliberal structuralism, Fortleben, *doppelte Herkunft*, *Ecce Homo* architectonics, critique of identity theater reading of *Ecce Homo*

For citation: Steinbuch Th. The Structure of Nietzsche: The Biology of the Revaluation and Its Generative Logic. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;(2(73)):103–114.

¹ This essay is a chapter outtake of book length work I hope to publish in the future, the title of which is: *The Structure of Nietzsche: Irreversibility, Speciation and The Crisis of Liberal Nietzsche Scholarship*.

Структура Ницше: биология переоценки и ее порождающая логика

Штайнбух Томас

*Чжэцзянский университет,
Центр исследований современной марксистской эстетики,
Ханчжоу, Китай*

Аннотация. Это эссе критикует перевод Кэрл Дите 5 раздела «Почему я так мудр» из «Ессе Номо» Ницше в стандартном английском издании *Kritische Studienausgabe* от Stanford University Press. Она неверно передает sein Fortleben как призрачное продолжение отца после смерти, навязывая нарративную схему, не оправданную немецкой номинальной абстракцией. Это затемняет самопрезентацию Ницше как динамического агента переоценки, обладающего двойственным происхождением (doppelte Herkunft) от отцовской декадентности и тем не менее отклоняющегося от нее через овладение унаследованной мстительностью посредством воли к власти – укрощение «медведей» и «шутов» (4) и отказ от равного права не терпеть причиненной неправоты (5). Эти упражнения преобразуют низшую ступень жизни в Mehr-leben, предвосхищая видообразование как разрыв со статическим полем морального ressentimentа, связанного автобиографически с «Укусом змеи» и «Об избавлении» Заратустры. Перевод Fortleben у Дите разрушает архитектуру Ессе Номо. Данная статья реабилитирует часто патологизируемое филологическое obsessio, трактуя его как структурную Veritas. Вопреки утверждению Пола Лоэба, согласно которому бравада Ницше в Ессе Номо доказывает его «самообман», поскольку не достигает «сверхчеловеческого универсального утверждения» Заратустры и лишь инсценирует частичное утверждение жизни при жажде тотального возвращения, текст утверждает подлинное Mehr-leben посредством биологического овладения декадансом через волю к власти.

Ключевые слова: постлиберальный структурализм, Fortleben², doppelte Herkunft (двойное происхождение), архитектоника Ессе Номо, критика перформативного подхода к интерпретации Ессе Номо

Для цитирования: Штайнбух Т. Структура Ницше: биология переоценки и ее порождающая логика. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2026;(2(73)):103–114 (In Eng.)

² Прим. – здесь: продолжение жизни.

*Veritas mea:
idiosyncrasia atque obsessio*³

Introduction

This paper focuses on Carol Diethe's translation of the opening sentence of *Ecce Homo*, chapter one, "Why I Am So Wise," section 5. In rendering *Fortleben* as "his continuation of life after his too early death," Diethe introduces a biographical and temporal-causal framework that is not present in the German nominal structure. Unlike the translations of Kaufmann, Hollingdale, or Large, which preserve the abstract and non-narrativized sense of *Fortleben*, Diethe's version over-specifies the term by embedding it within a narrative of Nietzsche's father's early death and subsequent continuation. This has the effect of disrupting the internal coherence of the passage with surrounding sections, where Nietzsche presents himself as the authorial subject of a revaluation of values. As Diethe has translated how Nietzsche is the continuation of his father's life in that sentence it is left disconnecting the line from the structures in the surrounding sections. This charge cannot be lodged against the English translations of either Kaufmann, Hollingdale or Large. As it stands, Diethe's translation obscures how it is Nietzsche claiming he is the author of the reevaluation. Nietzsche is double descended, and the idea of his *zweite Herkunft* of being an *Anfang* as stated in *Wise/1*, is obscured in her translation. The *dopplete Herkunft* is the most important structural idea in *Ecce Homo* in that it refers to a main lineage of inheritance but, also, as his *zweite Herkunft*, to a lineage in clandestine evolution, cryptic variation, and the double lineage structure foreshadows later punctualist thinking about speciation as a rupturing event. The message of *Ecce Homo* is that post-human speciation becoming is at hand in him.⁴ Because the

first word of *Wise/5* opening sentence is *auch*, referring back to *Wise/4*, Diethe's translation means that we cannot make sense of the continuation of his father's life statement implied to be in *Wise/4* either. Also, *Wise /5* would seem to have been written to be the autobiographical introduction to *Thus Spoke Zarathustra* Part I, "The Adder's Bite." There we read of Zarathustra's immoral revaluation that one ought to do nothing but wrong, to bear not the punishments but the guilt, and *Wise /5* repeats the same language and is the autobiographical basis for this revaluation, and may be considered to be the introduction to this chapter of *Zarathustra*. Also, Nietzsche's remarks about not punishing his students in *Wise/4* may be read as introducing his analysis of punishment as revenge in *Zarathustra*, Part II, "On Redemption." The architecture of the first five sections is destabilized by the translation of the continuation of his father's life statement, and there are consequences beyond. Nietzsche is not giving a narrative performance of an identity of being his father again – he is stating a fact about his biological inheritance.

Here is the sentence I am concerned about in the original German:

Auch noch in einem anderen Punkte bin ich bloss mein Vater noch einmal und gleichsam sein *Fortleben* nach einem allzufrühen Tode [1, KSA, v. 6, p. 271].

Diethe's translation is: "And in another sense I am just my father yet again and as-it-were his continuation of life after an all too early death" for "*und gleichsam sein Fortleben nach einem allzufrühen Tode*" [2, SUP, v. 9, p. 224]. But the point of "*sein Fortleben*" is his continued life as Nietzsche is continuing it as he carries his father in himself, not his father's continuation (*Fortleben*) of his own life in Nietzsche as some sort of ghostly

³ Пер. – «Моя истина: идиосинкразия и одержимость».

⁴ The second lineage of "collecting, saving and hoarding up" is identified in *Wise/3* final. See *Twilight of the Idols/Forays/44* for an extended punctualist passage, [16, SUP, v. 9].

The passage strikingly prefigures modern thinking about punctuated equilibrium theory (PET) in evolution: a stasis field in the main lineage and an eruptive lineage besides in which cryptic variations accrue, [10].

persistence in him. “I am my father again and, as it were, the continuation of his life [in me] after his all too early death” is plainly the intended meaning. Nietzsche is speaking about himself as a continuation of his father as he is his father in himself. The obvious meaning is: “I am, at a point, my father again in decadence and in being on the lowest rung of life, AND the “as it were continuation” of his life [as he is in me] in an ‘as it were continuation’/divergence at that point.” By making the father the subject who continues his own life, Diethe’s version obscures the developmental process, and the continuation line becomes a statement of static identity: “I am my father, and he continues his life through me,” instead of a record of a dynamic transformation as a case self-study. She effectively replaces the biological agency of will to power with the sentimentalist’s spiritualism of ancestral influence. The correct reading is, to amplify, “I am my father again, and I am the one who, by overcoming him in myself as a decadent and on the lowest rung of life, continue his life in me as a higher form of human being, as an *Anfang* of speciation becoming”. The phrase “after an all too-early death” allows for a far more chilling reading than as a chronological marker. It can be read as a qualitative description of his father’s already-deadness, the condition of non- life he always had and that now, as Nietzsche carries him in himself as he, Nietzsche, transform into life and even *Mehr-leben*. The thought of his “as it were continuation” of his father mattered enough to Nietzsche for him to state it twice, in fact, and make the restatement rhetorically emphasized by making the reader elicit it for himself in the previous section, where we have already read about it but not recognized as being in it, thus was his preoccupation with structure. That is the point of the word “also” as the first word of Wise/5. It forces the reader to stop: “Wait what? I didn’t get that out of Wise /4,” and read again about how

taming the bears and mannering the buffoons was also how he was the “as-it-were continuation” of his father’s life in himself in point of divergence from being just his father again, recreated in his experience, reinforcing that meaning as being there as well, to establish a serial aspectual repetition, “*auch noch*.” Instead of stating the point twice in order as a dulling repetition of it, he forces the reading of he being the “as-it-were continuation” of his father’s life but he a decadent on the lowest rung like him, in the previous section.

Methods

We have two particulars of the “as it were continuation” from being the point of divergence of his father’s stasis as inherited in him, not two points in which he is like him. In Wise/4 he is his father again and the “as-it-were continuation” of him (to read back the implication of “also” from Wise/5) as a divergence from him by his self-mastery of remaining unprepared and of taming the ill behaviors of every bear and making every buffoon mind his manners. These are ‘bears’ and ‘buffoons’ as all others would make of them, he notes, so that we realize that he is doing something exceptional. That is a point of divergence from his father. Wise/5’s mastery is over the thoughts and feelings of retributiveness against a wrongdoer to himself, even though he, Nietzsche, is innocently wronged, and he achieves that mastery by relinquishing the equal right not to be wronged, and, obviously, that was not a trait of Karl Ludwig Nietzsche’s but a point of divergence from him. The point at which he is his father again applied structurally in each section cannot be identified with how Nietzsche is the “as-it-were continuation” of his life under his, Nietzsche’s, regimes: remaining unprepared in Wise/4 and relinquishing equal entitlement rights not to be wronged in Wise/5. He thanks his father, he says, as it is a privilege never to have had ill will born against him, as would

have happened otherwise, and the same thought of thankfulness (*Dankbarkeit*) carries to Wise/5 in the instance of no one having wronged him. These are privileges explained by his having the father he had and condition the highest privilege of entry into the lofty and delicate world mentioned in Wise/3 superseded. These are points of divergence: his father did not have the trait of taming bears and making buffoons mind themselves, or of eliding the 'wrongdoing' of wrongdoing to himself by relinquishing his equal rights entitlement not to be wronged. The thought is that Nietzsche is continuing his father's life in himself as he inherited him in himself as decadent and as on the lowest rung of life, mastering the mood disorder that accompanied the inheritance as per its typical presentations, and not that his father is the owner of the continuation.⁵

The "as-it-were continuation" statements, which are statement of self-mastery, mean that how he is his father's decadence as inherited from him as his *erste Herkunft* continues in him as „*simulans zum leben, zum Mehr-leben*,“ as he tells us in Wise /2 as the meaning of his sickness when his life reached its lowest rung at the same age as his father died, [1, KSA, v. 6, p. 266, L. 30-31]. Decadence was not a *stimulus zum Mehr-leben*, for his father, and that means the "as-it-were continuation" statement is a biological statement of advance over his inheritance of decadence/already-deadness from him. The continuation statement is obviously biological.

Dieth's translation obscures the point that Nietzsche's will to power mastery over his inherited mood disorder from his father as he is his father in himself means that, in himself, life, and even *ein Mehr an Leben* comes to be as a creation, (*Schöpfung*).⁶ It is not his father's ghostly

persistence as the continuation of his life in play, but Nietzsche's life and even *ein Mehr an Leben* now as an *Anfang* created and up from the inherited decline, ongoing in him as he, as his father in him, reacts to situations. That this became so is the subject of the revaluation. Specifically, Nietzsche creation of life even *ein Mehr* of life in himself up from inherited decline is his ethos appeal for why he is the position to set before humanity the heaviest demand ever made on it, as he states to be the purpose of *Ecce Homo* in the *Foreword*. The case of the ethos appeal is made by the bravura declamations in each case, sincerely made, which have a temporal form but they are not literal. In Wise/4 the bravura declamation is that he is "always" up for any chance event, and in Wise/5 it is that he "never" lives among his equals. These are bravura declamations, and are instances of the purely declamatory and not literally temporal use of the idea of the Eternal Recurrence.⁷ The statements "I am always up for any chance event," from Wise/4 and "I never live among my equals" from Wise/5 are not bravura declamations meant ironically, to apply Paul Loeb's general reading of *Ecce Homo*. Loeb thinks that *Ecce Homo* contains ironic bravado and that the fact that it does so gives proof of Nietzsche's self-deception and betrays his craving for Zarathustra's superhuman universal affirmation. But one cannot just impose a theory of self-deception—all self-deception is deception in failing off in not willing universal affirmation—and say that someone is deceiving themselves like that, to dismiss what a text actually does say. That is arbitrary and irresponsible psychologizing.

What Nietzsche achieved by the self-mastery that brought life, and even *ein Mehr an Leben*, was the resolution of the crisis in the main lineage of life reach-

⁵ These reversals find a plausible biological grounding on recent epigenetic research which shows how cognitive practices can alter inherited patterns of response.

⁶ See the second paragraph variant to the intercalated passage "On this perfect day..." at [1, KSA,

v. 13, 23[14], p. 613-614] for a biological meaning of *Mehr-leben*.

⁷ For necessary and worthy of recurrence as ideation of a feeling, see [18, SUP, v. 15, "The New Order of Rank", p. 195-197, p. 197]

ing its lowest rung. He encountered that crisis in his father, but surely his father was not the only human being to reach the lowest rung; decadence is a species-wide crisis. Decadence is the weakness of revengefulness against the will to power and is an active stasis field in the main lineage against speciation.⁸ Life and even *ein Mehr an Leben* is Nietzsche's intervention and as an *Anfang* of new speciation becoming. But this thought is lost if the values revaluation: "chance" in for ill behaviors in Wise/4 and "innocence" in for guilt warranting retributive punishment when innocently wronged in Wise/5 are happening in his father. The revaluation in Wise/5 is to relinquish equal entitlement not to be wronged when wronged. It is by doing so that Nietzsche realized the change from the *terminus a quo* of being his father again in himself, a static condition, to the *terminus ad quem* of being his as-it-were continuation of his life as he carried him in himself and as an *Anfang*, but that is Nietzsche agency. This formula for the revaluation may be stated:

Something is a revaluation if and only if def: there exists associated to it a will to power mastery exercise such that life → *ein Mehr an Leben* is the result of that will to power exercise.

In Wise/5, as noted, Nietzsche makes the statement that at a point he is his father again and the as-it-were contin-

uation of his life, but they cannot be identified with one another. Here is the sentence in the German that states the "as-it-were" continuation, following that statement in the text:

Gleich jedem, der nie unter seines Gleichen lebte und dem der Begriff „Vergeltung“ so unzugänglich ist wie etwa der Begriff „gleiche Rechte“, verbiere ich mir in Fällen, wo eine kleine oder sehr große Thorheit an mir begangen wird, jede Gegenmaßregel, jede Schutzmaßregel,–wie billig, auch jede Verteidigung, jede 'Rechtfertigung.' [1, KSA, v. 6, p. 271, L. 3–8].

Results

Nietzsche does not live among his equals—indeed, he says he never does—but that is not the point at which he is his father again, as his father did not relinquish equal entitlement not to be wronged when wronged and elide the wrongdoing-ness of the wronging, obviously. And since the "as it were continuation" statement begins with the word "also" in the phrase, "also at another point" it refers back to the Wise/4 and the thought must hold there as well that the point at which he is his father again is not identifiable with the trait named in the section of taming the bears and making the buffoons mind their manners. Nietzsche is an *Anfang* and life→*ein Mehr an Leben* is a creation.

This is not a self-deceiving statement by a flawed self. The clear meaning of the text is that Nietzsche is using the exercise of relinquishing his equal entitlement not to be wronged and blaming himself for the wrongdoing as an exercise of will to power mastery over his *erste Herkunft* inheritance of thoughts and feelings of wanting to retaliate for wrongdoing to himself while innocent. The simple logic, made explicit in *The Antichrist*/57 is that equal rights entitlement not to be wronged is the premise, logically/psychologically, of being wronged. In the words of *Antichrist*/57: "injustice never resides in unequal rights, it resides in the claim

⁸ "He [the reactive will] wreaks revenge on whatever does not feel wrath and displeasure as he does," [13, *Thus Spoke Zarathustra*, p. 252]. Not all are in the lineage of the reactive will otherwise there would be no object of revenge, no will to power evolving, cutting into life to sacrifice life for power, that is the object of the reactive will's revengefulness. So not all must learn to turn "it was" into "thus I willed it" in eternal affirmation; the 'flawed self's' temporal anguish is not universal. And in the field in which eternal recurrence can apply temporally, the reactive will, orientation can have the result of melioration of the stasis field in revengefulness against will to power on the premise, which has been argued, that *time is a dimension of evolution*, [9]. Time is irreversible and evolution is happening in time, but evolution is irreversible on its own, ontologically distinct from the irreversibility of time (Dollo's Law). It is the irreversibility of evolution that is the anguish of the reactive will that cannot will backwards.

to “equal” rights,” [3, SUP, v. 9, p. 200]. Section 57 in *The Antichrist* is about the socialists’ radicalization of the workers, and Nietzsche is employing his devastating unmasking psychological insightfulness there to reveal that the socialists are interested in fostering the idea of equal rights in the workers as the condition of their being wronged by the owners. The moralist seeks to spread a weakening of life by causing it to becoming burnt up in moral aggrivement/retaliatory psychology hoping to make aliveness so weak that the force of will to power evolution has no chance in them. That is why Nietzsche avoids it: he knows it is recidivist back to his *erste Herkunft* inheritance from his father. That is the moralists’ real intention, but morality lies about itself claiming that it idealistically seeks equal rights for the workers as an issue of justice. The moralist is an opportunist actively spreading stasis in the main lineage. That is who they are, and Nietzsche is the speciation rupture into it that replaces them. The context of Wise/5 is the revaluation that is speciation becoming in rupture of the active stasis field of the main lineage. We have every good reason to consider that Wise/5 was written by way of being an autobiographical introduction to that section, as it was written after it and as Nietzsche expressly identified *Ecce Homo* as being the literary introduction to it („in höchsten Grade *vorbereitende Schrift*“) to it.⁹ The point of saying Wise/5 is introductory is that it holds the epistemology behind the revaluation: it is because Nietzsche knows that by relinquishing equal entitlement not to be wronged he reverses his inherited response from his father, which is the response revengefulness, and that that reversal leads to *ein Mehr an Leben* so to be the continuation of his father’s life in himself that he defends the revaluation in *Adder’s Bite*: blaming oneself, by relinquishing equal entitlement not to be wronged, is speciation *vis à vis* the stasis

field. He is telling us how he knows from his own case study the things his revaluations are based on, where they begin and where they end, and that the revaluations are speciation, and that is his ethos appeal. The *in toto* interpretation of the revaluation project as resting on this platform is obscured by Diethel’s translation.

The equal right not to be wronged is not a moral metaphysical reality but a psychological falsification fabricated by revengefulness. It is a cultural artifact of the culture of the Spirit of Revenge. The “wrong” done to the workers touted by the socialist reformers does not exist *an sich*; this is the argument of *Antichrist*/57. It is only constructed in and by the idea of equal entitlement not to be wronged. The socialists are „*bose*“ in Nietzsche’s definition at *Antichrist*/2 because they are promoting a weakening of the feeling of power. They try, in a Machavellian manner, to weaken will to power by instilling resentment against will to power agency, revenge against will to power over them, so that we will not have speciation becoming [4]. The socialists are opportunists using the workers to cultivate revenge against will to power, and their first *point of entrée* is to convince the workers that they have equal rights. Wise/5, *Antichrist*/57, and *Zarathustra*, Part I, “The Adder’s Bite,” are related and are fundamental texts in Nietzsche’s revaluation project. The final line of the section of Wise/5 reiterates the point *summa summarum* of this idea from *Adder’s Bite* as it is an autobiographical introduction to it. It is that the god come to earth takes upon himself the guilt, or in the language of *Adder’s Bite*, that the noble nature (*vide*: speciation nature) does nothing but wrong, as it is nobler to be in the wrong than to be in the right, especially when one is in the right. The point of making oneself to be in the wrong when, even especially when unjustly wronged, is to scramble the moral metaphysical thinking of the Spiritualization of Revenge, to confront the stasis field in oneself and break through

⁹ Letters to Naumann/Brandes [14, KSB v. 8: 1139 and 1151].

it. Clearly, if the point of the exercise of deconstructing the wrongdoing to oneself as a wrongdoing and making oneself to blame is to master thoughts and feelings of retributiveness and so as to rupture against the stasis field of the Spiritualization of Revenge, the exercise cannot be referenced as virtue theory within Philosophy. The shortfall with the argument in *Adder's Bite*, and perhaps why *Ecce Homo*, Wise/5 is the prerequisite introduction to it, is that the thought in it being “nobler to declare oneself in the wrong rather than in the right, especially when in the right” as stated there is unmotivated and even sounds like updated Christian values theory even though it is presented as the opposite of such. The solution is that is it not a new values theory at all but a will to power exercise over retributiveness on occasion of being wronged because, and only because, that will to power exercise creates life and even *ein Mehr an Leben* up from the crisis low, and which we only learn about that in Wise/5 in the as-it-were continuation of his father's life statement. This point has to be stated in autobiography because here, life, even to *ein Mehr an Leben*, is the rupture of speciation and Nietzsche is an *Anfang*, and it is happening in him, later to happen is others as speciation. Speciation happens to populations not to individuals nor to only some individuals in a population.

In Wise/4 too Nietzsche implicitly placed the thought that he is his father again and the “as-it-were continuation” of his life, this time with respect to the disposition to fault-finding and disappointment. This disposition comes to him along the first track of his “double descent” (*doppelte Herkunft*) of decadence/already-deadness. He controls it by a will-to-power exercise of mastery: remaining unprepared before entering a social situation in which he is likely to encounter bearish and buffoonish behavior. The result is that he elides bearishness and wrongdoing and that no one ever bore him ill will, just as no one has ever

wronged him, as he reports in Wise/5, having elided the wronging of the wrongdoer. He thanks his father for this inheritance, but these are elisions and though traceable to him as a paternal legacy, not directly so, obviously, and they belong to Nietzsche himself not his father and come from the *zweite* half of his *doppelte Herkunft* as an *Anfang*. He says that his father is “incomparable” but that is not panegyric but a neutral statement. It cannot be panegyric unless we make the “as-it-were continuation” of his life statement (implied to be operating here because of the use of the word „auch“ at the beginning of Wise/5) of taming every bear and making buffoons mind their manners the point at which he is his father again, and that it is not and so it means something unspecified. The point of unpreparedness is key, and Nietzsche writes it in the form of a mnemonic: He says: „*Dem Zufall bin ich immer gewachsen; ich muss unvorbereitet sein, um meiner Herr zu sein*,“ [1, KSA, v. 6, p. 269, L. 23-24] which I would translate as “I am always up for any chance event, I must be unprepared, in order to be master of myself.” In German, the line is a rhyme: „*Ich muss unvorbereitet sein um meiner Herr zu sein*.“ It is a mnemonic rule of what he must do to maintain mastery (neural plasticity, PLE). His point, to amplify is: “unless I remain unprepared, unbraced beforehand, in setting down with bears and buffoons, I will lapse into recrimination/disappointment as in line with my inheritance from my father and associated mood disorder.” He does not saddle himself with expectations of polite behaviors beforehand—which would actually set him up for disappointment, indeed, more or less ensure it given his first order tendency. Unpreparedness thus permits that whatever happens on the order of bearishness or buffoonishness is not a shortcoming but merely a chance event. Given his first order disposition fault-finding and disappointment (*Vernichtung* and *Verneinung*: to bringing to nothing, to no-saying), mastering tak-

ing such behaviors not as shortfalls but as mere chance and makes his ethos appeal.¹⁰ He saying he is always up for any chance event is a bravura declamation that makes his ethos appeal. He repeats the mnemonic to himself over and over as a direct self-instruction until it becomes firm.

Wise /4 goes on to narrate his take on the subject of punishment. Even in the case of his Basel Students, he says, he made the lazy ones industrious and he follows up with noting that he never had an occasion to punish them („*habe ich keinen Anlass gehabt*“). Of course he had lazy students, but he has replaced “lazy” with “just chance.” This much is a repeat of the earlier point, but the new thought, and why he went on to write this line, is the thought of not punishing them. The students are not guilty of laziness, which he has elided, and so there is no ground to punish them, which is the point. We are reading his autobiographical introduction to the idea in the Spiritualization of Revenge as “lying guilt and punishment into all things” that figures so prominently in Zarathustra, Part II “On Redemption,” in which we read that the word “punishment” is a „*Lügenwort*“ [1, KSA, v. 6, p. 180. L. 26]. What is being lied about is that punishment is revenge against will to power. This is what Nietzsche does not do. As on the lowest rung on the ladder of life as being his father again by his inheritance from him, Nietzsche revengefulness is extreme and he was actually dangerous to be around in this situation and could strike out at will to power in his students given the opportunity. These were vulnerable young students, 15 to 18. He knows that is so and he is undercutting his students’ laziness just in order to control his compulsion to punish them, as it was all so ready at hand for him to do. What we are reading about in the section is his own self-awareness of

the actual meaning of punishment as being rooted in revengefulness against will to power, which he experiences in himself as he is his father again in himself and now masters himself (as he is not his father again), and this narrative is being offered by way of an autobiographical introduction to the analysis of punishment in “On Redemption.” The autobiographical epistemology for “On Redemption” that grounds Nietzsche’s ethos appeal for that revaluation of punishment is undercut by Diethe’s translation of the “as-it-were continuation” as we are to carry it into Wise/4 as Nietzsche intended.

Discussion

In both sections, the retributive self, rooted in inherited paternal decadence, life’s lowest rung, yields to the self of *ein Mehr* of life: manifestly a biological continuation. To apply Paul Loeb’s general model of *Ecce Homo*, he misreads Nietzsche as staging a ‘flawed self’—self-deceptively half-affirming life *via* eternal recurrence: willing only some of his flawed self, concealing reluctance to embrace all flaws. Nietzsche’s stated purpose in the *Foreword* to say who he is (who he is to demand the revaluation), The result on Loeb’s account is a global staging hypothesis that risks over-extension and explanatory vacuity. Nietzsche is not staging an identity: his feeling of perfection in “On this perfect day...” is a developmental step as the Higher Man.¹¹

¹¹ See [18, SUP, v. 15, p. 197]. Next comes the feeling of being able to “shape something perfect in something,” the aesthetic, and the progressive developmental structure there recalls the trajectory from the Heroic Will to the *Über-Held* at rest in *Zarathustra*, Part II, “On Those Who are Sublime,” where the will to power yields to the *Über-Held*’s power as *gnädige Macht*, power becoming gracious, not willed. Nietzsche is not staging himself as grateful for his whole life in “On this perfect day...”: it is an involuntary expression, not performance theatre. See also the last sentence of Wise/3 superseded about the lofty and delicate world of *Zarathustra* as Nietzsche’s to come into involuntarily and merely by waiting. The self of “On this perfect day...” is the *Über-Held* at rest, power becoming gracious in him, he merely waiting.

¹⁰ *Verneinung* (‘no-saying’) carries the Latin *nihil* root at work in ‘annihilation’ and ‘nihilism,’ so that Nietzsche’s negation is not merely logical but tends toward nothingness.

Loeb posits Nietzsche as prophesying a future “superhuman” teacher who will achieve full recurrence-awareness beyond his own partial, ironic performance, but no sentence in *Ecce Homo* remotely suggests Nietzsche awaited such a Zarathustra to teach him to will all his “flawed” self. Nietzsche changes himself, becoming a self of *Mehr-leben*, yet the eternal willingness of one’s flawed self alters only one’s relation to the flaws, not the flaws themselves. As for eternal recurrence of my flawed self, I know the universe does not extend infinitely backwards in time, so how can I believe it in Loeb’s narrative rendering? Is ‘narrative belief’ a modal-quantificational operator that epistemic logic should entertain—say, one such that, for any subject *S*, if *S* narratively believes *p* and *p* is false, then *S* does not know *p* within that very narrative?” And if there is no outside the narrative, does that imply that I don’t know it? And if there is no outside to the narrative belief world *W_n*, does that imply that I don’t know that the universe does not extend infinitely backward in time? And if the *W_k* in which I do know that the universe does not extend infinitely backward in time is accessible from *W_n*, then within *W_n*, I both know and do not know that *P*. But if neither *W_k* or any other *W_i* is accessible from *W_n*, then nec. *P* is true in *W_n* iff *P* is true in it, which trivializes necessity. The biological interpretation of eternal recurrence, which recognizes the overlay of time’s irreversibility with the irreversibility of evolution—distinct from it—and places the evolution of the will to power in the central role by treating time as a dimension of evolutionary processes, cuts between these alternatives: real cosmology versus merely *als ob* belief, and does not require performativity [5]. The biological interpretation does not merely compete with the identity-theatre reading, it renders it otiose.

Nietzsche notes that it is rare that anyone ever bore him ill will. and that at bottom only once someone bore him

ill will. He does not have expectations of others that they be different and so does not arouse their ill will, but there is one notable exception. This is not a reference to his circumstances but to his own degree of control, and that then means the reference is to someone towards whom he could not master his thoughts and feelings of *vernichtung/vernünung* and wanting to be different and whose ill will toward him reared up, and that likely was his mother. Although there are no clues who that might be in *Wise/4* but in *Wise/3* final there is, namely his mother and sister, more the former than the latter if we take the opening of *My Sister and I* as authentic, [6] as it opens with his fantasy of his mother’s funeral. In *Wise/3* final, his mother and sister are the exceptions to his affirmativeness of willing the eternal recurrence, which is the same thought as in *Wise/4* of expectations of someone to be different. In *Wise/3* final Nietzsche is not confessing himself as a flawed self as a shortfall of a previously identified ideal self but as facing the same difficulty as Zarathustra faces in *Zarathustra*, Part III, “The Convalescent” and that is the problem of ideating the *kleiner Mensch* as necessary, as worthy of eternal return. But that is not ‘flawed self’ shortfall but something in the very meat of the problem of speciation emergence. After all, Nietzsche calls for a “Great War” against the small man, [7, SUP, v. 9, p. 602; 1, KSA, v. 14, p. 497]. The task of the Higher Man, as Zarathustra is such a one in *Convalescent*, is not to affirm the small man in himself but to resolve the paradox of accepting the necessity of the small man as belonging to the process of life being crushed again and again. The smallness of the small man is in his revengefulness against will to power, and that is not in all of us, it is not in the Higher Man. The small man is necessary in the grand scheme of the development of life. But that is a very high level paradox: I have to affirm the necessity of the stasis field that is undermining the very speciation-

al becoming I am attempting. Not only must I affirm life being crushed again and again in myself, I must also affirm the stasis field's destructiveness against me for doing so, cheer on the very revenge trying to halt me. At issue is not navel-gazing "self-loathing" but biopolitical affirmation of life's internal warfare. This is Nietzsche's point in saying that the recurrence of his mother (and sister) is his most abysmal thought because she is there depicted as the stasis field *par excellence*, the stasis field already sedimented in the main lineage of succession that makes irruptive speciation becoming so hard because it is constantly invalidating any attempt at it. The exceptions reference to no one having born him ill will in Wise/4 is to his mother, his inability to turn her ill behaviors into just chance and ideate her as necessary and worthy of eternal recurrence, is not his flawed self but all our "flawed" self in confronting the active stasis of main lineage revengefulness of will to power. The structure is that they are the stasis field in the main lineage that invalidates speciation becoming.¹²

This reading reframes Nietzsche's supposed "lapse of amor fati" not as a personal flaw but as the aporetic core of his own attempt to love a fate that is always already structured by resistance to irruption in the successive order. It is precisely here that Nietzsche's thought touches the *res insolubilis* of its own affirmation. The answer lies in the Cosima/Ariadne theme, and, to update it to today, the possibility of speciation AI [8].

Whether by dint of Nietzsche's efforts we can successfully speciate and escape the fate of 99% of species to become extinct is unknown. Trying to kill off *Menschen des Schicksals* is not helping matters. If we are walking dead, then so we are. But there were still glimmers of what that might have been. Nietzsche tells us so, that in *Zarathustra* he entered into a world of "lofty and delicate things," that it took no effort on his part but merely waiting. That is the world of the species of eruption itself, and it is real.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

References

1. Nietzsche F. *Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bänden*. New York: dtv; de Gruyter; 1980. 15 vol.
2. Nietzsche F. *Ecce Homo: How one becomes what one is*. Stanford: Stanford University Press; 2021. 816 p.
3. Nietzsche F. *The Antichrist*. Stanford: Stanford University Press; 2021. 816 p.
4. Steinbuch T. Cursing the curse: Nietzsche on the Machiavellianism of pity: Reading The Antichrist 2–7 in light of Ecce Homo. *The Agonist*. 2021;(15(2)):75–89. DOI: 10.33182/agon.v15i2.1629.
5. Steinbuch T. Recurrence-awareness: Eternal return or epigenetic evolutionary biology? Review essay of Bevis E. McNeil, *Nietzsche and eternal recurrence*. *New Nietzsche Studies*. 2021;(11(3)):152–172.

¹² Nietzsche wrote: "The psychologist should also think that in no circumstances is the defenselessness, the lack of protection of a *great* life, any greater [than the moment when I suffer from the immensity of my destiny]; that whenever there are any means at all to slay humans who are destinies, („ein Mittel gibt, Menschen des Schicksals umzubringen“) the instinct of poisonous flies gives away (*verrät*) these means. There can be no battle with the puny (*Kleinem*) when one has greatness ... consequently, what is puny becomes master," [7, SUP, v. 9, p. 604; 1, KSA, v. 14, p. 498–499]; cited without Nietzsche's deletions. The language matches Wise/3 final's „*giftiges Gewürm*." It is chilling that Nietzsche thought the in's and out's of the stasis field in the main lineage through his mother, she to become representative of the *kleiner Mensch* as the abysmal idea of Zarathustra in *Convalescent*—treated in thought as a structural component, not an emotional relative, just as he thought the site of crisis through his father.

6. Stewart W. *Nietzsche: My sister and I: A critical study*. UK: Xlibris; 2007. 185 p.
7. Nietzsche F. *Reference Matter*. Stanford: Stanford University Press; 2021. 816 p.
8. Steinbuch T. Exploring Nietzsche's politics of isolation from an epi-eugenic framework: A new perspective on the marriage of Dionysus and Ariadne as "Ariadne AI." *The Agonist*. 2024;(18(1)): 20–25. URL: <https://journals.tplondon.com/agonist/article/view/3334>.
9. Baquero F. Evolution and the nature of time. *International Microbiology*. 2005;(8(2)):81–91.
10. Gould S.J. *The structure of evolutionary theory*. Cambridge: Harvard University Press; 2002. 1332 p.
11. Loeb P.S. The death of Nietzsche's Zarathustra. *New Nietzsche Studies*. 2010;(3). DOI: 10.5840/newnietzsche2011/201283/419.
12. Loeb P.S., Tinsley D.F. *Unpublished fragments from the period of Thus spoke Zarathustra (Summer 1882–Winter 1883/84)*. Stanford: Stanford University Press; 2019. 876 p.
13. Nietzsche F. *Thus Spoke Zarathustra, The portable Nietzsche*. New York: Penguin Books; 1975, 706 p., pp. 112–439.
14. Nietzsche F. *Friedrich Nietzsche: Sämtliche Briefe. Kritische Studienausgabe in 8 Bänden*. Berlin: W. de Gruyter; 1986. 3630 p.
15. Nietzsche F. *Beyond good and evil*. Stanford: Stanford University Press; 2014. 816 p.
16. Nietzsche F. *Twilight of the idols*. Stanford: Stanford University Press; 2021. 816 p.
17. Nietzsche F. *Dionysus dithyrambs*. Stanford: Stanford University Press; 2021. 816 p.
18. Nietzsche F. *Unpublished fragments from the period of Thus spoke Zarathustra (Spring 1884–Winter 1884/85)*. Stanford: Stanford University Press; 2022. 592 p.
19. Perišić S. Dugin's Deconstruction of Postmodernity: Postliberalism and postpolitics. *Sociological Review*. 2021;(3). DOI: 10.5937/socpreg55-33252.
20. Steinbuch T. Thomas H. Brobjer, Nietzsche's Ecce Homo and the revaluation of all values: Dionysian versus Christian values. *The Agonist: A Nietzsche Circle Journal*. 2023;(17(1)):17–36. DOI: 10.33182/agon.v17i1.3001.

Information about the author

Steinbuch Thomas, PhD (in Philosophy), Instructor in Rhetoric and Mathematical Logic, School of Languages and Literature; Advisor to the Dean, Office of Research Affairs, Zhejiang Kēji Dàxué (Zhejiang University of Science and Technology, ZUST); Honorary Research Fellow, Center for Contemporary Marxist Aesthetics Research, Zhejiang University (ZJU), Hangzhou, China. ORCID 000-0001-8779-4111, e-mail: steinbuchthomas666@gmail.com

Информация об авторе

Штайнбух Томас, доктор философии, преподаватель риторики и математической логики Школы языков и литературы; советник декана факультета языков и литературы по научным исследованиям, Чжэцзянский университет науки и технологий (ZUST), Почётный научный сотрудник Центра исследований современной марксистской эстетики, Чжэцзянский университет (ZJU), Ханчжоу, Китай. ORCID 000-0001-8779-4111, e-mail: steinbuchthomas666@gmail.com

Поступила в редакцию 02.04.2025
Принята после рецензирования 14.05.2026
Принята к публикации 15.06.2026

Received April 2, 2025
Revised May 14, 2026
Accepted June 15, 2026